

Элизабет Вернер

Руны

Элизабет Вернер

Руны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22552545

Аннотация

«Жатва была в разгаре, и поля пестрели крестьянами, убирающими хлеб. Золотые колосья еще не скошенной пшеницы переливались волнами, а уже связанные снопы едва ли были когда-либо роскошнее и тяжелее. Эту картину мирной сельской страды ярко освещало августовское солнце; на ясном летнем небе не было ни облачка...»

Содержание

1	5
2	18
3	28
4	47
5	68
6	80
7	97
8	112
9	122
10	144
11	160
12	179
13	203
14	225
15	243
16	255
17	273
18	309
19	322
20	338
21	351
22	369
23	380

24	396
25	414
26	426
27	435

Эльза Вернер

Руны

1

Жатва была в разгаре, и поля пестрели крестьянами, убирающими хлеб. Золотые колосья еще не скошенной пшеницы переливались волнами, а уже связанные снопы едва ли были когда-либо роскошнее и тяжелее. Эту картину мирной сельской страды ярко освещало августовское солнце; на ясном летнем небе не было ни облачка.

Впрочем, пейзаж отличался лишь скромной прелестью северогерманской равнины, и старый помещичий дом, стоявший среди необъятных полей, выглядел эффектно только благодаря громадному парку, находившемуся позади него. Это было большое простое здание, построенное еще в начале девятнадцатого века, и внушительное впечатление создавали только длинный ряд окон да высокая крыша.

Обычно Гунтерсберг пустовал; его владелец, барон Гоэнфельс, сдавал принадлежащие имению земли в аренду, так как сам был государственным служащим. Только летом он приезжал сюда на несколько недель в отпуск. Вот и сейчас поднятые занавеси и несколько открытых окон верхнего этажа свидетельствовали, что барон дома.

Лучи вечернего солнца ярко освещали большую угловую комнату, меблировка которой вполне соответствовала общему виду старинного, солидного, но чопорного и простого дома. Красные занавеси, такая же обивка на мебели давно полиняли; единственным украшением стен служили несколько фамильных портретов, а над камином висела старинная картина, писанная масляными красками и изображавшая родословное древо Гоэнфельсов со всеми его разветвлениями.

Двое мужчин, находившихся в комнате, оживленно разговаривали. Один из них, лет сорока с небольшим, с легкой проседью в волосах, имел внешность аристократа. Черты его лица были холодны и серьезны, а глаза как будто пронизывали насквозь.

Так смотрят люди, привыкшие доходить до самой сути и в делах, и в отношениях с людьми. Внешний вид его собеседника, приблизительно тех же лет, обличал помещика, мало соприкасающегося с городской жизнью; коренастый, приземистый, с выражением полнейшего довольства и добродушия на загорелом лице, он сидел, развалившись в кресле, и говорил с легким упреком:

– Да, давненько мы с тобой не виделись, Гоэнфельс! Уже год, как ты не был здесь, и даже не писал. Правда, у правительственных чиновников никогда не бывает времени для нас, скромных провинциалов, они заняты большой политикой, которая всегда была твоим коньком.

– У меня действительно не было времени, – ответил Гоэн-

фельс. – Ты знаешь, меня рвут на части, а Гунтерсберг в хороших руках, ты сам рекомендовал мне теперешнего арендатора.

– Конечно, твой арендатор – прекрасный человек и знает свое дело, но мне это все-таки не подошло бы; я хочу сам быть хозяином и господином на своем клочке земли. В свой Оттендорф я никогда не пушу арендатора.

– У тебя совсем другая натура, Фернштейн, ты помещик до мозга костей, меня же эта роль не удовлетворяет. Хочется чем-то отличаться от других и что-нибудь значить, а здесь...

Пожатие плеч и взгляд, брошенный в окно, дополнили эти слова. В окно была видна мирная, но бесконечно скучная, однообразная картина: только поля да луга, да кое-где островки леса, а на некотором отдалении – церковь и деревенские домики; под понятие «жизнь» эта обстановка решительно не подходила.

Фернштейн, ближайший сосед по имению и друг юности барона, засмеялся и ответил с добродушной иронией:

– Еще бы! У нас тут ведь сельская идиллия, а это никогда не было в твоём вкусе. Ты ведь первый в министерстве после своего начальника и сам скоро будешь министром.

– Ну, скоро не скоро, но когда-нибудь – весьма вероятно, – спокойно ответил барон. – Впрочем, ты еще не знаешь, что привело меня сюда на этот раз: умер Иоахим.

– Иоахим? Твой брат?

– Три недели тому назад. Вести с дальнего севера идут

ужасно долго. С ним случилось несчастье на охоте из-за неосторожного обращения с ружьем, так, по крайней мере, мне пишут. Впрочем, скоро я узнаю подробности.

– Вот как! – медленно проговорил Фернштейн. – Умер на чужбине!

– Да, умер, погиб! – утвердительно кивнул Гоэнфельс.

– Ты, кажется, очень спокойно относишься к смерти единственного брата? – заметил хозяин Оттендорфа.

– Для меня он уже давно умер, – ответил барон. – Он бросил семью, родину, друзей, ушел с ненавистью в сердце; после этого естественный конец – умереть одному на чужбине.

– Да, это был крест для всех вас, – согласился Фернштейн. – Но, пожалуй, вам следовало бы обращаться с Иоахимом иначе: он не выносил строгости, а вы сослали его сюда, в Гунтерсберг, да еще устроили этот брак. Он довершил дело; разве могла такая горячая голова, готовая померяться силами с целым светом, выдержать в таком уединении да еще в оковах такого брака?

– Это была последняя попытка спасти Иоахима для семьи. Ведь к тому времени он уже сделал свое пребывание в полку совершенно невозможным – барон Гоэнфельс, открыто симпатизирующий анархистам! Мы надеялись, что здесь он образумится, и хотели удалить его от опасных влияний, от которых не смогли уберечь в Берлине. Наш план не удался.

– Этот брак на твоей совести, – заметил Фернштейн. – Гениальный сумасброд Иоахим и... не в гневе тебе будь ска-

зано, Гоэнфельс, твоя невестка со своим древним графским титулом была набитой душой!

Барон поморщился; грубое замечание явно покорило его, но он ответил спокойно:

– Ей было всего шестнадцать лет, когда она стала невестой. В этом возрасте умственную ограниченность нетрудно принять за девичью застенчивость и незнание жизни, и я сделал эту ошибку. Не отрицаю, план женитьбы брата исходил от меня, но Иоахим этого не знал. Малейшая попытка заставить его чем-нибудь заняться вызывала в нем бурю негодования, но он влюбился в хорошенькую девушку, еще полу-дитя, и принялся мечтать о том, как поцелуями разбудить этот нежный бутон, чтобы он распустился и превратился в прекрасный цветок, ведь он все воспринимал по-своему. Но когда он увидел, что цветок оказался без аромата, мечтам пришел конец, и его уже не могли удержать ни брачные узы, ни родившийся у них ребенок, и он слепо, не рассуждая, ринулся навстречу гибели. В конце концов, мы должны еще радоваться, что он покинул родину, иначе нам пришлось бы пережить еще что-нибудь похуже.

– Все-таки жаль! – вполголоса заметил Фернштейн. – Такой красивый, смелый юноша, всеобщий любимец!

– Что же, ведь он нашел так называемую свободу, ради которой всем пожертвовал, – резко возразил Гоэнфельс. – Он порвал «рабские цепи» традиций, семьи и воспитания ради того, чтобы жить среди простых людей на севере. И еще

вопрос, как все было на самом деле; мне подозрительна эта внезапная смерть!

– Неужели ты думаешь...

Фернштейн не договорил, но их глаза встретились, и они поняли друг друга без слов. Несколько минут длилось молчание, наконец барон сказал:

– Я получил только известие о смерти. Рансдальский пастор сообщает мне о ней несколькими короткими, формальными фразами. Очевидно, ему было известно, кто такой Иоахим и откуда он, потому что на письме стояло мое полное имя и адресовано оно в Гунтерсберг.

– А мальчик? Бернгард? – спросил Фернштейн.

– Он вернется, наконец, в семью, – с ударением ответил Гоэнфельс. – И то уже плохо, что мы были вынуждены хоть на время оставить его с отцом. Энергичная женщина удержала бы сына возле себя – после всего, что произошло, этого можно было бы добиться; но моя невестка была лишена даже материнского чувства. Шалун-мальчик только мешал ей спокойно жить; надо было уговаривать ее и подталкивать, чтобы она что-то делала; но неожиданно явился Иоахим и забрал сына, и она уступила без сопротивления. Правда, тогда было уже поздно что-либо делать, он требовал лишь удовлетворения своего отцовского права.

Он замолчал, потому что дверь приоткрылась, и еще по-детски звонкий голос спросил:

– Можно войти, папа?

Фернштейн, быстро обернувшись, произнес:

– Это мой мальчик! Он приехал за мной. Войди, Курт.

В комнату вошел красивый, стройный мальчик лет пятнадцати с темной кудрявой головой, свежим, открытым лицом и блестящими глазами. Он без всякой робости и смущения подошел к барону и протянул ему руку.

– Здравствуй, дядя Гоэнфельс!

Барон окинул его удивленным взглядом.

– Какой ты стал большой, Курт!

– Ты не видел его два года, – вмешался отец, – с тех пор, как он учится в Ротенбахе, в заведении Бергера. Он уже, так сказать, перерос домашних учителей, а так как нынче от молодежи требуется так называемое высшее образование, то я и поместил его туда. Собственно говоря, это глупо: их пичкают там латынью да греческим, а зачем они ему? Ну, да ладно, пусть мальчик пройдет эту канитель, а потом я пошлю его на два года в высшее сельскохозяйственное училище, чтобы он выучился там чему-нибудь разумному и практичному; ведь он со временем должен будет принять под свое руководство Оттендорф.

– Я не буду заниматься сельским хозяйством, ты это знаешь, папа, – заявил Курт очень твердо.

– Ты опять за свое? Выкинь эту дурь из головы! Говорю тебе, из этого ничего не выйдет.

– Ты не хочешь быть хозяином на земле? Кем же ты будешь? – спросил барон.

– Моряком! – воскликнул Курт. – Я хочу увидеть весь мир! Я поступлю на флот и, конечно, стану адмиралом!

– «Конечно»? Ты метишь довольно высоко, но это хорошо: надо всегда ставить себе цель повыше, тогда будешь продвигаться вперед.

– Ты еще поддерживаешь его в этой глупости? – с гневом спросил Фернштейн. – С тех пор, как мальчишка погостил у моего шурина в Киле, он только и думает об этом проклятом море! Он разгуливал по всем пароходам, катался в лодке под парусом и вбил себе в голову, что станет моряком. Но я этого не потерплю; я уже десять раз говорил ему это!

– В таком случае я сбегу, папа, – объявил Курт с полнейшим спокойствием, – даже если мне придется стать юнгой. Я поплыву прямо на тихоокеанские острова к каннибалам и пришлю тебе оттуда открытку.

– Только посмей! – вспыхнул отец. – Ты воображаешь, что я отпущу единственного сына подвергаться опасностям? Насмотрелся я на это в Киле, моряки лезут по реям, как кошки! Стоит упасть, и нога сломана. Да еще, пожалуй, акула съест.

– Я не упаду, – возразил Курт, – а на акулу мне наплевать.

– Коротко и ясно! Ты должен оставаться на суше! – решительно заявил отец. – Твое место в Оттендорфе! Прошу без глупостей!

– Ступай пока в парк, Курт, – вмешался Гоэнфельс, – мне надо еще поговорить с твоим отцом.

Курт вышел из комнаты, но едва переступил порог, тут же

снова просунул голову в дверь и крикнул:

– Я буду моряком, папа, и баста!

– Ах ты, проклятый мальчишка! – и отец с гневом сорвался с места, но дверь захлопнулась, и мальчик убежал.

– Твой сын, кажется, не особенно с тобой почтителен, – сухо заметил Гоэнфельс. – «Сбегу»! И он смеет говорить это тебе в глаза!

– Он еще подумает, прежде чем в самом деле сделает это, и я не посоветовал бы ему пробовать. Сумасбродная мальчишеская фантазия, ничего больше! В таком возрасте всем им хочется удрать из дому и обрыскать весь мир. Я сумею с ним справиться, если дойдет до этого.

– Да, уж без этого не обойдется! Боюсь, твой Курт из тех, которым не сидится на своем клочке земли. Почему, собственно, ты не хочешь уступить его желанию?

– Этого только не доставало! Что же тогда будет с Оттендорфом, старинным родовым именем, в котором хозяйничал еще мой дед? Неужели ты хочешь, чтобы после моей смерти оно попало в чужие руки, было продано, а деньги растрачены? Моя дочь выйдет замуж и уедет Бог весть куда, а мальчик должен остаться при мне, и уж я сумею сделать из него хозяина. Почтения-то у него, действительно, маловато. Когда я сержусь, он только трясется от хохота и под самым моим носом кувыркается через голову.

– И тогда ты хохочешь вместе с ним, – прибавил Гоэнфельс. – Я бы иначе воспитывал его. Он бойкий мальчик и

полон энергии. Если бы он был моим, я многое отдал бы за это.

В последних словах послышалась грусть. Фернштейн сочувственно кивнул головой.

– Да, действительно, судьба отказала тебе в сыне, а для тебя это особенно важно, потому что Гунтерсберг – майорат. А как теперь здоровье твоей дочери?

– По-прежнему. Это для нас источник постоянной тревоги. Мы уже перепробовали всевозможные средства, но ничто не помогает. Доктора толкуют о слишком восприимчивой нервной системе, о малокровии и тому подобных вещах и утешают нас обещанием, что с возрастом девочка окрепнет, но пока она остается все такой же слабой, а ведь она у нас одна.

Впервые в голосе барона дрогнуло сдержанное волнение, но он быстро изменил тему разговора:

– Оставим это, все равно ничего не изменишь. Мне надо поговорить с тобой о важном деле. Я послал за Бернгардом в Рансдаль своего секретаря, на которого могу вполне положиться, и жду его возвращения на будущей неделе. Но, как нарочно, именно теперь мне необходимо отлучиться – это поездка по служебному делу, и я должен ехать вместо министра, а моя жена с ребенком еще на водах. Я хотел попросить тебя до моего возвращения приютить мальчика у себя в Оттендорфе.

– С удовольствием, – согласился Фернштейн. – У Курта

каникулы и, значит, твой племянник найдет у нас себе товарища. Боюсь только, что он порядком одичал – все-таки отцовское воспитание...

– Я боюсь еще худшего, потому что, кажется, он унаследовал отцовскую кровь. С матерью, по крайней мере, раньше, у него не было никакого сходства. Но, как бы то ни было, его зовут Бернгардом фон Гоэнфельсом.

– Как и тебя. Ты ведь крестил его.

– А теперь я его опекун и позабочусь, чтобы он не пошел по пути Иоахима, – многозначительно прибавил барон.

– Ты же не сумел справиться с братом, – заметил Фернштейн.

– Потому что на него вовремя не надели узды. Все его ласкали и баловали, он был любимцем родителей, мог позволить себе все и все позволял другим. Когда его безумства начали принимать опасный характер, было уже поздно. Бернгарду всего пятнадцать лет, с ним еще можно справиться, и я заставлю его слушаться, если понадобится.

– Ему придется-таки поплатиться за то, что он сын Иоахима, – с грубой откровенностью сказал Фернштейн. – Скажи честно, ты ведь никогда не любил младшего брата?

Между бровями барона появилась складка, когда он ответил:

– У нас были слишком разные натуры, чтобы мы могли понять друг друга. Иоахим, своевольный, непостоянный, был лишен всякого чувства долга и вечно впадал из одной

крайности в другую, я же полная противоположность ему во всем. Когда мы были детьми, он насмеялся надо мной, называя меня скучным, премудрым ментором, а позже, когда я стал настаивать, чтобы отец принял решительные меры, Иоахим возненавидел меня со всей страстностью своей натуры. Может быть, я был суров, но я не в состоянии снисходительно относиться к тому, как он порвал с нами, как растоптал ногами все, что нам было дорого и свято. Плохое наследство быть сыном такого отца, а между тем Бернгард – будущий владелец Гунтерсбергского майората. Я должен позаботиться о том, чтобы майорат не ушел из наших рук, и думаю, что еще не поздно.

В самом деле, эти слова дышали суровостью и непримиримостью; было видно, что даже смерть не смогла заставить барона все забыть или хотя бы смягчиться. Вдруг в открытом окне комнаты, находившейся на втором этаже, появилось смеющееся лицо, и звонкий голос крикнул:

– Здравствуй, папа!

Разговаривающие вздрогнули и обернулись в ту сторону. На внешнем выступе окна сидел Курт и преспокойно смотрел в комнату.

– Черт бы тебя побрал, да как ты туда влез? – вскрикнул ошеломленный отец.

– По шпалерам. Это совсем нетрудно!

С этими словами смельчак уселся поудобнее, скрестил руки и начал болтать ногами. На него страшно было смотреть.

– По таким тонким перекладинам! Ты с ума сошел! – крикнул Фернштейн. – Сию же минуту ступай в комнату!

– Я хотел только показать тебе, что умею лазить. Я не упаду! Я сбегу, папа! Я буду адмиралом! Ура! – и он исчез так же внезапно, как появился, ловко соскользнув вниз по водосточной трубе, а потом смело спрыгнул на землю.

– Этот мальчишка своими шалостями уложит меня в гроб! – с отчаянием простонал Фернштейн, но барон, подошедший вслед за ним к окну и тоже видевший этот трюк, серьезно сказал:

– Отпусти его в море, все равно ты его не удержишь.

На его лице опять появилось выражение глубокой грусти, когда он смотрел вниз на цветущего, красивого мальчика, стоявшего теперь во дворе и шаловливо раскланивавшегося с ними, махая шляпой. Бернгард Гоэнфельс отдал бы все за то, чтобы иметь такого сына! Теперь его наследником становился сын отверженного, погибшего брата, к которому он не чувствовал не только искры любви, но даже простого расположения. Если он и брал мальчика на свое попечение, то только из чувства долга; он приносил эту жертву своему роду и будущему своего дома.

2

– Это невозможно дольше терпеть, Карл! Ты должен так или иначе вмешаться и восстановить спокойствие, или мы наживем еще какое-нибудь несчастье с этим дикарем. Этакую обузу навязал нам твой друг! Мальчик упорно твердит, что хочет уехать, и грозит сделать это, если ему не уступят. Он, пожалуй, еще подожжет дом!

Так говорила фрейлейн Фернштейн, сестра хозяина Оттендорфа. Но, по-видимому, она не сказала ему ничего нового, потому что он имел, правда, сердитый, однако никоим образом не удивленный вид, когда ответил ей:

– Ну-ну, авось до этого не дойдет, но, во всяком случае – история пренеприятная. Знай я заранее, какое сокровище посылает нам Гоэнфельс, то отказался бы; но дело в том, что я обещал и должен сдержать обещание.

Такое решение вовсе не успокоило фрейлейн Фернштейн, красивой особы лет тридцати пяти, руководившей домашним хозяйством своего брата-вдовца.

– Он взбунтует нам весь Оттендорф, – продолжала она жаловаться. – Никто из прислуги не хочет иметь с ним дело, потому что он постоянно разгуливает с заряженным ружьем и, того и жди, выстрелит, когда что-нибудь окажется не по его. В день своего приезда он уже забрался в твою комнату и без спроса вытащил из шкафа одно из твоих ружей – он, ви-

дишь ли, привык всегда иметь под рукой заряженное ружье.

– Это и видно! Я в жизни не видел, чтобы кто-нибудь так стрелял, – заметил Фернштейн.

– А что он творил сегодня утром, пока ты был в поле! – продолжала его сестра. – Он вывел из конюшни Рыжего, надел на него уздечку и уехал на нем так, без седла. Лошадь к этому не привыкла, стала беситься, подыматься на дыбы, бить копытами. Я в страхе стояла здесь у окна, а люди собрались возле конюшни; мы ждали несчастья. Но посмотрел бы ты в это время на мальчика! Он мучил бедное животное до тех пор, пока оно не покорилось; лошадь дрожала после этого всем телом, а он соскочил на землю и насмешливо крикнул нам, что будет учить нас верховой езде.

– Да, сумасшедшая голова! – согласился Фернштейн. – Жаль, что я отпустил Курта погостить к лесничему, но ведь я ждал Бернгарда только через несколько дней. Секретарь ехал дни и ночи, чтобы поскорее сбить его с рук; видно, ему пришлось немало вынести дорогой. Впрочем, наш мальчик должен сейчас быть здесь... Да, вот подъезжает экипаж!

Он подошел к окну. Действительно, подъехал Курт; погостив несколько дней у сыновей лесничего, бывших товарищей по играм, он вихрем ворвался в комнату, порывисто обнял тетку и бросился к отцу.

– Вот и я, папа! Бернгард Гоэнфельс приехал? Я так рад, что у меня будет товарищ!

– Немного толку от такого товарища! Мы тут бедуем

с этим бесноватым, свалившимся нам как снег на голову. Спроси тетку, она вне себя.

– Это какое-то чудовище! – вскрикнула фрейлейн Фернштейн и опять принялась перечислять прегрешения приезжего. – За два дня своего пребывания в Оттендорфе он успел перевернуть его вверх дном. Будь осторожен с ним, Курт! – закончила она. – Не раздражай его своим всегдашним подшучиванием, а то он накинется на тебя, как разъяренный медведь.

Курт в ответ на это лишь звонко рассмеялся.

– Быть осторожным? Вот еще! Однако мне хочется поскорее посмотреть на это «чудовище». Где именно оно водится?

– Мы отвели ему большую комнату для приезжих, и если только он не сумасшествует где-нибудь на дворе, то сидит там и дуется. Он непременно хочет уехать назад. Ты бы пошел с ним, Карл, ведь они еще незнакомы друг с другом.

– И не подумаю! Дайте мне, наконец, покой! – проворчал Фернштейн, берясь за газету, от чтения которой его оторвали.

– Конечно, папа, я и один потягаюсь с этим северным медведем, – весело воскликнул Курт. – Если я не вернусь, значит, он проглотил меня с кожей и костями, так и знай, тетя! – и он убежал.

Комнаты для приезжих были расположены в другом конце дома. С племянником барона Гоэнфельса несколько церемонились и отвели ему самую большую и красивую ком-

нату с окнами в сад; но гость не оценил по достоинству такой любезности. Когда сын хозяина дома открыл дверь, Бернгард лежал враспяжку на кушетке, положив ноги на покрытую вышитой салфеточкой ручку и вперив взгляд в яркое летнее небо, которое было видно в открытое окно. Он не обратил внимания на вошедшего, хотя слышал, что кто-то вошел.

– Здравствуй! – сказал Курт для начала совершенно миролюбиво, но не получил ответа; молодой Гоэнфельс даже не повернул в его сторону головы. – Спишь ты, что ли? – спросил Курт, запирая дверь и подходя ближе. – Ведь глаза у тебя открыты. Я говорю тебе: «Здравствуй!» Ты не можешь ответить?

– Что тебе здесь надо? – повелительно проговорил Бернгард.

– Смешной вопрос! Я у себя дома, я Курт Фернштейн и только что вернулся из лесничества. Я узнал, что ты приехал. Но ты, кажется, порядочное сокровище!

– Оставь меня в покое! – пробурчал гость.

Однако на Курта это не подействовало. Он стал осматривать его со всех сторон так внимательно, точно какую-то диковинку.

– Тетка права: в тебе есть что-то медвежье, – сказал он, наконец. – А папа зовет тебя только бесноватым. У вас там, на севере, все такие дикие, что, как рассвирепеют, все кругом вдребезги. Мне хотелось бы посмотреть на это, потому я и пришел. Ну, начинай же! – и он, усевшись на стул, поло-

жил ногу на ногу и стал ждать взрыва ярости «бесноватого».

Бернгард сначала озадаченно смотрел на него, потом с гневом крикнул:

– Отстань! Убирайся! Я в тебе не нуждаюсь! Я хочу домой!

Это звучало вызывающе враждебно. Мальчики были ровесниками, но Бернгард был на голову выше Курта. Его фигура с могучим торсом дышала силой, но ни одной чертой своего лица он не напоминал того древнего, гордого аристократического рода, кровь которого текла в его жилах, и последним представителем которого он являлся. Правда, эти черты еще полностью не сформировались, что свойственно детскому возрасту, но у него они были другими, грубыми, неправильными, чем у сидевшего перед ним красивого, стройного мальчика, и производили отталкивающее впечатление. Густые белокурые волосы нависали на лоб так низко, что почти совсем закрывали его, а голубые глаза смотрели неприязненно, с угрозой. Кроме того, молодой Гоэнфельс говорил как-то странно, с твердым иностранным акцентом.

– Ты по-немецки и говорить-то, как следует, не умеешь, – засмеялся Курт. – Тебя еле поймешь, а между тем ты родился здесь, в Гунтерсберге, и будешь теперь жить у нас.

– Но я не хочу! – упрямо ответил Бернгард. – Попробуйте удержать меня! Я убегу.

– Убежишь? – переспросил Курт. Это слово затронуло в нем родственную струнку. – Я тоже хочу убежать, только не

сейчас – пока меня еще не возьмут на морскую службу. А почему ты хочешь непременно уехать? Тебе у нас не нравится?

– Да, – хмуро ответил Бернгард. – У вас тут невыносимо; ничего, кроме освещенных солнцем полей да скучных жнецов; ни гор, ни леса, ни скал, ни моря, как у нас дома, в моей Норвегии. Там мой дом, и я вернусь туда!

– Скажи-ка это твоему дяде, уж он тебе объяснит, где твой дом. Он сказал, что твое место в Гунтерсберге; а что он скажет, то и будет. Ты его еще не знаешь. Вот мой папа тоже злится, когда я завожу речь о том, что хочу быть моряком, но мне на это наплевать, я знаю, как с ним поладить. А вот с твоим дядей это сложно. В этом ты скоро убедишься.

– Да я знать не хочу ни его, ни его Гунтерсберга! – пылко заявил мальчик. – Я ненавижу их, как и всю вашу жалкую Германию!

– Послушай, это ты оставь! – с гневом перебил его Курт. – Стыдись бранить собственное отечество! Если ты еще раз скажешь...

Он с угрозой поднял кулак, но Бернгард презрительно посмотрел на него сверху вниз.

– Уж не хочешь ли ты со мной драться? Берегись!

– О, это мы еще посмотрим! – задорно ответил Курт с полной готовностью к бою. – Посмей только еще раз сказать это мерзкое слово!

– Жалкая она, ваша Германия, жалкая!..

Дальше Бернгард ничего не успел сказать, потому что

Курт уже налетел на него. В следующую секунду они схватились врукопашную и колотили друг друга с величайшей энергией. Преимущество было, несомненно, на стороне ловкого, увертливого Курта; быстрыми движениями он всегда успевал вовремя увернуться, Бернгард же бил сослепу, большей частью не попадая в цель. Но, наконец, молодому Гоэнфельсу удалось-таки взять верх; он схватил своего противника, а раз тот попался ему в руки, никакая ловкость уже не могла помочь Курту – эта медвежья сила была ему не по плечу. После короткой схватки он уже лежал на полу, а Бернгард, тяжело дыша, стоял, наклонившись над ним.

– Вот тебе! – с торжеством крикнул он, оставляя противника. Курт вскочил, рассерженный своим поражением, но в то же время, глядя на победителя со своего рода восторгом.

– У тебя чертовски сильные кулаки! Теперь я, по крайней мере, знаю, как дерутся бесноватые. Ты, действительно, бесноватый!

Бернгард как будто принял эти слова за комплимент. Вообще это состязание подействовало на него успокоительно, и он великодушно ответил:

– Ты тоже хорошо дерешься, чуть не поборол меня. До сих пор меня никто не мог побороть, даже Гаральд Торвик, а он куда старше меня.

– Гаральд Торвик? Это кто такой? – спросил Курт, потирая левый глаз, на долю которого пришелся сильный удар кулаком.

Бернгард откинул волосы со лба и стал ощупывать вскочившую шишку.

– Торвики? Это наши соседи. Гаральд научил меня управлять парусом на море.

– На море! Я думал, что вы жили в горах.

– У фиорда. Там и горы, и лес, а проплывешь в лодке несколько часов – вот уже и открытое море.

– Ты расскажешь мне об этом! – с жаром воскликнул Курт. – Я тоже хочу идти в море, но папа утверждает, что я буду хозяином здесь и стану управлять Оттендорфом; в этом отношении он упрям, как козел. Мне ничего не остается, как сбежать. Значит, ты вырос у моря? Случалось тебе испытать бурю? Ну, рассказывай же, рассказывай!

Он тут же забыл всю досаду по поводу своего поражения. Вообще предыдущее побоище, несомненно, оставило в обоих чувство взаимного уважения. Мрачный, озлобленный Бернгард сдался и стал рассказывать; сначала он говорил неохотно, отрывисто, но Курт буквально ловил каждое его слово, без устали задавал вопрос за вопросом и победил упорную сдержанность молодого Гоэнфельса. Мост взаимного понимания был наведен...

Час спустя появился Фернштейн, которого все-таки несколько беспокоила мысль об этой первой встрече; он знал своего шалуна-сына и был уверен, что тот непременно станет дразнить Бернгарда. К своему удивлению, он застал их мирно и дружески сидящими рядком и оживленно беседуя-

щими.

– Ну, что, познакомились? – спросил он.

– Познакомились, папа! – крикнул Курт, весело вскакивая с дивана. – Мы уже совсем друзья.

– Вот как! А что это у вас на лицах? – спросил отец, подозрительно переводя взгляд с одного на другого.

Под глазом у Курта красовался синяк, а на лбу у Бернгарда вздулась солидных размеров шишка.

– Это оттого, что сначала мы, конечно, подрались, – объяснил Курт таким тоном, точно это было совершенно в порядке вещей. – После обеда мы пойдем на пруд удить рыбу, Бернгард хочет попробовать поудить у нас. И он останется у нас в Оттендорфе; он мне обещал.

– Пока Курт здесь, – подтвердил Бернгард, – не дольше.

– Ну, там посмотрим, – сказал Фернштейн, обрадованный тем, что о бегстве больше нет речи. «К тому времени должен вернуться Гоэнфельс, – подумал он: – пусть тогда сам разбирается со своим племянником». – А теперь пойдемте: пора обедать, – прибавил он.

– Пойдем, Бернгард!

Курт подхватил под руку вновь обретенного друга, и тот охотно последовал за ним, тогда как раньше являлся к столу, хмурясь и ворча, а за столом говорил только, когда это было необходимо. Фернштейн покачал головой и, когда мальчики вышли за дверь, поймал свое детище и на минуту задержал в комнате.

– Ты колдун, что ли? Ведь медведь-то вдруг стал похож на человека!

– Что ты, папа! Ему еще далеко до человека, – объявил Курт убедительным тоном. – Если бы ты слышал, что говорит Бернгард, как он отзывается о своем отечестве! Отец научил его ненавидеть Гунтерсберг и все, что связано с ним... Сейчас, сейчас! Иду!

Последние слова предназначались Бернгарду, который ушел вперед и теперь нетерпеливо звал Курта. Тот вприпрыжку отправился догонять его, а его отец медленно последовал за ними. Он тоже уже слышал образчики таких речей, и его лицо омрачилось, когда он проговорил как бы про себя:

– Да, безобразное было воспитание! Иоахим ответит на том свете за то, что сделал с сыном.

3

Два сына последнего владельца Гунтерсберга были полнейшей противоположностью друг другу. Старшего, Бернгарда, серьезного и замкнутого, в юности не баловали особенным вниманием даже собственные родители, видевшие в нем лишь продолжателя своего рода; их любимцем был младший, Иоахим, красивый, пылкий мальчик с чарующе-привлекательными манерами.

Бернгард с согласия отца, лично управлявшего хозяйством в Гунтерсберге, поступил на государственную службу, причем само собой разумелось, что, когда судьбе угодно будет сделать его главой рода, он выйдет в отставку и также посвятит себя управлению имением. Иоахима готовили к военной карьере, и скоро перспективный молодой офицер сделался таким же баловнем берлинских кругов общества, каким, будучи ребенком, был в семье. На первых порах его сильно увлекала новая карьера, но его увлечения никогда не были продолжительны. Строгие требования и дисциплина на службе скоро стали казаться ему невыносимыми, и так как он обычно бросался из одной крайности в другую, то и увлекся социализмом, который тогда набирал силу.

Иоахим не делал тайны из своего «обращения», как он выражался, и, разумеется, это положило конец его военной карьере. Он вынужден был выйти в отставку, и дело тогда же

дошло бы до непоправимого разрыва, если бы не вмешался старший брат. Беспечный Иоахим никогда не умел обходиться деньгами, находившимися в его распоряжении, постоянно залезал в долги, и родители всегда платили их, не сердясь серьезно на своего любимца. Теперь же ему отказали с условием, что он вернется в Гунтерсберг, и будет жить на глазах у отца; а в Гунтерсберге уже было наготове средство, чтобы удержать его дома: приличный во всех отношениях брак.

План оказался удачным сверх всяких ожиданий – Иоахим влюбился в предназначенную ему невесту, еще очень молоденькую девушку, с которой его весьма искусно сумели сблизить, не давая ему заметить, что это делается с намерением. Ему не дали времени ближе познакомиться с девушкой и поскорее отпраздновали свадьбу. Но именно то, что должно было спасти его для семьи, оторвало его от нее навеки.

Молодая женщина в духовном отношении была весьма посредственной натурой; ее мнение никогда не совпадало с мнением мужа; любви к нему она никогда не испытывала и скоро начала бояться его непомерной страстности. Все закончилось тем, что Иоахим возненавидел женщину, приводившую его в отчаяние своим полным непониманием и ограниченностью. Брак оказался крайне несчастным, и, наконец, Иоахим, бросив жену и ребенка, ушел, куда глаза глядят, и семья на несколько лет потеряла с ним всякую связь.

Старый владелец Гунтерсберга умер, его жена умерла еще раньше, и Бернгард стал хозяином имения. В то время как

его брат, несмотря на все прекрасные задатки, губил свою жизнь и будущее, он уверенно поднимался по ступеням служебной лестницы и теперь уже занимал положение, сулившее ему блестящую карьеру. Поэтому никого не удивило, что он не вышел в отставку, а вместо этого сдал Гунтерсберг в аренду и остался в Берлине.

Он также женился (это был типичный брак по расчету) на девушке из аристократического рода, принесшей ему в приданое влиятельные семейные связи. Брак, тем не менее, оказался удачным; только в одном супругам было отказано: в горячо желанном наследнике. Барону это было особенно тяжело и горько, так как его дочь не имела прав на Гунтерсберг, с которым было связано все прошлое его рода; права оставались за Иоахимом, а в случае, если он пропадет без вести, за его сыном.

И вдруг однажды из маленького местечка, расположенного на самом севере Норвегии, пришла весть об этом брате. После долгих скитаний он, по-видимому, основался там и создал себе своего рода положение; по крайней мере, он требовал к себе сына, жившего с матерью в Гунтерсберге. Бернгард от имени невестки отказался выдать мальчика и пытался утвердить за собой право его воспитателя, но Иоахим явился внезапно, как буря, забрал ребенка и увез его с собой. После этого не было никакой возможности оспаривать его отцовские права, и сын остался у него. Теперь, после его смерти (его жена умерла несколькими годами раньше), дядя

становился опекуном племянника и вступал в свои обязанности с неограниченными правами.

В Гунтерсберге ожидали хозяев. Баронесса должна была приехать с маленькой дочерью на следующей неделе, а сам Гоэнфельс, ненадолго съездив в Берлин для доклада, уже приехал в отпуск. На следующее утро после приезда он сидел в угловой комнате с Фернштейном, явившимся из Оттендорфа, чтобы передать с рук на руки порученного ему мальчика. Его отзыв о сыне Иоахима был таким, что хоть кого привел бы в ужас, но барон и бровью не повел, слушая его.

– Это можно было предвидеть, – сказал он, когда Фернштейн закончил. – Может быть, это несколько хуже, чем я думал, но, в сущности, я ничего другого и не ожидал. Я знал, что Иоахим не научит сына любить меня и родину. Да дело-то пока не в этом – Бернгард должен научиться повиновению.

– Повиновению? Это слово ему неизвестно, – ответил Фернштейн. – Он должен вырасти свободным человеком, не ведающим о существовании традиций и не знающим, что такое воспитанность – вот что внушалось ему каждый день. Я рад, что могу передать его тебе целым и невредимым. Если бы не Курт, я не знал бы, что с ним делать.

– Так мальчики подружились? Я рассчитывал на это.

– Да, но началась у них дружба немножко странно: в первый же час знакомства они изрядно поколотили друг друга, но после этого стали друзьями до гроба. Курт имеет непо-

нятное влияние на этого дикого малого; он один может заставить его образумиться, когда тот впадает в бешенство, и только в угоду ему Бернгард и остался в Оттендорфе.

– Я видел его последний раз десять лет тому назад, – заметил Гоэнфельс. – Ты говоришь, он не похож на отца?

– Ни капельки сходства. Иоахим был в его годы писанный красавец, а у Бернгарда отталкивающая внешность.

– А умственное развитие? Разумеется, и в этом отношении он сильно отстал?

– Смотря как на это посмотреть. В некоторых случаях он может просто испугать своей скороспелостью. Отец, кажется, обращался с ним, как с товарищем, и рассуждал о вещах, о которых ему не следовало бы и слышать. Но учился он, действительно, мало. Его учил рансдальский пастор, и учил, кажется, неплохо, только мальчик ничего не почерпнул из его уроков. Он целые дни рыскал по горам да по фиорду, о каком-либо принуждении, разумеется, и речи не было; он делал, что ему нравилось. Я узнал все это исподволь от Курта. И сегодня я поневоле был вынужден взять с собой Курта, а то твой племянничек ни за что не поехал бы, он решительно не хотел ехать в Гунтерсберг.

– Не хотел, когда я его зову? – спросил Гоэнфельс самым резким тоном. – Вы, кажется, порядком избаловали его в Оттендорфе.

– Что же мне было делать? – пробурчал Фернштейн. – Сумасшедший мальчишка на все способен, когда что-нибудь не

по его, а ведь я взял его под свою ответственность.

– Теперь ответственность на мне, – холодно сказал барон. – Прежде всего, я хочу видеть его.

Он позвонил и отдал нужное приказание лакею. Внешне Гоэнфельс был совершенно спокоен, но, взглянув на друга, Фернштейн почувствовал некоторую тревогу и принялся его уговаривать.

– Не будь слишком строг к нему; кажется, он так же, как и отец, не выносит строгости. Ведь, в конце концов, мальчик не виноват, что его так воспитали. Что ты думаешь делать с ним? Возьмешь с собой в Берлин?

– Нет. Твое письмо и доклад моего секретаря убедили меня, что тут необходимо основательное воспитание, а у меня дела поважнее, чем возиться с запущенным своевольным ребенком. Я отправлю его в Ротенбах, туда же, где твой Курт. Училище Бергера пользуется превосходной репутацией. Там строгая дисциплина?

– Очень строгая, просто военная. Моему ветрогону это не повредит, но Бернгарду... Он сбежит на первой же неделе.

– Этому сумеют помешать. Но вот и они!

Вошли мальчики. Курт с обычной непринужденностью поздоровался с «дядей Гоэнфельсом»; тот подал ему руку и обернулся к племяннику, остановившемуся у дверей:

– Подойди ко мне, Бернгард!

Приказание не подействовало: мальчик не шевельнулся.

– Ты не слышишь? Подойди ко мне!

Бернгард не двинулся с места. Но тут вмешался Курт; он схватил товарища за руку и энергично потащил его вперед, шепча:

– Будь же повежливее! Ты ведь обещал!

Это немного помогло; по крайней мере, Бернгард перестал упираться. Он стоял теперь перед дядей, а тот молча глядел на него, не протягивая ему руки; вероятно, он видел немую ненависть во взгляде мальчика, в свою очередь пристально смотревшего на него.

– Я был вынужден просить принять тебя на время в Оттендорфе, – заговорил барон. – Но теперь я рассчитываю прожить здесь довольно долго и скоро жду сюда жену и дочь. Ты переедешь к нам в Гунтерсберг.

– Нет, я не хочу в Гунтерсберг, – заявил мальчик.

– Вот как! Куда же ты хочешь?

– Домой! В Рансдаль!

– В Рансдале ты уже не дома, – сказал Гоэнфельс с холодным спокойствием. – Теперь твой дом – Гунтерсберг.

– Но я хочу уехать! – запротестовал Бернгард. – Я останусь только до тех пор, пока здесь Курт. Как только его каникулы кончатся, я тоже уеду.

– Ну, вот видишь? Он стоит на своем! – тихо сказал Фернштейн своему другу.

– Пожалуйста, оставь нас одних, – сказал тот, пожав плечами, – только на полчаса. Ты уж извини!

– Пойдем, Курт! – и Фернштейн сделал знак сыну, а, уходя

из комнаты, озабоченно оглянулся.

– Ну, теперь начнется! Жаль, что я не могу быть здесь, – сказал Курт, когда они вышли за дверь. – Лучше бы дядя Гоэнфельс не удалял меня; меня следует прописывать Бернгарду вместо успокоительных пилюль, когда у него начинается припадок бешенства. Вот когда эти двое сцепятся, такой шум подымется!

– Это что за непочтительные выражения? – заворчал отец. – «Сцепятся»! Твоего закадычного приятеля научат, наконец, уму-разуму, вот что будет!

– Но раньше он разнесет вдребезги пол Гунтерсберга. Дядя Гоэнфельс рассчитывает управиться с ним за полчаса? Пусть попробует! Это не так-то легко.

– Дерзкий мальчишка! – сердито воскликнул отец. – Боюсь, что дело там выйдет серьезное. Гоэнфельс не умеет шутить в таких случаях.

– Он вообще не умеет шутить, – согласился Курт. – С ним я не справился бы, если бы он случайно оказался моим папашей.

– Вот как! Это что-то новое! Теперь уже сынки справляются с отцами! – гневно сказал Фернштейн.

– Не ворчи, папа! Если бы твоим сыном был Бернгард, тебе пришлось бы гораздо хуже. Мной ты можешь быть совершенно доволен, а я очень доволен тобой.

Это вышло так смешно, и при этом мальчик так весело посмотрел на отца, что тот расхохотался. Про себя Карл Ферн-

штейн подумал, что его Курт – чертовски славный мальшй...

Тем временем в угловой комнате разворачивались события. Гоэнфельс продолжал сидеть, откинувшись в кресле, и заговорил только тогда, когда дверь за ушедшими закрылась.

– Ты знаешь, что я твой дядя и опекун. Чего, собственно, ты думаешь достичь своим ребяческим упрямством? Может быть, ты воображаешь, что я уступлю твоему «не хочу»?

Бернгард ничего не ответил, но стоял, готовый дать отпор; его лицо выражало нечто большее, чем простое мальчишеское упрямство.

Это не ускользнуло от внимания дяди, но он, не придав этому значения, спокойно продолжал:

– Ты будешь жить теперь совсем в других условиях и в другой обстановке и должен помнить об этом. Ты барон Гоэнфельс...

– Нет, я не барон, – грубо и решительно заявил мальчик. – Мой отец отказался от баронского титула, когда ушел отсюда. Он хотел быть свободным человеком, и я хочу того же; его звали просто Иоахимом Гоэнфельсом, а меня зовут Бернгардом Гоэнфельсом.

– Чего хотел твой отец и что сделал – за это он сам и ответит, – спокойно возразил барон, – а ты еще не можешь ничего хотеть, мальчику не предоставляют права решать такие вопросы. Сначала стань взрослым мужчиной, а до тех пор тебе придется еще много учиться. Насколько я знаю, ты отстал во всем, а у нас быть невеждой стыдно... Запомни это!

В его железном спокойствии и твердости было что-то порабощающее, что-то властно требующее повиновения. Вероятно, упрямый мальчик почувствовал это, но именно этого он и не выносил, и уже нарочно стал дразнить дядю.

– Мне незачем больше учиться, – объявил он, вспыхивая, – отец сказал мне, что того, что я знаю и что умею делать, вполне достаточно для нашей свободной жизни в Норвегии. То, чему учат у вас здесь, – не что иное, как ложь и лицемерие. Ваше ученье делает из людей рабов.

– Хорошо выдрессировали! – сказал Гоэнфельс как бы про себя. – Трудную задачу подбросил нам твой отец! Итак, тебе незачем больше учиться? Ты, конечно, гордишься своими крепкими кулаками и непобедимой силой? Но ведь этим обладают все деревенские парни, только они принадлежат у нас к тому большинству, которое должно служить и повиноваться. Кто хочет быть кем-нибудь в жизни, тот должен уметь что-либо делать. Курт Фернштейн знает это и потому хорошо учится, хотя при его энергичном характере ему это дается нелегко; ты же от мужика далеко не уйдешь. Таким образом, когда со временем ты станешь владельцем Гунтерсберга, то окажешься на одном уровне со своими рабочими и, я полагаю, не будешь даже стыдиться этого!

Эти слова и презрительный тон оказали свое действие. Бернгард порывисто поднял голову.

– Что может Курт, то и я могу!

– Так докажи это! Удобный случай для этого у тебя будет.

Время покажет, к чему ты имеешь склонность, и какую профессию выберешь, потому что все, чем ты занимался в Рансдале – охота, верховая езда, плавание в море – в сущности, есть лишь бездельничанье, которым впору заниматься лишь во время отдыха. Конечно, тебе нелегко будет привыкнуть к строгой дисциплине в Ротенбахе; до сих пор ты не знал даже такого слова, но у меня нет времени заниматься твоим воспитанием, и мне придется поручить его другим.

Тон, которым все это было сказано, исключал всякую возможность возражения. Бернгард слушал с недоверчивым изумлением, окаменев от неожиданности. Он едва ли имел какое-то представление о жизни в учебном заведении, но слышал кое-что об этом от Курта и понял, что его хотят лишить безграничной свободы, к которой он привык, что он должен будет учиться, слушаться, подчиняться чужой воле. Этого было достаточно, чтобы привести его в состояние крайнего гнева.

– Ты хочешь запереть меня в школу? – закричал он. – Мне не дадут больше охотиться и плавать в лодке, я целыми днями должен буду сидеть в четырех стенах над книгами как Курт? Ты воображаешь, что я позволю надеть на себя цепи и добровольно войду в клетку, которую ты для меня выбрал?

– Добровольно или нет, но ты покоришься моему решению, – невозмутимо ответил Гоэнфельс.

– Никогда! Ни за что! – Мальчик в бешенстве топнул ногой. – Я не хочу! Ты подчиняешь себе всех, кто попадет тебе

в руки, я знаю это от отца. Ты и его хотел поработить, но он разорвал оковы и швырнул их тебе под ноги, так и я сделаю! Он ненавидел тебя, ненавидел всех вас и страну, где родился, и он был прав!..

– Замолчи! Довольно! – с угрозой перебил его дядя. – Если бы я не знал, что ты повторяешь слова отца, я выбил бы из тебя эти безрассудные речи; теперь же я только говорю тебе, что со мной они неуместны. Ты теперь на моем попечении, берегись!

Но Бернгард презрительно расхохотался.

– Ты прибьешь меня, если я сию же минуту не стану просить прощения? Попробуй! Не подходи ко мне! – крикнул он вне себя. – Не трогай меня! Если ты только поднимешь руку, то я...

– Что же ты сделаешь? – спросил Гоэнфельс, приближаясь к нему, но Бернгард отскочил и вспрыгнул на подоконник раскрытого окна.

– Я спрыгну вниз! Клянусь Богом, я это сделаю!

Это было то самое окно, на котором Курт недавно показывал свое искусство лазить. Влезть и спуститься вниз, уже было смелым фокусом, прыжок же с этой высоты на вымощенный камнем двор грозил смертью или увечьем. Произнося свою угрозу, мальчик не шутил, это было очевидно. Он стоял на подоконнике со сжатыми кулаками, с выражением решимости в глазах. Стоило сделать к нему один шаг, и он исполнил бы свою угрозу. Гоэнфельс не сделал этого шага.

На его лице не дрогнул ни один мускул; он строго посмотрел на племянника, как укротитель на пойманного зверя, и сказал ледяным тоном:

– Прыгай!

Бернгард, очевидно, не ожидал этого и растерянно посмотрел на дядю.

А тот продолжал тем же тоном:

– Может быть, ты думаешь испугать меня своим воображаемым геройством? Если ты поломаешь себе руки и ноги о камни и останешься на всю жизнь жалким калекой, это – твое дело. Я тебе не мешаю.

Взгляд мальчика скользнул вниз, во двор. Вероятно, теперь он убедился, что так оно и будет, а о таком исходе он вовсе не думал, когда готовился выпрыгнуть из окна.

– Сойди с подоконника, – сказал Гоэнфельс. – Как видишь, такими угрозами и выходками от меня ничего не добьешься. Или ты, может быть, хочешь подражать своему отцу?

Бернгард одним прыжком очутился в комнате и остановился перед дядей в вызывающей позе.

– Не смей ничего говорить против отца! – гневно закричал он. – Я не потерплю этого! Он умер, умер, как свободный человек на свободной земле!

– И от собственной руки, – прибавил Гоэнфельс.

Бернгард невольно замолчал. Очевидно, он не понял еще значения этих слов, но почувствовал в них что-то зловещее.

– Ну да! Мы были на охоте, он держал ружье в руке, вдруг оно выстрелило, и таким образом случилось несчастье.

– Это не был несчастный случай, – сказал барон с резким ударением, – это было самоубийство.

– Это неправда! Это ложь! – с гневным криком вырвалось мальчика. – С ним никого не было! Гаральд нашел его уже мертвым!..

– Нет, Гаральд Торвик был свидетелем. Он вышел из чащи неожиданно для твоего отца и видел, как тот, уперев ружье в землю, приставил дуло к груди; не успел молодой человек подбежать, как грянул выстрел, а когда Гаральд позвал тебя, все уже было кончено.

Действие этих слов было страшным. Несколько секунд Бернгард стоял, не двигаясь с выражением крайнего ужаса в застывших глазах, но потом всеми силами восстал против того, что казалось ему невозможным, немыслимым.

– Это не может быть правдой! Ты хочешь запугать меня! Гаральд сказал мне, что это был несчастный случай.

Невыразимая тоска слышалась в этом крике, во взгляде, который, казалось, требовал, чтобы дядя взял свои слова обратно, но Гоэнфельс мрачно покачал головой.

– Он хотел пощадить тебя. Торвик вообще никому не рассказывал о том, что видел; он признался только пастору с глазу на глаз, а последний счел своей обязанностью сообщить правду мне.

– Нет! Нет! – твердил Бернгард, с отчаянием. – Отец не

делал этого! Он не мог так поступить со мной! Он никогда, никогда не ушел бы от меня сам!

– Он ушел по своей воле. Ты все еще не веришь? Так напиши Гаральду, напиши пастору; когда они узнают, что тебе все известно, то не станут дольше скрывать от тебя истину. А пока я даю тебе слово, что это правда.

Страшная правда убедила, наконец, мальчика, но из его глаз не упала ни одна слезинка, он не произнес ни слова; слышался только глухой звук, точно стон раненого зверя.

Наступило продолжительное молчание, а когда Гоэнфельс заговорил, в его голосе звучало с трудом подавляемое волнение.

– Я хотел пощадить тебя, но твое невероятное упрямство лишило меня возможности выбора. Теперь тебе все известно. Видно, очень плохо пришлось твоему отцу, если он не нашел другого выхода. У него ведь был ты, даже если со всем остальным на свете он порвал; но душевные муки, отчаянье вследствие сознания непоправимости разрыва с прошлым оказались сильнее и вынудили его схватиться за смертоносное оружие. Я хочу спасти тебя от подобной участи. Я предупредил тебя.

Ответа не было, да барон, казалось, и не ждал его. Он медленно повернулся и вышел из комнаты.

Фернштейн сидел с сыном в гостиной и с удивлением посмотрел на Гоэнфельса, когда тот вошел один.

– Где же Бернгард? – спросил он.

– Он придет потом. Курт, походи к своему приятелю, может быть, он нуждается в тебе сейчас.

Курт вышел на этот раз без всяких дерзких замечаний; когда дядя Гоэнфельс имел такой вид, как сейчас, он чувствовал к нему почтение, которое никогда не умел внушить ему отец. Но и последнему лицо друга, видно, не понравилось.

– У вас был неприятный разговор? – поинтересовался он. – Ты поладил со своим горячкой?

– Да, мне пришлось пойти на крайность, но, я думаю, это помогло.

– Если только ты не ошибаешься. Может быть, ты покоришь его своей воле в данную минуту, но он еще наделает тебе хлопот, у него в голове только Рансдаль.

– Теперь уже нет. Едва ли он будет настаивать на возвращении в Рансдаль, теперь его пугает воспоминание о нем.

– Воспоминание? Но ведь он не знает...

– Как умер его отец? Знает. Я сказал ему.

– Ребенку? Это жестоко!

– Но необходимо, – сказал Гоэнфельс. – В этом отношении он уже не ребенок, а сын своего отца. От него только и слышно было: «Так сказал отец!», «Этого хотел отец!». То, что говорил, что делал отец, было для него свято, а сумасбродная жизнь, которую вел Иоахим, казалась ему геройством. Я поверг его кумира; теперь он знает, к чему привело это геройство. Я очистил в его голове место для рассудка.

– Таким средством? Он только еще больше возненавидит

тебя после этого.

– Весьма вероятно! Но в этом мальчишке есть что-то, чего у Иоахима, при всей его пылкости, никогда не было, – энергичная воля. Надо только направить ее в нужное русло. Может быть, понадобится еще много лет борьбы, но, я полагаю, потрудиться стоит.

В голосе барона чувствовалась теплота, которой он никогда еще не выказывал, говоря о племяннике. Вероятно, он чувял, что в этом мальчике, которого он до этого дня почти ненавидел, было что-то родственное ему.

Между тем Курт отправился в угловую комнату. Впрочем, он смотрел на происходящее с юмором. Наверно, дядя с племянником сильно повздорили, и последний впал в очередной припадок бешенства, а теперь бушевал во всю. Курт приготовился действовать в качестве успокоительных пилюль, но, когда он вошел, у него пропала всякая охота шутить. Бернгард стоял на коленях перед большим креслом, уткнувшись лицом в подушку; он не двинулся и тогда, когда Курт подбежал и начал трясти его за плечо, спрашивая:

– Что случилось? Что с тобой?

Ему пришлось повторить вопрос два раза, прежде чем он получил ответ, и то едва слышный:

– Оставь меня! Уйди!

– Да отвечай же! – закричал Курт, вдруг испугавшись. – Меня прислал дядя Гоэнфельс; что он тебе сделал?

Бернгард поднял голову и медленно встал; казалось, ему

надо было сначала сообразить, где он и с кем говорит.

– Ничего! Я хочу остаться один, уйди!

Это был уже не прежний повелительный тон; голос звучал глухо, сдавленно; и лицо было не прежнее – грубое, упрямое детское лицо; в нем появилось что-то, сделавшее его на несколько лет старше.

Курт никогда не видел таким своего товарища. Нежность вообще была им не свойственна, они разве колотили друг друга в знак особой дружбы, но теперь Курт вдруг обеими руками обнял Бернарда за шею и воскликнул:

– Но ведь это я, Курт! Мне ты можешь сказать!

Тон был такой сердечный и выражал такое теплое участие и страх, каких никак нельзя было ждать от этого резвого мальчика. Под влиянием этого лед, наконец, растаял.

– Мой отец! – воскликнул Бернгард. – Зачем он бросил меня одного? Зачем он оставил меня ему?

Это были одновременно жалоба и обвинение. Он уткнулся головой в плечо Курта и разрыдался.

Его отец! Это был единственный человек, которого он любил, любил особенной, исключительной любовью, со всей пылкостью, унаследованной от него же; и этот отец ушел от него добровольно, хотя знал, что оставляет сына одного на свете и что тот попадет в руки глубоко ненавистного ему брата. И все-таки он ушел, не вынеся жизни, которая стала для него мукой, опротивела ему. Бернгард был еще слишком молод, чтобы понять эгоизм и бесхарактерность челове-

ка, лишившего себя жизни, когда он обязан был жить для сына, которого сначала оторвал от родины, а теперь бросил на произвол судьбы. Его кумир пал, но если бы Гоэнфельс видел взгляд безграничной ненависти, которая загорелась в глазах его племянника при этой обращенной к отцу жалобе: «Зачем ты оставил меня ему?» – то понял бы, что борьба, на которую он решился, будет не из легких, а может быть, никогда и не закончится.

Ветер, бушевавший в последние дни, стих. На море установился штиль; ярко светило полуденное солнце северного летнего дня. Пароход из Бергена, держа курс на север, плыл почти у самого берега. Так как летом пассажиров всегда больше, то сейчас он был переполнен, и на палубе группами сидели и стояли путешественники. Ландшафт не представлял ничего особенного: вдоль скалистого берега тянулись низкие горы, на которых виднелись отдельные усадьбы и поселения побольше; со стороны моря можно было рассмотреть целый лабиринт маленьких островков, расположенных то поодиночке, то группами в виде скал, поросших мелким кустарником. Только на севере, но еще очень далеко, темнели высокие горы.

На носу стояли двое молодых людей; один был в форме моряка германского флота, другой же, в дорожной куртке, гамашах и с биноклем на ремне, очевидно, принадлежал к числу туристов. Они были заняты оживленной беседой, так как это были два школьных товарища, которые не виделись несколько лет; теперь случай свел их на борту норвежского парохода.

– Будет ли когда-нибудь конец этой монотонной веренице скал? – нетерпеливо спросил молодой моряк. – Не на чем глазу остановиться, а море и не колыхнется!

– Слава Богу! – заметил другой. – Довольно уже оно наколыхалось в течение нашего переезда! Буря трепала нас дни и ночи.

– Какая там буря! О небольшом ветерке, который встретил нас в Северном море, не стоит и говорить. Посмотрел бы ты на океан, когда он вздумает разгневаться! Правда, тебе уже и от этого пустяка пришлось несладко, ты лежал в каюте целый день, и еле оправился от морской болезни, только сегодня с тобой можно, наконец, поговорить по-человечески. Ну, как же тебе жилось все это время, Филипп? Мы ведь не виделись с тех самых пор, как уехали из Ротенбаха, а это было много лет назад.

– Целых шесть лет, – подтвердил Филипп. – Мне нечего и задавать тебе такой вопрос, Курт; тебе, разумеется, жилось хорошо, это видно по тебе.

– Да, неплохо. За это время я успел избороздить все моря земного шара и теперь – не шутите, господин Филипп Редер! – перед вами лейтенант корабля его императорского величества «Винета», – и он, вытянувшись в струнку, взял под козырек.

Из хорошенького, стройного мальчика, когда-то мечтавшего непременно стать адмиралом, вышел не менее красивый офицер, моряк, смело и весело смотревший на мир Божий своими темными глазами. По загорелому лицу можно было определить, что он успел уже познакомиться с тропическим солнцем, а к темным выющимся волосам, выбивавшим-

ся из-под фуражки, прибавились усики, украсившие верхнюю губу. Филипп Редер тоже был красивый молодой человек, но он сильно проигрывал рядом с жизнерадостным моряком. На его бледном лице застыло какое-то горькое выражение, а в глазах было что-то меланхолическое, не вязавшееся с его молодостью. Он держался немножко сгорбившись и говорил медленно, тихим голосом, хотя его внешность не производила впечатления болезненности.

– Да, ты всегда был счастливчиком, – сказал он. – В Роттенбахе ты был общим любимцем, тогда как у меня не было ни одного друга.

– Потому что ты ни с кем не уживался, – договорил Курт. – Когда кто-либо из товарищей закатывал тебе оплеуху, ты чувствовал себя глубоко оскорбленным, садился надувшись в угол и часами размышлял над тем, как скверно устроен мир. Я же относился к этому проще: я закатывал в ответ две оплеухи, а иной раз и три, а потом мы опять становились друзьями. Хотя дело не всегда ограничивалось оплеухами. Сколько раз я дрался даже с лучшим своим другом, Бернгардом Гоэнфельсом! Ты, конечно, помнишь его?

– О, конечно! Сумасбродный мальчик, к которому нельзя было подойти без того, чтобы он сейчас же не начал драться. Ты был единственным человеком, ладившим с ним; вы были неразлучны. Гоэнфельс собирался поступить на флот, и это действительно то, на что годится этот бесноватый, как ты его называл. Но ведь из тебя хотели сделать помещика, значит,

твой отец, в конце-концов, уступил твоему желанию?

– Не совсем, потому что я настоял на своем. Я довольно часто грозил этим своему папаше, но он никогда не верил, чтобы я говорил серьезно. Бернгард прямо из Ротенбаха с согласия своего дяди поступил на морскую службу; ему все пути были открыты. Я же должен был ехать в Берлин отбывать свой год воинской повинности в качестве вольноопределяющегося. Но мы вдвоем уже составили свой план военных действий. Папа снабдил меня всеми нужными бумагами, и я просто отправился с ними к Бернгарду и вместе с ним определился на Морскую службу. Потом я написал домой и почтительнейше заявил отцу, что поступил не в драгуны, а в моряки. Вот-то поднялся шум в Оттендорфе! Папа хотел, было сию же минуту ехать, чтобы взять меня обратно, но потом одумался, а я тем временем написал и дяде Гоэнфельсу. Тот, правда, отчитал меня письменно страшнейшим образом за мое непослушание, но в душе, я думаю, был на моей стороне. Во всяком случае, он уговорил папу, объяснив, что сделанного уже не вернешь.

– Ты говоришь о министре? – спросил Филипп. – Разве ты с ним в родстве?

– Собственно говоря, нет, но он друг юности моего отца и наш ближайший сосед по имению, отсюда и пошло это прозвище «дядя». Однако вернемся к тебе, Филипп. Какой именно важный государственный пост ты имеешь честь занимать? Ты собирался изучать право.

– Да, я изучал право, но служить в каком бы то ни было ведомстве, отказался, меня не устраивают условия службы. Так долго приходится ждать, пока станешь кем-нибудь!

– И потому ты предпочел остаться никем? Что ж, твое состояние, конечно, позволяет тебе это, но мне наскучило бы бесцельно шататься по свету. Это не удовольствие.

– Удовольствие! – повторил Редер с глубоким вздохом. – Разве жизнь вообще – удовольствие? Мне она принесла лишь разочарование и горе.

– В твои-то двадцать пять лет? – насмешливо проговорил Курт. – Впрочем, ты всегда считал себя пасынком судьбы, хотя на самом деле тебе всегда удивительно везло. Полагаю, ты счастливый жених, а может, уже и муж? Я где-то читал объявление о твоей помолвке.

– Не говори об этом, с этим покончено, – мрачно перебил его Редер. – Да, я был помолвлен, но моя невеста изменила мне; она вышла за другого.

– На твоём месте я сразу же женился бы на другой, – заметил молодой моряк с полнейшим душевным спокойствием.

– Ты по-прежнему бессердечен и способен насмехаться решительно над всеми без исключения!

– Напротив, я глубоко сочувствую тебе, – заметил Курт совершенно спокойно. – Итак, твоя невеста бросила тебя? Как же это могло случиться?

– Ее уговорили родители; они силой настояли на нашей помолвке; она же любила другого, человека, не стремящего-

ся ни к какой карьере, бедняка без гроша за душой. Но, в конце концов, она объявила, что не в силах забыть его, и я был принесен в жертву этому человеку.

– Обыкновенная история людей, у которых много денег, – заметил Фернштейн. – Отец с матерью ловят хорошую партию, а дочка бунтует. Не принимай этого так близко к сердцу, подыщи себе другую.

– Никогда! Я потерял веру в женщин, и они для меня больше не существуют.

– Жаль! А для меня они еще как существуют! Однако нам скоро придется расстаться, потому что я выхожу на следующей пристани.

– Неужели? Разве ты едешь не в Дронтгейм?

– Нет, в Рансдаль. Ты, вероятно, даже не слышал о таком городе? Охотно верю, потому что он находится совершенно в стороне от обычного маршрута туристов. Хочу навестить Бернгарда Гоэнфельса.

– Здесь, в Норвегии? Я думал, что он служит на флоте, как и ты.

– Служил. – По лицу Курта пробежала тень. – Он ведь всегда тосковал по Норвегии и хотел вернуться сюда, во что бы то ни стало. Пока дядя был его опекуном, он поневоле должен был жить у нас, но когда достиг совершеннолетия, для него стало лишь вопросом чести прослужить несколько лет. В нашем предпоследнем плавании на «Винете» он еще был с нами, но по его окончании вышел в отставку и вот уже

год опять живет в Рансдале.

Он проговорил это несколько отрывистым, торопливым тоном и быстро оборвал разговор.

– Посмотри, Филипп, те вершины уже ближе к нам, там скоро должен открыться фиорд¹, а при входе в него – пристань. Ландшафт как будто меняется к лучшему.

Они перешли на среднюю палубу, где собралась большая часть пассажиров. Курт обратил все внимание на горы, очертания которых теперь ясно и отчетливо выступали из дымки. Редер сначала тоже направил на них свой бинокль, но потом принялся рассматривать общество путешественников; по-видимому, он кого-то искал и нашел, потому что его глаза все время направлялись в одну точку на палубе.

Немного в стороне от остальных сидела пара, очевидно, специально выбравшая это место, чтобы уединиться. Даме с хорошенькой фигуркой в светлом дорожном костюме было, видимо, лет двадцать, не больше; черты ее лица с розовыми щеками и светло-кариими глазами были довольно неправильны, но чрезвычайно пикантны и привлекательны; ее светло-каштановые волосы были завиты в мелкие локончики. Мужчина, находившийся рядом с ней, тоже был еще довольно молодым, но не особенно симпатичным. Очень высокого роста, белокурый и очень чопорный и степенный, он сидел как сторож возле своей спутницы, которая, казалось, бы-

---

¹ **Фиорд** – узкий и сильно вытянутый в длину, глубокий морской залив с крутыми и высокими берегами.

ла не в духе; на его замечания он получал лишь короткие и недовольные ответы, а чашка бульона, которую он велел подать, была отвергнута нетерпеливым движением руки; наконец, когда он вздумал придвинуть свой стул ближе к ней, потому что ему мешало солнце, она внезапно раскрыла свой зонтик с таким треском и так энергично, что бедняга отшатнулся в сторону и потерял нос, задетый кончиком спицы. После этого он старался держаться на почтительном расстоянии и утешился тем, что сам выпил не принятый ею бульон.

Школьные товарищи наблюдали эту маленькую сценку. Курт с трудом подавил улыбку.

– Ты заметил эту пару? – спросил Филипп вполголоса. – Они сели в Бергене. Я пробовал, было заговорить с дамой, но супруг сразу вмешался и объяснил мне знаками, что они не понимают по-немецки. Он буквально не подпустил меня к жене и поскорее увел ее подальше. Неприятный человек!

Курт окинул супругов критическим взглядом.

– Ты думаешь, это муж и жена?

– Разумеется! Кто же иначе? Однако она обращается с ним почти грубо, а он явно стережет ее. Он все время ходит за ней по пятам и выходит из себя, если ей кланяются. Просто тиран!

– Успокойся! – Моряк улыбнулся. – Ты же говорил, что женщины для тебя больше не существуют.

Редер на минуту смутился, однако быстро овладел собой и с чувством ответил:

– Для меня существуют все, кто страдает, потому что я сам страдал. Эта молодая женщина, без сомнения, – жертва обстоятельств; одному Богу известно, что свело их с мужем.

– Может быть, то же, что свело тебя со сбежавшей невестой. Впрочем, вся эта вымышленная тобой драма – не более как пустая фантазия. Прежде всего, это не муж с женой; если бы этот чопорный субъект имел права супруга, он не позволил бы так с собой обращаться. Во-вторых, эта молодая особа совершенно не похожа на жертвенного агнца: она защищается, по крайней мере, хоть зонтиком, ведь он хлопнул перед физиономией бедняги, как ракета. Тише, они идут!

В самом деле, дама поднялась и направилась как раз в ту сторону, где стояли два товарища; мужчина последовал за ней как тень. Она облокотилась на борт и стала смотреть вдаль, на горы, потом что-то потребовала у своего спутника, чего у него, очевидно, не было, потому что он с сожалением пожал плечами.

Тогда Курт без церемоний взял из рук товарища бинокль и с вежливым поклоном преподнес его даме, бегло проговорив по-норвежски:

– Вот, позвольте предложить вам, фрейлейн, отличный бинокль.

Дама, казалось, очень удивилась, услышав родную ей речь из уст немецкого моряка, но взяла бинокль и сразу направила его на какой-то определенный пункт.

– Что, собственно, вы ищете, фрейлейн Инга? – спросил

ее спутник.

– Хочу рассмотреть, стоит ли у пристани пароход, который курсирует по фиорду.

– Разумеется, стоит. Ведь это остановка для тех, кто едет в Рансдаль. Но нас это не касается, так как мы едем в Дронтгейм.

Инга взглянула на него, и в ее глазах сверкнуло что-то вроде злорадства.

– Надеюсь, вам будет весело в Дронтгейме, господин Ганзен! – ответила она, а затем обернулась к моряку и возвратила ему бинокль. – Благодарю вас! Вы говорите по-норвежски; вероятно, вы уже не раз бывали в наших краях?

– Нет! Я еду к товарищу, но в Норвегии я впервые, и надеюсь скоро увидеть что-нибудь поинтереснее, чем этот бесконечный однообразный берег, которым мы любуемся все утро.

Барышне, очевидно, не понравилось это замечание, потому что она заявила с вызовом:

– Напрасно. Наши берега очень красивы!

– О вкусах не спорят, я нахожу их скучными. Я много перевидал и потому отношусь ко всему критически.

Инга, очевидно считавшая, что в ее отечестве надо восхищаться всем без исключения, бросила на него возмущенный взгляд и обратилась к Редеру с вопросом:

– Вы тоже так критически настроены?

Филипп, у которого так бесцеремонно забрали бинокль,

напряженно вслушивался в разговор, хотя не понимал ни слова. Это прямое обращение к нему смутило его, и он беспомощно взглянул на Курта. Тот поспешил объяснить, что его спутник не знает норвежского языка.

– Так спросите его; я хочу знать его мнение, – сказала Инга тоном диктатора.

Моряк повиновался приказанию и обратился к своему школьному товарищу по-немецки:

– Эту барышню зовут Ингой, она не замужем, потому что этот белокурый ангел-хранитель, следующий за ней, некий Ганзен, называет ее фрейлейн. Так вот Инга желает знать, как тебе нравится ее родина. Скажи, что это рай; она будет довольна.

– Чудная, великолепная страна! – начал Филипп с восхищением к великому удовольствию Инги, угадавшей значение его слов по его тону и выражению лица.

– Он находит Норвегию чудной, великолепной страной, – перевел Курт, – хотя еще совсем не видел ее, так как все время лежал в каюте, страдая морской болезнью.

– Очень сожалею! – благосклонно ответила молодая особа – и очень жаль, что он не говорит по-норвежски. Переведите ему это.

– Барышня сожалеет, что ты не говоришь по-норвежски, – снова перевел Курт. – Ей хотелось бы поговорить с тобой, потому что она находит тебя в высшей степени интересным; особенно же ей нравится грустное выражение твоего лица.

По-видимому, ты произвел на нее глубокое впечатление.

Филипп вспыхнул от удовольствия. Ему и в голову не приходило, до какой степени неточно был сделан перевод, и он поклонился с просиявшим лицом, приложив руку к сердцу. Между тем долговязый Ганзен с нескрываемым неодобрением слушал разговор, из которого понимал только то, что было сказано по-норвежски, однако не осмеливался помешать ему – он все еще ощущал укол зонтика, но был явно очень рад, когда молодой моряк, наконец, простился.

– Честь имею кланяться! Я должен пойти позаботиться о своем багаже, потому что высаживаюсь на этой пристани; я еду в Рансдаль.

Услышав это название, Инга бросила на говорившего странный вопросительный взгляд, но только слегка наклонила голову, прощаясь, и направилась обратно к своему стулу, куда за ней поспешно последовал и Ганзен.

– Ты прекрасно говоришь по-норвежски! – завистливо заметил Редер. – Сколько же языков ты знаешь?

– Пока только три; английский у нас необходим, когда мы бываем в океанских колониях, а норвежскому я научился, разумеется, у Бернгарда; он сразу принялся учить меня, чтобы иметь удовольствие с кем-нибудь разговаривать на своем любимом языке. Мы часто упражнялись в нем, и теперь мне это пригодилось. Однако вот и мои вещи выносят наверх; сейчас мы остановимся.

Пароход, заходивший лишь в крупные города, дал сигнал

на берег и замедлил ход в ожидании лодки, которую должны были оттуда выслать.

Курт с сожалением посмотрел на противоположную сторону палубы.

– Собственно говоря, очень жаль, что я именно теперь должен уехать: путешествие только начинает становиться интересным благодаря этому знакомству. Эта Инга какой-то боевой петушок! Как она взъерошила перышки, когда я осмелился назвать берега скучными, а потом без церемонии произвела меня в переводчики! У этой малютки есть темперамент!

– Ее зовут Ингой? Какое красивое имя! – воскликнул Филипп, мечтательно закатив глаза.

– И она не замужем! – договорил Курт. – Значит, тебе и карты в руки, у тебя впереди еще такой длинный путь до Дронтгейма, за это время ты успеешь упрочить произведенное тобой впечатление, потому что твой отказ от всей женской половины рода человеческого, по-видимому, допускает исключения.

Редер покачал головой с выражением мрачной покорности.

– Мне всегда не везет! Я ведь не могу разговаривать с этой Ингой, а тебя не будет, чтобы помочь мне.

– Видно, тебе очень понравился мой перевод? Попробуй объясниться при помощи мимики, в исключительном случае и это годится. Вот и лодка, я уезжаю. Прощай, Филипп! Мо-

жет быть, мы еще раз встретимся; мы с Бернгардом намерены прокатиться на север, а ты ведь тоже едешь туда. Счастливого пути! – и Курт, пожав руку товарища, пошел к трапу, который был уже спущен.

Пароход остановился, и лодка причалила, чтобы принять пассажиров, высаживавшихся здесь. Около самого трапа стояла Инга с маленьким саквояжиком и пледом, перекинутым через руку, а рядом – навязчивый Ганзен. Он спокойно наблюдал, как спускали в лодку багаж, но вдруг подскочил на месте и закричал матросу, собиравшемуся отправить вниз довольно большой чемодан:

– Подождите! Вы ошиблись! Этот чемодан остается на пароходе, мы едем в Дронтгейм.

Ганзен рванулся вперед, но в ту же минуту маленькая рука Инги схватила его за полу сюртука и энергично удержала на месте.

– Оставьте, пожалуйста! Все в порядке; я так распорядилась еще при отъезде.

– Но... но ведь это ваш чемодан!

– Конечно. Я выхожу здесь; я еду в Рансдаль.

– В Рансдаль? – повторил Ганзен, явно не понимая.

– Да, к дяде, пастору Эриксену. Мои родители уже знают об этом; я им написала из Бергена. Мне очень жаль, но вам придется одному продолжать путь в Дронтгейм.

Тем временем чемодан был благополучно спущен вниз. Курт же стоял на ступенях, но с удивлением остановился

и скорее, чем Ганзен понял, в чем дело; он быстро сбежал вниз, давая дорогу, и протянул руку поспешно следовавшей за ним девушке, чтобы помочь ей войти в лодку. Она впрыгнула в нее и уселась с чрезвычайно довольным видом. Ганзен все еще стоял у борта, точно окаменев на месте. Только когда он увидел, что отвязывают канат, к нему вернулся дар речи и способность двигаться; он бросился к трапу и с отчаянием закричал:

– Но, фрейлейн Инга!.. Ради Бога!..

Она кивнула ему с убийственно-ласковым видом.

– До свиданья! Желаю вам развлекаться в Дронтгейме, у нас там очень мило. Я приеду не раньше чем через месяц, а то, может быть, и позднее, до тех пор вы, конечно, уже уедете. Кланяйтесь моим! Счастливого пути!

Филипп Редер, который, разумеется, не понял ни слова и не мог объяснить себе эту сцену, тоже перегнулся через борт и крикнул вниз:

– Скажи на милость, Курт, что это значит?

Фернштейн взглянул на него тоже с чрезвычайно довольной физиономией и ответил:

– Фрейлейн Инга тоже едет в Рансдаль; мы едем вместе. До свиданья, Филипп! Счастливого пути!

Трап был уже поднят, пароход начал набирать ход и волны, которые он поднял, заколыхали маленькое суденышко. Инга завершила свое издевательство тем, что вытащила из кармана платок и принялась махать им, как будто это было

самое нежное прощание, а Курт последовал ее примеру и тоже замахал платком. Они поплыли к берегу, тогда как пароход пошел своим курсом.

Двое покинутых стояли на палубе и смотрели вслед лодке, пока ее было видно; потом Ганзен вдруг запустил обе руки в свои желтые как солома волосы и, буквально шатаясь, направился к стулу, а Филипп Редер погрузился в мрачное уныние.

Опять невезение! Фернштейн, этот счастливчик, уехал с молодой особой, которую звали Ингой и которая была еще не замужем, а он... он сидел здесь, одинокий, покинутый, и ехал в Дронтгейм, потерявший теперь для него всякий интерес. С немой яростью Редер раскрыл путеводитель и принялся искать в нем Рансдаль. В самом деле, это место лежало в стороне, глубоко в горах, но должна же была существовать какая-нибудь возможность проехать туда из Дронтгейма!..

Лодке надо было проплыть порядочное расстояние до берега, но Инге не хотелось разговаривать. Когда пароход удалился, и она насладилась триумфом, который доставил ей благополучно удавшийся «государственный переворот», она опять раскрыла зонтик, очевидно, служивший ей и наступательным и оборонительным орудием, и совершенно исчезла под ним. Однако Курт не дал себя запугать, он занял место напротив и начал разговор:

– Итак, нам с вами по пути!

– Оттого, что вам вздумалось ехать в Рансдаль, – почти

негодующе прозвучало из-под зонтика.

– Извините, это вам «вздумалось»! Я с самого начала собирался в Рансдаль, вы же, насколько мне известно, как будто ехали в Дронтгейм.

– Мой план путешествия, в конце концов – мое дело.

– Совершенно справедливо, но позвольте мне считать счастливым случаем то, что он совпадает с моим.

Инга была, по-видимому, иного мнения. Она помолчала несколько секунд, потом вдруг спросила инквизиторским тоном:

– Как зовут товарища, к которому вы едете в Рансдаль?

– Бернгард Гоэнфельс.

– Да?! – изумленно воскликнула девушка, выглядывая из-под зонтика.

– Вы с ним знакомы? – спросил Курт.

– Лично – нет; его еще не было в Рансдале, когда я приезжала в последний раз. Вы, конечно, знаете, что он собирается жениться?

– Да, он помолвлен уже три месяца, – медленно ответил Курт, и по его лицу опять скользнула тень, как тогда, когда он упомянул в разговоре со школьным товарищем, что Бернгард вышел в отставку.

– Его невеста – Гильдур Эриксен, моя двоюродная сестра.

– В самом деле? Я слышал еще на пароходе, как вы упомянули фамилию. Значит, между нами оказываются совершенно неожиданные отношения!

– Между нами? – Инга сморщила носик и смерила Курта взглядом с ног до головы. – Разве вы родственник господина Гоэнфельса?

– Нет, но я его близкий друг.

– Это не отношения. Благодаря этому браку он действительно станет моим кузеном, вы же, господин...

– Курт Фернштейн, позвольте представиться.

– Вы, господин Фернштейн, как были, так и останетесь мне чужим.

– Слушаю-с! Всеми силами постараюсь оставаться для вас чужим!

Эта перепалка продолжалась бы и дольше, но Курт относился к ней без особого увлечения; он пристально смотрел на берег. Там, у пристани маленького местечка, стоял местный пароходик, поддерживавший сообщение между поселениями по берегам фиорда; он ходил всего два раза в неделю, и им пользовались почти исключительно местные жители. Неподалеку стояла кучка людей, поджидавших лодку, и теперь от нее отделилась высокая фигура мужчины; он подошел к самой воде и стал махать навстречу лодке. Курт вскочил так порывисто, что суденышко закачалось, и воскликнул:

– Бернгард! Это он!

Инга с любопытством смотрела на будущего родственника, собираясь задать несколько вопросов, но заметила, что все мысли ее спутника заняты его товарищем, ожидавшим его на берегу. Как ни странно, это показалось ей обидным,

невзирая на ее настойчивое требование, чтобы он оставался ей чужим. Она снова удалилась в свой уголок, то есть под зонтик, и притихла.

Курт даже не заметил этого. Зачем было ему это дорожное знакомство теперь, когда он увидел Бернгарда?

– Бернгард! Добро пожаловать! – весело закричал он другу. Не успела еще лодка пристать, как моряк одним прыжком очутился на берегу, и в то же мгновение две руки крепко и порывисто обняли его.

– Курт, дружище! Наконец-то!

Инга наблюдала эту нежную встречу сначала с удивлением, потом с досадой, потому что на нее молодые люди не обращали ни малейшего внимания. Никто о ней не заботился, и ей не оставалось ничего другого, как позвать матроса и велеть ему взять ее чемодан; потом она пошла одна по направлению к пароходу.

Наконец, после первых вопросов и ответов, Курт оглянулся и заметил, что лодка пуста.

– Боже мой! Куда же она девалась? – вскрикнул он.

– Она? О ком ты говоришь?

– О моей спутнице. Должно быть, она уже на пароходе, и я был таким невежей, что не помог ей.

– Узнаю моего Курта! – насмешливо проговорил Бернгард. – Вечно разыгрываешь из себя любезного кавалера.

– Не братъ же мне пример с твоей прославленной нелюбезности! – ответил Курт в тон ему. – Впрочем, эта дама до

известной степени касается и тебя, потому что она едет в Рансдаль к дяде, пастору Эриксену. Разве тебе ничего не известно об этом?

– Нет, – равнодушно ответил Бернгард. – Я несколько дней провел в море и приехал прямо сюда, чтобы встретить тебя. Очень может быть, что там кого-нибудь и ждут.

– Пока я знаю только, что ее зовут Ингой и что ее родители живут в Дронтгейме.

– Значит, это Инга Лундгрэн, племянница пастора. Я с ней еще не знаком.

– Так ты можешь познакомиться сейчас. Мы поедем на пароходе?

Бернгард презрительно пожал плечами.

– Вот еще! Он ползет как черепаха и останавливается у каждой пристани. Я с удовольствием отвез бы тебя на своей «Фрее». Вчера и третьего дня дул свежий ветер, и она весело летала в открытом море, но при таком штиле на парусной яхте недалеко уедешь. Пойдем, вот стоит мой экипаж.

– Конечно, я поступаю в твое распоряжение, – сказал Курт, несколько разочарованный, – но ведь тебе следует поздороваться с будущей родственницей, и мне хотелось бы...

– Это еще зачем? – нетерпеливо перебил его Бернгард. – На это будет достаточно времени и в Рансдале. К тому же она давно на пароходе, и он сейчас отойдет. Пойдем, мы поедем через горы; это всего часа два-три езды.

Он увлек друга к открытому экипажу, стоявшему непода-

леку, велел уложить вещи Курта, взял вожжи из рук грума, пригласил друга сесть и сам сел с ним рядом. Лошадь побежала быстрой рысью, и скоро берег и дома местечка остались позади.

Дорога вела прямо в горы. Маленькая пегая лошадка бежала так резво, словно экипаж был для нее игрушкой. Мальчик-грум, расположившийся на узеньком заднем сиденье, беззаботно глядел на яркий летний день, но надо было обладать необыкновенной ловкостью, чтобы усидеть на этом крохотном местечке, которое так трясло во время быстрой езды. Экипаж скакал по камням и рытвинам то поднимаясь на гору, то спускаясь вниз – дорогу никак нельзя было назвать спокойной, а в некоторых местах можно было просто сломать себе шею.

Впрочем, молодые люди мало внимания обращали на дорогу и ландшафт, потому что только эта встреча показала им, до какой степени они любили друг друга. Они ведь были неразлучны с детских лет, вместе шалили и учились, вместе провели годы подготовки к морской службе и, будучи произведены в офицеры, поступили на одно и то же судно; они разлучились только год назад, когда Бернгард вышел в отставку. Конечно, им было о чем поговорить, и Курт с обычной живостью рассказывал о себе и об Оттендорфе, где провел всего неделю.

– Папа был этим очень недоволен, – сказал он. – Он рассчитывал, что я проведу дома весь отпуск, как обычно, но ведь я обещал тебе приехать.

– И я не освободил бы тебя от данного слова, – заметил Бернгард. – В Оттендорфе все благополучно?

– Более чем благополучно, потому что сбежавшему сыну и наследнику есть замена. Полгода тому назад в наших краях появился любитель сельского хозяйства, красивый юноша из хорошей семьи, желающий поближе познакомиться с нашими условиями жизни, чтобы потом купить имение. Но, конечно, это намерение так и останется намерением, потому что он на всех парусах летит к моей сестре, и она, по-видимому, не питает к нему отвращения. Папа считает, что он прекрасно знает сельское хозяйство, и на все лады расхваливал мне его. Словом, дело на мази. Я думаю, что вскорости состоится обручение, и заранее шлю им свое торжественнейшее благословение.

– Еще бы, ведь это было бы самым лучшим исходом, – заметил Бернгард. – Будем надеяться, что Кети сделает тебе удовольствие и даст свое согласие, и тогда давнишней размолвке между тобой и отцом придет конец. Он душой и телом привязан к своему Оттендорфу, а значит, имение останется за нами.

– Ты тоже жених. Я уже поздравлял тебя в письме, а теперь могу повторить тебе свои пожелания лично.

– Благодарю, – спокойно ответил Бернгард. – Скоро ты увидишь Гильдур. Когда я уехал отсюда, она была еще ребенком, ей едва исполнилось четырнадцать лет, но мы виделись почти каждый день, потому что ее отец учил нас обоих.

Тебя удивило это известие; я прочел это между строк твоего письма.

– Мы все были удивлены; никто не думал, что ты так быстро свяжешь себя. Всего год тому назад ты оставил службу, потому что считал ее «иглом» и «цепями», ты хотел быть свободным, и вдруг решил на всю жизнь связать себя брачными узами.

На лбу Бернгарда появилась морщинка, но он ответил совершенно твердо:

– Ты не поймешь этого, Курт. Здесь, в нашей глуши, человеку нужны жена, семья. Летом еще ничего – у меня есть охота, мое море, но зимой день у нас длится всего часа два, нас просто заносит снегом, а северные ветры бушуют у наших берегов иной раз неделями, так что нечего и думать высунуть нос из фиорда. Эти бесконечные зимние вечера, когда сидишь один в пустом доме, совершенно один со своими мыслями...

Бернгард вдруг остановился, а потом быстро договорил:

– Я выдержал это один раз, но больше не смогу.

– Ах, вот в чем дело! Тебе нужна жена! – проговорил Курт, внимательно глядя на друга. – Я полагал, что тут замешана страсть, потому что эта женитьба будет стоить тебе майората; устав вашего рода требует в таких случаях отречения.

Морщинка на лбу Гоэнфельса стала глубже, и в его голосе послышалось некоторое раздражение.

– Мне не нужен майорат. К счастью, состояние моей матери делает меня независимым от него и от «главы рода». Разумеется, я люблю свою невесту, иначе мой выбор не остановился бы на ней, но я не способен сейчас же «воспылать», как другие.

– Меня ты не надуешь, – спокойно возразил моряк, – я тебя хорошо знаю. В отношениях к женщинам ты всегда был чем-то вроде ледяной сосульки, ты никогда не пылал, но во всех других отношениях ты прежний неукротимый «бесноватый», спокойный только внешне. Если ты когда-нибудь «воспылаешь», то у тебя это будет целым пожаром.

– Тем более мне нужна спокойная, рассудительная жена, которая не бледнела бы от страха каждый раз, когда прорвется «бесноватый». И Гильдур – именно такая жена. Кстати, у вас там, кажется, воображают, будто я веду здесь нечто вроде крестьянского образа жизни; можешь заверить своих, что мне живется не хуже, чем вашим помещикам; только у нас жизнь проще и ближе к природе. Мне приходится легче, чем моему отцу, привезшему с собой только то, что он тяжким трудом заработал в Америке, а это составляло весьма небольшую сумму. Тогда действительно наша жизнь не особенно отличалась от жизни рансдальских крестьян, у нас было только самое необходимое. Я же, благодаря материнскому наследству, имел возможность купить имение, которое почти такое же большое, как Гунтерсберг; ведь я подробно описывал тебе в письмах свой Эдсвикен.

– Да, и купил ты его невероятно дешево. Кажется, здесь совершенно еще не знают цены земле.

– Нет, ею почти не дорожат. В Эдсвикене я более неограниченный хозяин и повелитель, чем был бы когда-либо в Гунтерсберге. Вот ты увидишь охоту в наших горных лесах, это далеко не такое невинное занятие, как у вас, и здесь от охоты получаешь полное удовольствие. А когда опять подымится ветер, мы поплывем на моей «Фрее» на север. Во время своих плаваний ты видел только юг, на севере же ты познакомишься с совершенно новым миром. Да, в такой свободной жизни много хорошего!

Глаза Бернгарда заблестели, и он выше поднял голову, но эту восторженную речь Курт выслушал довольно холодно.

– А потом настанет зима, – закончил он, – долгая, бесконечная зима, которую ты только что описывал. Это, должно быть, страшно тоскливо.

– К тому времени у меня будет жена, – коротко возразил Бернгард. – На этот раз я легче перенесу зиму. Наша свадьба назначена на осень.

Они въехали в горы. Дорога шла то через густые сосновые леса, то по пустынным каменным осыпям, то по уединенным ущельям, со склонов которых струились пенистые водопады. Иногда вдали блестело зеркало фиорда, но тотчас исчезало, скрываясь за лесами и скалами, и все ближе, все темнее вздымались перед ними вершины. Бернгард уверенно управлял экипажем, что требовало большой силы и опыт-

ности при плохой дороге с внезапными поворотами и крутыми спусками; видно было, что здесь, в горах, он чувствовал себя свободно, так же, как и в море. На нем был матросский костюм, который он носил на своем судне, и эта легкая, удобная одежда ему очень шла.

Гоэнфельс и теперь представлял полную противоположность стройному, красивому Курту, которого он значительно превосходил ростом, но это был уже не одичалый, свое нравный мальчик, злобно восстававший против новой обстановки и условий, в которых его хотели заставить жить. Девять лет, проведенных им в своем отечестве, а потом на морской службе, все-таки изменили его, хотя не уничтожили врожденные черты его натуры, а только смягчили их. Он по-прежнему казался упрямым, но все грубое, мужицкое, что было в нем когда-то, исчезло. В его строгой выправке, во всей его внешности сказывался бывший флотский офицер, который в течение нескольких лет должен был считаться со своим служебным положением. Правда, густые белокурые волосы опять отросли, лежали беспорядочными прядями и оставляли незакрытыми только лоб и виски. Черты лица не стали ни правильнее, ни красивее, но приобрели твердость и выразительность, сохраняя прежнее характерное выражение; упрямое «я хочу!» и сильная воля, которую не могли сломить ни время, ни воспитание, и теперь были написаны на его лице. Суровая, своеобразная внешность молодого Гоэнфельса скорее отталкивала, чем притягивала, и, несмотря

на это, все-таки привлекала к себе внимание, потому что в нем чувствовалась глубокая натура.

– Что подельывают на «Винете»? – спросил он как бы вскользь. – Кажется, всего три недели, как она вернулась в Киль? Как прошло последнее плавание?

– На борту все благополучно, – ответил Курт.

– А... капитан Вердек?

– Что ж, он все тот же служака и старый грубый медведь. Муштровал нас, как всегда.

– Он знал, что ты едешь ко мне?

– Разумеется. Все знали. Прощаясь с ним, я нарочно упомянул, что товарищи просили меня передать тебе поклон: я думал, что он тоже велит кланяться, потому что ты ведь был его любимцем, но очень ошибся. Капитан скроил самую сердитую физиономию и пробурчал: «Что вам, собственно, там делать, лейтенант Фернштейн? Помогать закадычному приятелю стрелять белых медведей да ловить тюленей? Или, может быть, вы хотите, чтобы он и вас соблазнил покинуть знамя? Смотрите!» – и он сердито повернулся ко мне спиной.

Бернгард громко расхохотался, но смех был горький.

– Покинуть знамя! Разумеется! Он обошелся со мной как с дезертиром, когда я пришел проститься с ним. Как будто я не выполнял свой долг в течение всех этих лет, с момента поступления на службу кадетом или не имел права выбора оставаться на флоте или выйти в отставку! Тогда, в Вест-Ин-

дии, когда я выдержал свое первое испытание, капитан перед всеми товарищами и командой протянул мне руку и похвалил меня так, что мое сердце переполнилось гордостью. И после этого так расстаться! Если бы не моя долголетняя привычка к дисциплине, я вспылил бы в ту минуту. Собственно говоря, ведь я больше не состоял на службе, и он уже не был моим начальником; но я прошел там, у вас, суровую школу и хорошо усвоил правила; он был раньше моим капитаном, и поэтому я стиснул зубы и промолчал, но я и сейчас еще не простил ему.

– И он тебе тоже, – заметил Курт, – так же, как дядя Гюэнфельс.

Глаза Бернгарда сверкнули; они вспыхнули ненавистью, как тогда, когда мальчик впервые почувствовал железную руку, налагавшую на него узду.

– Мой дядя! – повторил он. – Да, в его представлении это был уже совсем смертный грех. Я ведь сказал ему, что рвусь на свободу, во что бы то ни стало, как только его власти надо мной придет конец; но он воображал, что обуздал меня при помощи своего воспитания, потому что я научился молчать и ждать. Он думал, что я забуду нашу долголетнюю борьбу, в которой он всегда одерживал надо мной верх, но он плохо знал меня! Такое запоминается на всю жизнь. Он и Вердек! Это истые представители хваленой системы, принятой в вашей Германии! Повиноваться и вечно только повиноваться, быть рабом какого-то долга! Ни тот ни другой и понятия не

имеют о том, что значит быть свободным, быть господином самому себе. Что знают они вообще о свободе?

Это был взрыв неудержимой, страстной горечи, а между тем ведь «цепи» были уже разорваны, и неограниченная свобода достигнута. Очевидно, Курт думал по-другому, и он сухо возразил:

– Ну, что касается дяди Гоэнфельса и Вердека, то, по крайней мере, в своем деле они господа. Когда мы выходим в море, наша «Винета» со всем, что на ней есть, повинуется воле одного человека – капитана, а дядя тоже стоит теперь у кормила государства и управляет всем кораблем. Полагаю, что стоит подчиниться некоторое время, если благодаря этому можно пойти так далеко. Тебе это могло удалиться – по крайней мере, Вердек ожидал от тебя многого; потому-то он и разозлился так, когда ты столь внезапно и круто положил конец своей карьере.

– Очень она мне нужна! – раздраженно крикнул Бернгард. – Но и ты, Курт, тоже доставил мне тогда немало тяжелых минут; ты из-за этого был готов отказаться мне в своей дружбе и до сих пор не простил мне.

– Нет, не простил! – холодно и серьезно сказал моряк и хлестнул лошадь.

Маленькая лошадка взвилась на дыбы; она не привыкла, чтобы ее хозяин обращался с ней так грубо, и немилосердный удар, со свистом резнувший ее спину, взбесил ее. Она прыгнула в сторону и бешено понеслась вниз с крутой горы,

как слепая. Если бы Бернгард не натянул вожжи и не сдержал ее с нечеловеческой силой, то неизвестно чем бы это кончилось. Лишь мало-помалу испуганная лошадь успокоилась, но все еще гневно и нетерпеливо фыркала, как бы протестуя против незаслуженного обращения.

Этот инцидент заставил прекратить разговор. Только когда лошадь пошла тише, Курт снова заговорил:

– Полагаю, нам лучше будет не касаться больше этой темы. Это было первое серьезное столкновение между нами, и мы действительно были близки к разрыву; не будем напрашиваться на скандал. Только вот еще что, Бернгард: не коли меня постоянно своими «там у вас» да «в вашей хваленой Германии». Если ты отрекся от нас, то это твое дело; в сущности, ты никогда и не желал быть нашим; но я офицер германского флота и не выношу такой тон. Если ты не оставишь его, я сейчас же уеду.

Бернгард вздрогнул; одну минуту казалось, что он вспыхнет гневом, но до этого не дошло. Он сдержался и не ответил ни слова, но его лицо напоминало грозовую тучу.

Среди ясного, радостного настроения встречи прозвучал резкий диссонанс, и дело чуть не дошло до разрыва.

Дорога привела к самой вершине горы, откуда открывался вид на фиорд. Глубоко внизу лежало сверкающее на солнце неподвижное зеркало воды; во все стороны от него разбегались глубокие бухты, разветвлялись узкие долины, почти заполненные водой; на узких прибрежных полосах бы-

ли рассеяны отдельные усадьбы и домики, уединенные жилища, зимой совершенно отрезанные от жизни; только на севере, в конце фиорда, на более широкой площади берега, виднелось довольно крупное поселение; можно было различить церковь, дома вокруг и стоящие поодаль усадьбы, расположенные за чертой городка. Непосредственно за зелеными лугами горы поднимались опять, а высоко наверху сверкали ледники главной вершины, замыкавшей своей мощной громадой задний план.

Бернгард остановил лошадь, чтобы дать спутнику возможность полюбоваться видом, и указал в ту сторону.

– Это Рансдаль, а там, направо, на мысе – мой Эдсвикен. Его можно рассмотреть невооруженным глазом.

– Великолепный вид! – Курт не отрывал восхищенного взгляда от ландшафта. – Немного мрачная, но мощная и величественная картина.

– Не правда ли, наша Норвегия прекрасна? – продолжал Бернгард. – Теперь ты понимаешь мою тоску по родине, по этим скалам, лесам и водопадам?

Он вдруг замолчал, а потом тихо прибавил: – Курт, ты грозил серьезно? Ты, в самом деле хочешь уехать?

– Ты же сам гонишь меня! – последовал полный упрека ответ. – Ты делаешь это нарочно, а я так мечтал об этой поездке и об этой встрече!

– Но не так, как я! – горячо перебил Бернгард. – Я ведь считал дни и часы до твоего приезда. Остайся, Курт, подари

мне эти несколько недель! Ты и не подозреваешь, как ты мне нужен.

В этих словах прозвучала такая страстная мольба, что Курт изумленно взглянул на друга. На него смотрели прежние голубые глаза мальчика, которые могли сверкать крайне враждебно, когда он сердился; но теперь в их глубине таилось что-то другое, какая-то тяжелая, мрачная тень. Молодой моряк впервые заметил это и вдруг протянул другу руку.

– Я останусь! – сказал он с прежней сердечностью. – Если я нужен тебе, то всегда к твоим услугам, несмотря ни на что.

Бернгард перевел дух, как будто гора свалилась с его плеч. Он ответил только пожатием руки, но в этом пожатии выражалась безмолвная благодарность и просьба о прощении. Потом он тронул лошадь, и экипаж быстро покати́л вниз.

6

Рансдаль в самом деле лежал вдали от мира, в стороне от более или менее известных путей сообщения, от всех главных пунктов, к которым летом обычно устремляется поток туристов. Это было единственное довольно крупное поселение на фиорде, по берегам которого в других местах были разбросаны только отдельные усадьбы и домики; большого значения оно не имело. Сообщение с другими точками берега было очень редким, а дороги через горы не допускали регулярного движения. Правда, красотой и величием своих окрестностей это место могло поспорить со всяким другим, но путеводители упоминали о Рансдале лишь в нескольких словах, и хотя и признавали его пейзаж достойным внимания, но особенно подчеркивали трудность сообщения и неудобства здешней жизни. Вследствие этого Рансдаль не пользовался известностью, и лишь изредка из-за гор сюда проникал какой-нибудь турист. Рансдальцы не искали и не желали сношений с внешним миром; они ревниво оберегали свою обособленность, относились с недоверием ко всякому пришельцу и вели точно такой же образ жизни, как в старые времена. Какое дело было им до того, что делалось на свете? Когда сюда забрел чужеземец-немец, все здесь было, как и двадцать лет тому назад. Порвав с родными, Иоахим Гоэнфельс вел сначала несколько лет бродячую жизнь искателя

приключений в Америке, куда направился прежде всего. Он искал в своей стране свободу, того, что было, по его понятиям, свободой, но не нашел ничего подобного и, разочаровавшись, получив отвращение к всеобщей погоне за деньгами и властью, вернулся в Европу; случай забросил его на норвежские берега, в Рансдаль, и он здесь остался. В это время ему было немногим больше тридцати, но этот беспокойный человек уже исчерпал запас энергии и из прежнего бунтаря, мечтавшего об идеальном человечестве, превратился в озлобленного чудака, которого не покидало чувство ненависти к своей родине и прошлому.

Из Америки он вернулся не без средств. Конечно, для прежнего барона Гоэнфельса эта сумма была нищенскими грошами, но для жизни в Рансдале ее было достаточно; здесь даже зажиточные люди вели почти крестьянский образ жизни. Иоахим жил в такой же суровой обстановке, как другие, но они все-таки не считали его своим; они не понимали ни его, ни его натуры, для них он оставался чужим до самой смерти.

Впрочем, с его сыном Бернгардом, которого он вызвал сюда из Германии, дело обстояло иначе. Тот вырос в Рансдале, сжился с местной обстановкой, душой и телом сроднился с новым отечеством. Правда, по смерти отца родня вытребовала его назад, но он обещал вернуться, подтвердив это обещание клятвой Гаральду Торвику, и действительно сдержал слово, как только стал сам собой распоряжаться.

Права Бернгарда Гоэнфельса на родовое поместье Гунтерсберг вступали в силу только после смерти его дяди, но когда он достиг совершеннолетия, в его распоряжение поступило имущество его матери; оно было не особенно велико, однако гарантировало ему полную независимость и свободу жить, как ему будет угодно. Здесь, в Рансдале, оно представляло целое богатство, и приобретенное им на эти деньги имение давало ему право быть в городке одним из самых богатых. Это первенство, несмотря на его молодость, было единодушно признано за Бернгардом, причем рансдальцы смотрели на него, как на равного себе по происхождению, они имели весьма смутное понятие о том, что значит быть немецким бароном и владельцем майората, и ценили разве только звание флотского офицера, но зато ставили ему в большую заслугу отказ от наследства. Этим Бернгард доказал, что он для них свой, а не принадлежит к тем, «чужим», которые пытались завладеть им, как своей собственностью; он добровольно выбрал свою судьбу и выбрал правильно!

У самой церкви стоял дом пастора Эриксона, деревянный, как и все постройки в селении, с низенькими, но широкими окнами, занимавшими чуть ли не весь передний фасад. Внутри дом был убран просто, но уютно. Гостиная, довольно большая комната с белыми занавесками на окнах, картинами на бревенчатых стенах и мягкой мебелью, обитой пестрой материей, производила приятное впечатление. Две молодые девушки, сидевшие у окна, оживленно разговарива-

ли, то есть говорила, собственно, одна Инга Лундгрэн, другая же, дочь хозяина дома, больше слушала. Возле нее стояла корзина с бельем, починкой которого она занималась, не прерывая работы, даже когда говорила.

Гильдур Эриксен казалась старше своей двоюродной сестры года на два, на три. Это была, бесспорно, красивая девушка, но красивая той простой, строгой красотой, которая привлекает человека, не внушая ему безумной страсти. Для женщины она казалась слишком рослой и сильной; взглянув на нее, легко было догадаться, что она одинаково ловко справляется и дома с иголкой, и с веслом на воде. Белокурые волосы обвивали ее голову двумя толстыми косами, обрамляя цветущее лицо с крупными, правильными чертами и светлыми глазами. Ей недоставало одного: нежной прелести юности. От всей внешности девушки веяло серьезным спокойствием, какой-то строгостью, которая не производила обворожительного впечатления. Гильдур представляла полную противоположность маленькой, хорошенькой Инге.

Последняя рассказывала о встрече приятелей на пристани, с негодованием подчеркивая, что ее бросили одну, не помогли перейти на пароход.

– Но ведь Бернгард не знаком с тобой, – заметила Гильдур. – Он даже не знал, что ты едешь в Рансдаль. Однако скажи же мне, наконец, чему мы обязаны твоим приездом. Ты вовсе не собиралась заглядывать к нам этим летом и вдруг – приятный сюрприз из Бергена, что ты приедешь с первым

пароходом и прогостишь несколько недель. Ведь то, что ты рассказала вчера отцу, не больше как выдумка.

– Конечно, я боюсь сказать дяде правду, он при первой же возможности прогонит меня домой. Я ведь сбежала! Мне ничего больше не оставалось. Подумай сама, без моего согласия меня затеяли выдать замуж! Это был тайный сговор, торговая сделка между фирмами Лундгрэн и Ганзен; но я разрушила все их планы!

– Почему же ты не сказала просто «нет»?

– Я сначала так и сделала, но не подозревала, что тут целый заговор, настоящий заговор! Ганзен – давнишний компаньон моего отца; он часто приезжает в Дронтгейм, и я приглянулась ему; он нашел меня подходящей для роли его невестки и жены его сына и наследника, этого дурака Акселя. Мои родители с этим согласились, ведь Ганзены – очень богатая, старинная и уважаемая фирма в Бергене. Одним словом, дело было слажено без моего ведома, а потом меня пригласили погостить. Госпожа Ганзен приняла меня в высшей степени любезно, относилась ко мне с величайшей нежностью, и в продолжение первых недель я веселилась до упаду. Правда, я сразу заметила, что Аксель все вертится около меня и делает влюбленные глаза. Надо тебе сказать, что глаза у него водянисто-голубые, а волосы желтые, как солома, и при этом он беспредельно глуп. Эта история забавляла меня, пока я вдруг не сделала открытие, что она становится серьезной и что в это замешаны мои родители. Я представляла

собой бессрочный вексель, выданный на имя фирмы «Ганзен и компания».

Я сейчас же написала домой, и что же получила в ответ от мамы? Она и папа держали свой план в секрете, чтобы не лишиться меня «непринужденности»! Добрый, славный Аксель сильно любит меня, и я люблю его со временем, когда узнаю ближе; мы составим счастливую парочку и так далее. Но у меня не было ни малейшего желания изображать собой половину этой счастливой парочки, и я настояла на немедленном отъезде. Однако Аксель со своей сильной любовью поехал вместе со мной, то есть ему самому это и в голову не пришло бы – ему вообще никогда ничего не приходит в голову, а ехать ему приказала его мамаша. Тут у меня лопнуло терпение, и я сбежала.

– Неужели нельзя было уладить дело как-нибудь иначе? – спросила Гильдур, видимо, не одобрявшая этой выходки.

– Нельзя, потому что госпожа Ганзен утверждала, что я не могу ехать одна. Ну, и, разумеется, Аксель должен был оставаться все время в Дронтгейме и выказывать свои многочисленные прекрасные качества, пока я не соглашусь стать его женой. Меня торжественно поручили его заботам, и он, добросовестно исполняя роль часового, не подпускал ко мне ни одной живой души. Только у меня уже все было заранее спланировано. Если бы ты видела его физиономию, когда я неожиданно объявила, что еду в Рансдаль! Он буквально присел и сообразил, в чем дело, только тогда, когда я уже бы-

ла в лодке. И вот я здесь, и вы отделяетесь от меня не раньше, чем в Дронтгейме очистится воздух.

Девушка с торжествующим видом посмотрела на Гильдур, как бы ожидая ее одобрения. Но та только покачала головой и сказала:

– Твои родители вытребуют тебя обратно.

– Им придется отказаться от такого намерения. Если я не хочу чего-нибудь, то, значит, не хочу, пусть хоть весь Дронтгейм перевернется вверх ногами. Папа это знает; поэтому он, не поднимая шума, сплавит славного Акселя восвояси и будет очень рад, когда я вернусь домой. Однако довольно нам толковать об этом неудачном сватовстве; мне хочется поглядеть на настоящих жениха и невесту. Дай-ка мне хорошенько рассмотреть тебя, Гильдур! Какова-то ты невеста!

По серьезному лицу Гильдур пробежала улыбка.

– Какой же мне следует быть, по-твоему?

– Я полагаю, немножко веселее, а ты серьезна и спокойна как всегда. Между тем ведь ты выходишь замуж по любви.

– Конечно, но мы оба смотрим на любовь и на брак серьезнее, чем кажется, смотришь ты.

Инга не обратила внимания на легкую укоризну, звучавшую в этих словах.

– Это будет идеальный брак, – заметила она. – Но, выходя замуж, необходимо чувствовать хоть маленькое удовольствие, иначе – благодарю покорно. Знаешь, известие о твоей помолвке произвело в Дронтгейме фурор. Наши знакомые

помнят тебя со времени твоего визита к нам, но мы все думали, что из тебя выйдет почтенная супруга пастора, вроде твоей покойной матери, и вдруг оказывается, что твой жених – немецкий барон, владелец майората и Бог весть еще что! Скажи, каков он собой? Я видела его только издали.

– Чего ты только не знаешь! – сказала Гильдур. – Ни о чем подобном я тебе не писала.

– Еще бы! Боже сохрани! Из Рансдаля мы, разумеется, ничего не узнали. Дядя известил нас лишь о твоём обручении с Бернгардом Гоэнфельсом, а ты лаконично пояснила: «друг юности, немец, который вырос здесь и после долгого отсутствия вернулся обратно» – и только! Это было все; о том, что вышеупомянутый Бернгард – родной племянник и ближайший наследник министра Гоэнфельса, о котором теперь говорят все газеты, – ни слова. Но мы все-таки узнали, ведь это имя так часто приходится слышать. Только как может твой жених хоронить себя здесь, в Рансдале, когда на родине его ждут блеск и слава? Правда, говорят, будто он не в ладах с дядей, но если человек занимает такое положение...

– То, по-твоему, перед ним надо ходить на задних лапках, – сухо перебила ее Гильдур. – К счастью, Бернгард смотрит на это иначе. Он обеспечил себе полную независимость, а наследственные права на фамильное поместье он, само собой разумеется, теряет с женьбой: владелец гунтерсбергского майората должен жениться на девушке, равной ему по происхождению, а я дочь простого пастора. Этого министр

не простит ему.

Инга при этом открытии широко раскрыла глаза. Как же сильно должен был любить свою невесту этот Бернгард Гоэнфельс, если жертвовал для нее майоратом! Молодая девушка нашла это в высшей степени романтическим.

– Так вот почему он разошелся с дядей? – проговорила она. – Неужели они такие враги?

– Этого я не знаю, – последовал холодный ответ. – Бернгард очень редко и очень неохотно говорит о своих отношениях с родными, а я не навязываюсь с вопросами. О том, что он теряет Гунтерсберг, он сообщил мне и отцу потому, что это касается нашего брака; об остальном же я знаю не больше чем всякий другой.

Этого Инга не могла понять. Она всегда думала, что, когда двое людей любят друг друга и вступают в брак, то один должен совершенно точно знать все, что касается другого; здесь же жених молчал, а невеста «не навязывалась» с вопросами. Разве это согласовывалось с великой любовью, заставляющей человека не останавливаться ни перед какой жертвой ради обладания возлюбленной?

На улице послышались шаги. Бернгард Гоэнфельс и Курт Фернштейн кланяясь, прошли мимо окна и в следующую минуту вошли в комнату. Их прихода сегодня ожидали: в пасторате было известно, что Бернгард, возвращаясь из плавания на своей яхте, встретит друга и вместе с ним придет в Рансдаль. Жених и невеста не виделись уже пять

дней, но поздоровались так, как будто расставались всего на несколько часов. Гильдур встала и пошла навстречу жениху, а он поцеловал ее в лоб и представил ей Курта; она спокойно и ласково подала последнему руку, но почти с недовольством отдернула ее, когда он хотел поднести ее к губам. Бернгард, заметив это, сказал с улыбкой:

– У нас в Рансдале не знают салонных обычаев. Ты должен довольствоваться здесь рукопожатием. Однако я должен представиться. Фрейлейн Лундгрэн, не правда ли? – обратился он к Инге. – Вы позволите приветствовать вас в качестве будущего родственника?

Инга с любопытством смотрела на человека, который, после всего услышанного о нем, казался ей героем романа. Увы! Он не выглядел героем и даже не особенно понравился ей; суровость и сильная воля, чувствовавшиеся в нем, внушали ей робость. Молодой моряк-лейтенант был гораздо красивее, и манеры его намного любезнее. Тем не менее, Инга обошлась с ним не очень-то милостиво, и только после долгих извинений с его стороны и уверений, что он был поражен, когда, вернувшись к лодке, уже не нашел своей спутницы, она сменила гнев на милость, что не помешало ей через пять минут уже опять затеять с ним спор. Речь шла о том, какая дорога в Рансдаль красивее: по суше или морем; этот вопрос решил Бернгард.

– Дорога через фиорд красивее, но необходимо, чтобы дул попутный ветер. Пароход исключительно местный вид

транспорта и заходит в каждую бухту, всюду останавливается; вы прибыли сюда, вероятно, только поздно вечером, тогда как мы на лошадях приехали в Рансдаль уже в четыре часа.

Курт бросил быстрый взгляд на Гильдур, которой таким образом стало известно, что ее жених был дома вчера еще в четыре часа, а пришел к ней только сейчас. Однако она как будто нисколько не была обижена этим. Она опять принялась за штопку платка и спокойно проговорила:

– Да, пароход пришел вчера позже, чем обычно.

Моряк невольно сравнивал двух девушек. Гильдур была, несомненно, красивее, но Инга, благодаря своей живой натуре, была душой компании. В ней сразу чувствовалась горожанка. Светлое, со вкусом сшитое платье чрезвычайно шло ей, а с мужчинами она обращалась уверенно и непринужденно, что доказывало ее привычку бывать в обществе. Гильдур была молчалива и сдержанна, так как ей недоставало умения вести легкий светский разговор. Суровая простота костюма свидетельствовала о том, что она лично ведет все хозяйство; ее платье было весьма практичным и далеко не изящным. Она знала, что ее жених придет сегодня и приведет с собой товарища, но, тем не менее, осталась в своем повседневном домашнем костюме и, не взирая на присутствие гостя, не считала нужным оставить работу, хотя Бернгард не раз поглядывал на нее с плохо скрытым недовольством.

Инга рассказывала о Христиании, где провела несколь-

ко лет, воспитываясь там в пансионе, когда вошел пастор Эриксен. Это был уже пожилой человек, простой и скромной внешности. Он поздоровался со своим будущим зятем, ласково приветствовал его гостя и принял участие в разговоре, расспрашивая молодого моряка о плаваниях, в которых тот участвовал, и особенно о состоянии германского флота. Курт охотно рассказывал и отвечал, но при этом с удивлением сделал открытие, что ни пастор, ни его дочь не имеют об этом ни малейшего понятия. А между тем ведь Гоэнфельс прослужил во флоте несколько лет! Бернгард и теперь не принимал участия в разговоре. Он отошел к невесте и, как будто для того, чтобы очистить себе место, оттолкнул корзину с бельем, которое чинила его невеста, так что Гильдур не могла больше дотянуться до нее.

– Неужели от Гаральда Торвика до сих пор нет вестей? – вдруг спросил он среди разговора. – Я еще три месяца тому назад написал ему о нашем обручении, но не получил ответа, и даже не знаю, где он в настоящее время.

– Мать получила от него письмо третьего дня, – сказал пастор. – Он еще в Гамбурге, но, по всей вероятности, скоро приедет в Рансдаль на яхте немецкого принца, на которой он служит штурманом.

– Удивляюсь, как это он решился служить на немецком судне! Он кое-как говорит по-немецки, так что может объясняться – он выучился этому языку когда-то у меня, но едва ли упрямец Гаральд, который только и признает, что свой

север и презирает все иностранное, поладит с капитаном и экипажем. Он всегда плавал только на здешних судах.

– Должно быть, условия прекрасные, – сказал пастор. – Впрочем, он заключил контракт только до осени. Принцу нужен был для экспедиции этого года штурман-норвежец, хорошо знакомый с нашими водами, и ему рекомендовали Торвика. Во всяком случае, он скоро приедет сюда на «Орле».

– На «Орле»? – переспросил Курт. – Может быть, вы говорите о принце Альфреде Зассенбурге? Его яхта пришла в Гамбург как раз, когда я ехал сюда. Великолепное судно!

– Да. Оно было здесь в прошлом году, – сказал Бернгард. – Ты знаком с принцем?

– Нет, но много слышал о нем дома, потому что он недавно гостил в Гунтерсберге, и мой отец познакомился с ним там.

– У принца Зассенбурга в рансдальских горах большие владения, в которых он охотится, – пояснил пастор. – Он каждый год проводит в них несколько недель и тогда курсирует в наших водах на своем «Орле». Этого гостя у нас хорошо знают.

У Курта вертелось на языке какое-то замечание, но он промолчал и не поддержал разговора. Он обратился к Инге с вопросом, знает ли она Эдсвикен, имение его товарища; она ответила отрицательно.

– Я видела его только снаружи, потому что два года тому назад, когда я была здесь, там жил еще прежний владелец,

но дядя говорит, что это старинное норвежское поместье с историческим прошлым.

– Это правда, – подтвердил пастор. – По обязанностям своей должности я в течение многих лет собирал всякие сведения и заметки о Рансдале. Некоторые из них относились к очень древнему времени, и в них Эдсвикен упоминался уже как старая помещичья усадьба. Позднее он перешел в руки крестьянской семьи, которая и владела им до недавнего времени. Последний владелец умер бездетным, и его имение было назначено в продажу как раз в то время, когда сюда вернулся Бернгард. В моей комнате висит старинный вид нашего местечка, случайно найденный мной; я могу его показать.

Курт попросил показать. К ним присоединилась Инга, тоже еще не видевшая этой картины. Но в дверях она обернулась и бросила назад шаловливый вопросительный взгляд: очевидно, она воображала, что жених и невеста воспользуются тем, что остались наедине для обмена обычными выражениями нежности, от которого их вынудило отказаться присутствие посторонних. Ничего подобного не случилось. Гильдур только встала, чтобы взять из корзины новую штуку белья, но Бернгард помешал ей.

– Оставь, пожалуйста! – нетерпеливо сказал он. – Ты могла бы не заниматься такой работой при Курте.

– Почему же? Я ведь всегда занималась ею при тебе.

– Мы были одни, а при гостях – другое дело. Ты думаешь,

твоя кухня Инга делает что-нибудь подобное, когда у ее родителей бывают гости?

– Инга – дочь богатых родителей и очень избалована; она вообще не занимается подобными вещами. На мне же всегда лежало все шитье в доме, и у нас это даже необходимо.

– В моем доме ты не будешь иметь в этом надобности, – заявил Бернгард. – Во всяком случае, я желал бы, чтобы этого не было, пока здесь Курт. И еще одно: почему ты не дала ему поцеловать руку? Это простая форма вежливости, общепринятый обычай в кругу, в котором он вращается.

– Но у нас это не принято; ты сам это сказал.

– Чтобы извинить твое поведение, которое было почти оскорбительно. Курт не знал, что ему думать. Неужели он должен был решить, что ты не знаешь светских приличий?

– Я действительно не знаю их, – спокойно проговорила Гильдур. – Разве ты так дорожишь его мнением?

Бернгард принял эти слова за упрек и возразил со сдержанным раздражением:

– Полагаю, я достаточно доказал тебе и всем вам, что умею думать и поступать самостоятельно, но к мнению Курта я действительно не равнодушен. Что же, если у нас придают значение таким вещам! В Гунтерсберге не должны знать, что моя невеста штопает в доме отца дырявое белье.

Гильдур была удивлена этим выговором, первым в таком роде, причем она даже не знала, чем объяснить его. Бернгард уже больше года заставлял ее за подобными работами,

никогда не обращал на это внимания и вдруг теперь увидел в этом что-то унижительное и впервые употребил выражение «у нас»; прежде он подразумевал под этим – в Рандале, сегодня же это значило – в Гунтерсберге. В душе невесты шевельнулось неясное, но мучительное чувство. Впрочем, у нее не было времени раздумывать над этим: отец уже вернулся с гостями, а те позаботились о том, чтобы разговор не прерывался.

На этот раз в нем принял живое участие и Бернгард; Гильдур старалась участвовать, но ей это плохо удавалось: все, что она говорила, выходило тяжеловесно и серьезно, а смутное чувство в ее душе становилось все сильнее по мере того, как она замечала, насколько изменился ее жених в присутствии своего друга. Она знала только хмурого, замкнутого Бернгарда Гоэнфельса, который был таким всегда даже с ней, и объясняла его сдержанность особенностью его характера, с которой нужно считаться. Теперь же он буквально разгорячился, а когда Курт затронул кое-какие общие воспоминания из прошлого, то казалось, что и он тоже умеет рассказывать, точно вдруг освободился от давившего его гнета. Никогда еще в тихих комнатах пастората не бывало такого оживления, как сегодня, и среди разговора то и дело раздавался звонкий смех Инги. Но это не возбуждало недовольства пастора; казалось, ему была даже приятна веселость его молодых гостей, и он только время от времени, шутя, грозил пальцем своей шалунье-племяннице. Все чувствовали себя

весело и непринужденно, и Бернгард имел полное основание быть довольным тем, как прошел в пасторате этот первый визит друга.

Молодые люди остались обедать, и ушли домой только к вечеру. До Эдсвикена было полчаса ходьбы, и с дороги открывался прекрасный вид на фиорд. Курт с интересом рассматривал каждую вершину, каждую бухту; но когда они вошли в небольшой лесок и вид на несколько минут скрылся, он вдруг спросил:

– Зачем ты выдал своей невесте, что мы так рано приехали вчера в Рансдаль? Теперь она, разумеется, обвинит меня в том, что ты явился к ней так поздно, а между тем ведь я вчера уговаривал тебя идти в пасторат; ты сам непременно хотел сначала показать мне свой Эдсвикен.

– Ах, ты вот о чем! Ты думаешь, что Гильдур в претензии? Нет, мы в Рансдале не так сентиментальны. Здесь женщины привыкли к тому, что их мужья целыми днями пропадают в море и по возвращении не соблюдают особых церемоний. Вернулись, поздоровались, и кончено.

– Ну, да, у матросов и рыбаков – конечно! Но ведь ты ездил для своего удовольствия и к тому же ты пока еще только жених.

– Я никогда не был расположен к роли влюбленного. К счастью, Гильдур и не ждет ничего подобного; ей показалось бы даже весьма комичным, если бы я после двух-трех дней разлуки стал рассказывать ей, как тосковал по ней в море.

Здесь девушки воспитываются совсем иначе, здесь рано знакомятся с суровой действительностью и считаются с ней.

– Это справедливо, вероятно, только для Рансдаля, – заметил Курт. – Здесь действительно, кажется, не очень-то думают о правилах, но фрейлейн Лундгрэн своему жениху не простила бы такого отношения. Я ей чужой и то должен был поплатиться за то, что не по-рыцарски бросил ее в лодке.

– Она выросла в городе и воспитывалась в Христиании; сверх того, она дочь богатого купца и судовладельца, завидная партия; все это, разумеется, сделало ее капризной. Мне такая хрупкая, избалованная куколка не нужна, я выбрал себе невесту понадежнее. Гильдур пришлось после смерти матери с самых ранних лет взять на себя трудные обязанности. Она видит любовь и брак в их настоящем свете. Из таких, как она выходят сильные, деятельные женщины. Это залог счастливого брака.

– Но весьма прозаичного, – закончил моряк. – У вас, в Эдсвикене, будет скучновато. Мне, по крайней мере, был бы не по вкусу брак, в котором все основано только на рассудке, а всякая поэзия и романтика прячутся подальше в угол, чтобы они как-нибудь оттуда не выскочили. Я предпочитаю ссориться с женой.

– Очень приятная перспектива для твоего будущего брака! Я предпочитаю домашний мир.

– Вероятно, оттого, что ты сам такая спокойная натура? Во всех остальных отношениях ты словно море в бурную по-

году, ревешь и брызжешь пеной, не зная удержи, но в этом вопросе ты взял направление на рассудок и мудрость. Поздравляю!

– Весьма благодарен, – последовал ироничный ответ. – На этот раз уж ты бери Эдсвикен без хозяйки; надеюсь, позднее ты сам убедишься, что мы превосходно обходимся без романтики. А вот, наконец, и моя «Фрея»! Я ждал ее еще сегодня утром, но должно быть, нельзя было быстро плыть при таком штиле.

Они вышли из леска. Перед ними был Эдсвикен, а в маленькой бухте против усадьбы стояла на якоре парусная яхта. Двое матросов еще возились с якорным канатом, а третий, стоявший уже на берегу, замахал шапкой, приветствуя издали своего хозяина.

– Твоя «Фрея»? – воскликнул Курт оживляясь. – Пойдем! Хочу немедленно познакомиться с этой северной красавицей.

– Сейчас я представлю тебя ей. Это маленькое суденышко, всего три человека экипажа да я в звании капитана, но посмотрел бы ты на мою «Фрею» в открытом море! Она летит, как чайка, по волнам и повинуется малейшему повороту руля. Я не променял бы ее на прославленного «Орла»! Тот тащит на себе всякую роскошь, без которой принц Зассенбург не может обойтись даже во время своих поездок на север.

– Да, это маленький плавучий дворец, – согласился Курт. – Такое судно может позволить себе только принц. Ты

знаком с ним лично?

– Немного. Прошлым летом он был у меня раз – этой чести я удостоился, как член рода Гоэнфельсов, и я, разумеется, нанес ответный визит, чтобы показать, что я не совсем еще забыл правила вежливости. Этим наши отношения ограничились. Впрочем, я и не собираюсь их поддерживать.

– Принц Альфред тебе не понравился? Он слывет умным человеком. Папа от него в восторге.

– Очень может быть, что он и умный человек. Мы говорили только об охоте и о его Альфгейме – замке, который он выстроил себе в горах. Правду сказать, я не чувствую симпатии к людям, которые все извели, во все потеряли веру и ищут только чем бы пощекотать притупившиеся нервы. И ко мне он явился только из любопытства: ему хотелось посмотреть, как мне живется здесь между крестьянами. Это было нечто новое, сенсационное. Но у меня нет ни малейшей охоты служить ему предметом развлечения, и на этот раз я намерен уклониться от всяких сношений с ним.

– Если только это окажется возможным.

– Почему же это может оказаться невозможным? Я не обязан любезничать с Зассенбургом.

В это время к ним подошел матрос, раньше махавший им шапкой. Очевидно, он уже знал, кто является гостем его хозяина и, став во фронт, взял под козырек.

– Вот тебе раз! Ты завел на своей «Фрее» такие порядки? – смеясь, спросил Курт. – Этот малый отдает честь по всем

правилам воинского устава. Однако это не норвежец!

– Нет, он чистокровный голштинец, – ответил Бернгард. – Наконец-то вы явились, Христиан! Что так запоздали? Верно, тяжело было плыть?

Матрос был здоровенным парнем лет семнадцати-восемнадцати, со свежим, открытым лицом и ясными голубыми глазами, которые с каким-то обожанием устремились на незнакомого моряка-офицера.

– Очень тяжело, господин капитан! – ответил он на чистейшем голштинском наречии. – Всю дорогу ни малейшего ветерка; мы еле двигались.

– Я так и думал, – сказал Бернгард, кивая. – Ступай вперед, Христиан, господин лейтенант желает осмотреть «Фрею». Конечно, все в порядке?

– Так точно! – Христиан зашагал вперед. Курт одобрительно следил за ним глазами.

– Славный, красивый малый! Где ты его подцепил?

– В Киле, где мне пришлось провести несколько недель перед отъездом; надо было покончить с разными делами, между прочим, с покупкой и снаряжением моей «Фрей», которая должна была следовать за мной по возможности быстрее. Христиан Кунц каждый день возил меня в лодке, и мне понравился этот веселый, шустрый парень. Его старший брат служит матросом на флоте, и ему предстояло скоро стать корабельным юнгой. Он просто влюбился в меня и, когда пришлось расставаться, был до такой степени расстроен, что я

предложил ему ехать со мной и поступить ко мне на службу. Он, конечно, с готовностью согласился, был принят сразу матросом и стал получать соответствующее жалованье. Родители с радостью отпустили его.

– И ему не скучно здесь, в Рансдале?

– Чего же скучать? Он в течение года достаточно хорошо выучил норвежский и может разговаривать с кем угодно. Когда «Фрея» стоит у берега, иной раз по целым неделям, я беру Христиана для разных услуг по дому. Он проворный, ловкий малый, на все руки мастер, и я могу совершенно положиться на него.

Тем временем они ступили на палубу, где их уже ждал Христиан Кунц. «Фрея» действительно была маленьким суденышком, но с уютной и чрезвычайно комфортабельно обставленной каютой; вообще она была снабжена всем необходимым для продолжительного плавания. Глаза Бернгарда сияли чувством радостного удовлетворения, когда он показывал судно и рассказывал о своих странствованиях по северным морям, но, как понял Курт, за последний год его друг не знал отдыха; по-видимому, в плавании он был постоянно. Это должно было кончиться само собой, когда в дом вступит молодая хозяйка.

Два матроса-норвежца не обращали особенного внимания на гостя. Они поздоровались, со свойственной им серьезностью и несловоохотливостью ответили на несколько вопросов, заданных им Куртом, и вернулись к своей рабо-

те. Христиан не отходил от господ, убирал с их дороги канаты, открывал двери во внутренние помещения, и на его физиономии выразалось торжество каждый раз, когда молодой лейтенант хвалил судно, которое, очевидно, было ему так же дорого, как и его капитан. Он был очень недоволен, когда товарищи позвали его, чтобы в чем-то им помочь.

Друзья стояли, беседуя на палубе. Бернгард толковал о предполагавшейся совместной поездке на север, но Курт отвечал рассеянно и вдруг спросил:

– Как ты расстался с дядей, когда бросил службу? Ты ведь писал ему из Вест-Индии, но не захотел показать мне его ответ.

– Потому что не стоило показывать, – пожимая плечами, ответил Бернгард. – Я нарочно известил его письмом о том, что подал в отставку, потому что при устном объяснении у нас опять произошла бы стычка, а я хотел ее избежать. Я знаю, что это было для него полной неожиданностью. Мое письмо было холодно-вежливым, но от его ответа повеяло стужей. Он написал, что передает мне имущество моей матери и посылает мне счета и расписки. Письмо было чисто деловое; в нем ни словом не упоминалось о принятом мной решении, дядя просто игнорировал его. Уж такая у него манера, когда он хочет побольнее задеть человека. Впрочем, что мне за дело до этого? Все равно мы никогда в жизни больше не увидимся.

Раздраженный тон молодого человека, напротив, свиде-

тельствовав, что он задет за живое. Очевидно, он предпочел бы самые горькие упреки этому презрительному молчанию, под которым крылось осуждение.

Курт несколько секунд колебался, потом проговорил серьезным голосом:

– Я только сейчас узнал в пасторате, что имение принца Зассенбурга находится в ваших горах и что сам он едет сюда. Ты должен быть готов к более или менее тягостной встрече, потому что на «Орле» едут гости: дядя Гоэнфельс и Сильвия.

Бернгард вздрогнул от неожиданности.

– Они приедут сюда, в Рансдаль?

– Вероятно, на следующей же неделе, потому что они должны были отплыть сразу вслед за мной.

– Откуда ты знаешь?

– От отца. Еще во время моего пребывания в Оттендорфе министр написал отцу, что принял приглашение Зассенбурга за себя и за дочь, и они скоро выезжают. Ты едва ли избежишь встречи, как-никак, а это твои ближайшие родственники.

Лицо Бернгарда омрачилось; видно было, как болезненно взволновало его это известие. Но вдруг он упрямо поднял голову и воскликнул:

– Что ж! Значит, придется встретиться. Приятнее всего было бы сейчас же уехать с тобой на «Фрее» на север, но это, несомненно, будет расценено как бегство; я не доставлю дядюшке удовольствия торжествовать, будто я не смею

показаться ему на глаза. А он непременно подумает это! Не понимаю только, откуда у дяди Бернгарда время для подобных экскурсий. При своем пристрастии к работе он никогда не позволял себе ничего подобного, за исключением разве кратковременных поездок в Гунтерсберг.

– Да и теперь он делает это не по доброй воле, – сказал Курт. – Кажется, его неистощимая работоспособность в последнее время иссякла; он просто устал. Этой весной у него появились какие-то нервные срывы, и несколько недель, проведенных в Гунтерсберге, не помогли, потому что, вернувшись, он сразу же опять с головой ушел в работу. Врачи объяснили ему, что он должен выбрать между грозящим ему серьезным нервным заболеванием и полным отдыхом в течение нескольких месяцев. Он покорился, правда, как пишет отцу, против воли.

– Я думаю! – насмешливо отозвался Бернгард. – Ему, наверное, стоило немалых сил заставить себя хоть на несколько недель выпустить из рук скипетр. Повелевать – его стихия! Так поэтому-то он и принял приглашение Зассенбурга?

– Конечно. И ничего лучшего он не мог придумать; здесь, на «Орле», он будет огражден от тысячи знакомых, которые непременно стали бы навязываться ему, и лишили бы его покоя, если бы он поехал на какой-нибудь курорт. На «Орел» имеют доступ только гости принца.

Наступило продолжительное молчание. Моряк чувствовал большое облегчение, окончив разговор на эту тему.

Правду сказать, он боялся, что друг примет это известие с гораздо большим волнением.

Бернгард стоял, скрестив руки и нахмурившись; однако его голос звучал спокойно, когда он через некоторое время снова заговорил.

– И Сильвия едет с ним? Что нужно этому слабому, хилому созданыицу на нашем суровом севере?

– Девятнадцатилетняя Сильвия уже, конечно, не может быть названа «созданыицем». К тому же говорят, что она совершенно здорова.

– В самом деле, ей уже девятнадцать лет! А я все еще считаю ее ребенком. Пока я находился под высочайшим покровительством, то должен был всегда ездить на каникулы в Гунтерсберг, и единственным утешением для меня было то, что в это же время в Оттендорф приезжал ты, и мы бывали вместе. Но в доме мы не смели и шевельнуться, когда Сильвия бывала больна, а больна она была почти постоянно; ей вредил малейший сквозняк, всякое волнение расстраивало ей нервы. При этом отец боготворил ее. По отношению к жене он был всегда лишь холодным, корректным супругом, выполняющим свой долг, а все чувства он изливал на этого заморыша. Я никогда не мог понять этого. Неужели Сильвия, в самом деле, теперь здорова?

– По крайней мере, так говорят. Я не видел Сильвии с детства, но папа уверяет, что она расцвела за последние три-четыре года, хотя, вероятно, навсегда останется тепличным

растением, которое никогда не сможет переносить настоящий, свежий воздух жизни. Во всяком случае, ее выздоровление – факт, и ходят слухи, что она выходит замуж.

– Неужели? Сильвия не представляет так называемой выгодной партии. Прав на Гунтерсберг у нее нет, а кроме имени у дяди, насколько я знаю, нет состояния, о котором стоило бы говорить. Хотя быть зятем министра что-нибудь да значит – можно сделать карьеру. Наверно, найдется человек, который сумеет учесть это и возьмет «тепличное растение».

– Ты сильно ошибаешься, – засмеялся Курт. – Дядя Гоэнфельс метит гораздо выше. На свою единственную дочь он мечтает надеть княжескую корону.

– Княжескую корону? Ты подразумеваешь Зассенбурга?

– Конечно. Об этом говорили еще весной, когда он был в Гунтерсберге, а это приглашение принца и то, что его приняли, подтверждают слухи.

– Но ведь принцу за сорок! Он почти на тридцать лет старше Сильвии.

– Этого министр, разумеется, не принимает в расчет; для него важно только то, что это блестящая партия, а Сильвия, надо полагать, будет одного мнения с ним. Другие же препятствия едва ли найдутся. Принц Альфред принадлежит к побочной линии царствующего дома и не обязан учитывать какие-либо династические соображения... Он очень богат, вполне независим, а вы, древние потомственные дворяне. Папа даже думает, что это уже вполне решенное дело и по-

ездка, кроме цели, о которой говорят, имеет еще и другую, тайную: дать жениху и невесте случай видеться ежедневно и без свидетелей.

– Ну, в таком случае честолюбие дяди будет, наконец удовлетворено! Его имя угаснет, но, по крайней мере, под княжеским гербом. Кто бы мог подумать, что Сильвия сделает такую партию!

– Пока это только слухи, – сказал Курт, желая прекратить разговор. – Кто знает, подтвердятся ли они. Мне хочется поближе познакомиться с твоим кильским молодцом. Он уже давно стоит там и ждет, чтобы я заговорил с ним. Надо доставить ему это удовольствие.

В самом деле, управившись с работой, Христиан Кунц поспешил вернуться на палубу; все его лицо сияло, когда лейтенант Фернштейн подошел к нему. Он сразу отдал ему честь.

– Очень хорошо! Совсем по уставу! – похвалил его молодой офицер. – Где ты этому научился? Ведь, говорят, ты еще не был на службе.

– У брата, – ответил он с гордостью. – Мой брат Генрих служит матросом на «Фетиде», и я, собственно говоря, собирался тоже поступить туда юнгой.

– А вместо этого попал на «Фрею» и отправился в Норвегию. Нравится тебе здесь?

– О, конечно! Работа легкая и жалованье хорошее... и господин капитан очень добр ко мне. Так хорошо мне нигде бы не было. И Генрих считает, что мне выпало большое счастье,

я буду избавлен от тяжелой жизни корабельного юнга; по словам брата, им круто приходится. И отец тоже так думает. Да, мне здесь очень нравится.

– Если бы только не тоска по родине, – сказал Курт, не сводя зоркого взгляда с лица матроса.

– Да... если бы только не тоска по родине, – ответил тот решительно. – Иной раз так защемит сердце. Господин капитан говорит, что это мои выдумки; ведь если бы я служил на флоте, то никогда не бывал бы дома. Конечно, он прав, но только он один и говорит здесь со мной по-немецки. Иначе мы оба разучились бы говорить на родном языке.

– Но ведь ты можешь все-таки объясняться со своими товарищами? – лейтенант указал на двух матросов, ждавших разрешения сойти на берег.

– Могу, – ответил Христиан довольно уныло. – Объясняться то я научился, но какое удовольствие говорить с чужими? Они разбираются только в своем ремесле, но во всем остальном Нильс – баран, а Олаф – медведь, и разговаривать они оба не охотники. Только я заговорю, сейчас же окрик: «Не болтай! Делай свое дело!» Как будто Господь дал человеку рот для того, чтобы он молчал! Здесь, в Рансдале, никто не знает, что значит быть веселым. У нас в Киле не так!

– Ну так радуйся, – утешил его Курт. – На следующей неделе сюда придет «Орел», немецкое судно с немецким экипажем, за исключением норвежца-штурмана. Вот ты и наговоришься с земляками.

– «Орел»? – Христиан подскочил, словно от электрического удара. – Это правда, господин лейтенант? О, я хорошо его знаю, он был уже здесь прошлым летом и простоял в нашем фиорде целый месяц.

– Вероятно, так будет и на этот раз, потому что принц Зассенбург опять будет жить здесь в горах, в своем охотничьем замке. Кроме того, на «Орле» едут близкие родственники твоего капитана. Ты, может быть, слышал о министре Гоэнфельсе в Берлине?

– Как же мне не знать нашего министра? Генрих говорит: «Вот это человек! Нам таких и надо. Он достойно представляет государство и за его пределами, и внутри». И отец тоже говорит...

– Ну, так его превосходительство едет с дочерью в Рансдаль в качестве гостя принца, и «Фрее», конечно, придется по этому случаю поднять немецкий флаг. Я вижу, у вас висит норвежский.

Лицо Христиана вдруг стало серьезным и унылым: он, точно пристыженный, опустил голову.

– У нас совсем нет немецкого флага, – сокрушенно признался он.

– Как! Даже для приветствия?

– Да. Господин капитан говорит, что «Фрея» – норвежское судно и должна ходить только под норвежским флагом.

Курт промолчал, но взгляд, брошенный на товарища, был далеко не дружелюбен. Наконец он сказал равнодушно:

– Господин Гоэнфельс вырос в Рансдале. Все его воспоминания детства и юности связаны с Норвегией, и потому он избрал ее своим отечеством.

Бернгард все еще стоял у руля, спиной к ним. Он был очень взволнован и старался не показывать этого. Ему казалось, что он раз и навсегда покончил с прошлым и с дядей, когда своим выходом в отставку оскорбил его, когда вырвался из того мира принуждения и всевозможных формальностей, из «рабства» службы ради удовлетворения своего необузданного влечения к свободе. Теперь он уже целый год пользовался этой неограниченной свободой, и, тем не менее, можно было прочесть следы внутренней борьбы на его лице, во взгляде, устремленном туда, где был выход из фиорда в море. Там был покинутый, отвергнутый им мир! Ведь он сам ушел из него, как сделал когда-то его отец, но теперь этот мир посылал к нему гонца в его далекую пустыню. С приходом судна и тех, кого он вез на своем борту, нахлынули воспоминания из прошлого: все порванные нити вновь завязывались. Бернгард стиснул зубы: всей своей мятежной душой восставал он против этих воспоминаний и этого прошлого. В самом ли деле он их так ненавидел? Или же он их... боялся?

В Рансдале все пришло в движение, потому что около полудня должна была прибыть яхта принца Зассенбурга. Вообще рансдальцы были весьма равнодушны к тем, кто прибывал извне, но, будучи большей частью моряками, они интересовались всяким судном, а «Орел» к тому же был в последние пять-шесть лет неизменным гостем в их водах. В течение нескольких недель стоянки команда, конечно, бывала на берегу и вступала в некоторое общение с местными жителями. Образ жизни принца в его охотничьем замке отличался аристократической замкнутостью – обитатели Альфгейма держались обособленно. Несмотря на это приход яхты был событием для Рансдаля, в котором стояли большей частью только рыболовные суда: даже появление пароходика, ходившего два раза в неделю, казалось уже чем-то особенным: это было приятное нарушение будничного однообразия.

По дороге, ведущей из Эдсвикена вдоль фиорда, шли Курт, который был сегодня в полной морской форме, и Бернгард в охотничьей куртке, которая, по крайней мере, для него, заменяла здесь в торжественных случаях визитный костюм. Пастор обычно появлялся в таких случаях в одежде, приличествующей его сану, остальные рансдальцы – в своих домашних полукрестьянских нарядах: Гоэнфельс выбрал охотничью куртку раз и навсегда, потому что со времени сво-

его выхода в отставку больше ни разу не надевал формы.

Следом за ними шагал Христиан Кунц: он шел с особенным сознанием собственного достоинства, потому что лейтенант настоял, чтобы именно он принял участие во встрече «Орла». Его сияющая физиономия представляла резкий контраст с мрачной, сердитой миной его хозяина, который сказал товарищу вполголоса, но с явным волнением:

– Просто не знаю, что и думать об этой истории! Я ведь говорил тебе, что мое знакомство с Зассенбургом самое поверхностное и я решительно не собирался поддерживать его, и вдруг он пишет мне в таком тоне, точно я его лучший друг, сообщает, что на борту его «Орла» находятся мои родственники, извещает меня о дне и часе своего прибытия, выражает удовольствие по поводу того, что познакомится с тобой – разумеется, он узнал от дяди, что ты у меня. Что все это значит?

– Я тоже не могу объяснить себе это, – задумчиво ответил Курт. – Он, так сказать, приставил тебе этим пистолет к груди, и нам ничего больше не остается, как в полном параде явиться на встречу. Не исходит ли приглашение от твоего дяди?

– Нет, между нами все кончено, – ответил Бернгард, не колеблясь. – Он никогда не простит мне, что я бросил службу и отрекся от родины и семьи.

– А между тем это очень похоже на попытку к сближению, и принц служит только посредником. Не кроется ли за этим

Сильвия?

– Сильвия? Что это тебе пришло в голову? Едва ли она даже помнит меня. К тому же наши общие детские воспоминания вообще не носят дружеского характера: я один оказывал ей сопротивление, когда она тиранила весь дом своими ребяческими капризами, и вследствие этого меня считали бесчувственным варваром.

– Ну, положим, любезным относительно кухни тебя действительно нельзя было назвать. Все-таки она была больным ребенком, а ты...

– Необузданным, грубым мальчишкой. Действительно меня еще недостаточно выдрессировали в Ротенбахе, но ведь это было известно. Зачем же меня не держали подальше от этого маленького, жалкого существа, не выносившего даже громко сказанного слова? Мне противно все болезненное и безобразное, а Сильвия со своими неестественно большими глазами на худом, желтом как воск лице выглядела как мертвец в гробу. Это были настоящие глаза призрака! Они точно гипнотизировали тех, на кого она смотрела. Она очень хорошо знала, что это злит меня и раздражает, и потому не сводила с меня глаз, как только мы оставались одни: уж она умела мучить людей, несмотря на всю свою беспомощность, а я не позволял себя мучить, как другие. Дядя никак не мог простить мне это.

– Да, раз он даже отослал тебя к нам в Оттендорф, когда ты впал в полную немилость, – сказал Курт. – Ты был чрез-

вычайно доволен этим изгнанием, он же был вне себя от твоего «бессердечия». Что, собственно, тогда случилось?

– Ребячество! В любой другой семье на это не стали бы даже тратить слов. Сильвия лежала в своем кресле на колесиках на террасе, а я должен был присматривать за ней. Я злился, потому что мне хотелось к тебе, а вместо этого меня заставляли изображать няньку, а она к тому же еще мучила меня, приставая со всевозможными расспросами. Я должен был рассказывать ей о Рансдале, о том, как выглядит море, как будут звать мой корабль, которым я вечно хвастал. Я принялся описывать ей бурю, собственно говоря, с единственной целью – напугать ее и отбить у нее охоту расспрашивать. Вдруг это жалкое, маленькое существо вытягивает вперед руки и восклицает: «Ах, как хорошо! Я тоже хочу в море; я хочу плыть вместе с тобой на корабле в бурю!». Тут у меня лопнуло терпение, и я насмешливо сказал: «Покорнейше благодарю! На кораблях не нуждаются в таких бессильных, хилых созданиях, как ты; тебе место не на корабле в бурю, а на дне вместе с русалками и водяными!»

– Стыдись! Это была с твоей стороны грубость.

– Обыкновеннейшая детская ссора! – нетерпеливо перебил Бернгард, – в таком возрасте мальчики не питают рыцарских чувств к маленьким девочкам. Разве ты сам никогда не ссорился с сестрой?

– Даже очень часто, но Кети была здорова и отплачивала мне тем же.

– А Сильвия страшно возмутилась! Сначала она уставилась на меня своими глазами призрака, совершенно неподвижно и молча, а потом закричала отцу как раз вышедшему на террасу: «Папа, он хочет бросить меня в море к русалкам и водяному!» Потом судорожно разрыдалась. Отец понес ее в комнату, позвали мать и няньку, а со мной обошлись как с преступником. С тех пор мы стали заклятыми врагами.

Они миновали маленький лесок, и впереди, на некотором отдалении, показались первые дома Рансдаля. На повороте дороги, ведущей из гор, стоял экипаж – местная тележка, в которой помещаются только пассажир и мальчик-грум: пассажир обернулся и говорил с грумом, вернее сказать, оба они кричали во все горло, но все-таки не могли понять друг друга, потому что один говорил по-немецки, а другой – по-норвежски. Курт поглядел на путешественника и громко расхохотался.

– Право же, это он... Филипп, собственной персоной!

– Кто? – спросил Бернгард, тоже всматриваясь.

– Филипп Редер, наш вечно унылый ротенбахский товарищ. Я говорил тебе, что мы вместе ехали на пароходе.

– Но я думал, что он уехал в Дронтгейм, а оттуда дальше на север. Как он попал сюда?

– Бог его ведает! Однако этот несчастный опять не может справиться, придется мне выступить в роли спасителя. Ступай вперед, я тебя догоню.

Моряк поспешил к экипажу, в котором путешественник

отчаянно жестикулировал, добиваясь, чтобы его поняли. Он выделял такие судорожные движения, что даже лошадь начала беспокоиться, и Курт быстро схватил ее под уздцы, чтобы удержать на месте. Путешественник обернулся и узнал его.

– Курт! Слава Богу! – вскрикнул он. – Наконец-то хоть один человек в этой пустыне!

– Лыщу себя надеждой, что я действительно человек. Но откуда ты?

– Из Дронтгейма! Через горы!

Филипп забарахтался, стараясь высвободиться из-под кожаного фартука, но это удалось ему лишь после того, как ему пришли на помощь с одной стороны Курт, а с другой – мальчик-грум.

Они благополучно вытащили его из экипажа, и он начал потягиваться, разминая ноги и руки.

– И то хорошо, что хоть ничего не сломал! – простонал он. – Пока жив, не забуду этой мучительной трехдневной поездки!

Меня точно исколесовали на этой мерзкой телеге, и я умираю от голода, потому что меня нигде не понимали. Чемодан между колен и все трух-трух, вверх – вниз, вверх – вниз, а кругом ни души! И это называется здесь экипажем, это называется дорогой! Еще один такой день, и в Рансдаль привезли бы только мой труп.

– И нам пришлось бы с горечью в сердце хоронить тебя, –

жалобно сказал Курт. – Но кто же заставлял тебя ехать в эту глушь? Почему ты не остался в Дронтгейме, где есть комфортабельные гостиницы и лакеи, говорящие по-немецки?

– Я хотел видеть природу края. Я приехал в Норвегию не для того, чтобы сидеть в городах да осматривать старинные соборы; я хотел видеть горы, водопады, познакомиться с романтикой севера, но никак не предполагал, что она до такой степени утомительна. А этот дуралей-грум! Он решительно не мог взять в толк, что я хочу ехать в гостиницу. Надеюсь, здесь есть таковая?

– По крайней мере, нечто, носящее это название. Тебе придется сильно ограничить свои требования. Пойдем, я отведу тебя туда; это недалеко.

Фернштейн велел груму следовать за ними с экипажем и вещами, взял товарища под руку и, шагая с ним к местечку, продолжал:

– А мы с Бернгардом шли из Эдсвикена – так зовут его имение, полчаса ходьбы отсюда. Ты, конечно, навестишь его?

– Если только мой приход не будет ему неприятен, – ответил Редер немножко неуверенно. – В Ротенбахе он был таким чудачком и чуть что оказывалось не по его...

– Сейчас начинал драться, – договорил Курт ему в тон. – От этого он совершенно отучился. Вообще он теперь не дерется; ты можешь приходить без страха.

Филипп приступил к вопросу, который в настоящую ми-

нугу сильнее всего интересовал его.

– Конечно, Гоэнфельс ожидал тебя на пристани? – спросил он. – Ты так быстро уехал, что мы не успели даже как следует проститься. Вместе с тобой в лодку сел еще один пассажир... дама, которая тоже ехала в Рансдаль... Боже мой, Курт, да вспомни же, наконец! У нее еще произошла перед отъездом такая удивительная сцена с неким Ганзеном, который ехал дальше в Дронтгейм вместе со мной... Ведь ты же служил переводчиком между мной и фрейлейн Ингой! Неужели ты все забыл?

Разумеется, Курт с первых же слов догадался об истинной цели этой удивительной поездки Филиппа, но был так зол, что делал вид, будто совсем ничего не помнит, и заставил горевшего нетерпением Редера еще долго расспрашивать и выпытывать, пока у него, наконец, не прояснилась память.

– Ах, да! Ты говоришь о фрейлейн Лундгрэн! Да, она здесь, у своего дяди, пастора Эриксена.

– Пастора? Это, конечно, первое лицо в Рансдале? Значит, я могу нанести ему визит в качестве чужестранца? Ты с ним знаком?

– Разумеется, потому что Бернгард женится на его дочери. Мы часто бываем в пасторате, но там говорят только по-норвежски, и если ты будешь так отчаянно жестикулировать, как только что, они, наверно, подумают, что ты сбежал из какого-нибудь сумасшедшего дома в Германии.

Несмотря на это не особенно лестное предположение, ли-

цо Филиппа так просияло, что у Курта не осталось ни малейшего сомнения: магнит, притянувший его сюда, находился в пасторате.

– Я пойду, конечно, с тобой, – объявил Филипп. – Ты меня представишь. Кроме того, я купил в Дронтгейме норвежскую грамматику: здесь не обойдешься без знания языка, я уже это вижу.

В эту минуту их бегом догнал Христиан Кунц, совсем красный от радостного усердия.

– «Орел» показался! Он идет на всех парах и через полчаса будет здесь.

– Как! Он говорит по-немецки? – воскликнул Филипп в восторге. – Земляк! Из моей родной Голштинии! Как вы попали сюда, земляк?

Теперь настала очередь Христиана прийти в восторг, но Фернштейн, вкратце рассказав, как было дело, быстро положил конец объяснениям.

– На это у нас нет теперь времени, – сказал он. – Я сейчас приду, Христиан, только отведу этого господина в гостиницу. Пойдем скорее, Филипп, потому что я должен быть на месте, когда «Орел» бросит якорь.

– «Орел»? Немецкое судно? – спросил Редер, бросая вслед убегающему земляку взгляд сожаления.

– Да, яхта принца Зассенбурга: на борту сам принц и министр Гоэнфельс с дочерью. Мы идем встречать их.

У Редера закружилась голова, но это было очень приятное

головокружение. Он приехал из глуши, ожидая и здесь найти такую же глушь, и вдруг из всех щелей полезли земляки, нашлись совершенно неожиданные, но желательные связи с домом пастора и появился еще «Орел» со своими знатными пассажирами! Рансдаль вдруг предстал перед приезжим в самом розовом свете: он решил, что нескоро уедет отсюда.

9

По спокойной водной глади плыл «Орел». Стройное, белое, это судно, как исполинский лебедь, легко разрезало воду, оставляя позади себя широкую, сверкающую серебром полосу. Казалось, оно шло медленно, на самом же деле поразительно быстро: скалы и бухты, леса на берегу появлялись и исчезали, как быстро сменяющие друг друга картины, и с каждым изгибом фиорда эти картины становились все красивее и величественнее.

Яхта была маленьким плавучим дворцом. Она была снабжена всем, что изобрела современная техника для безопасности и комфорта, а внутри отделана с удивительной роскошью. Вся команда в настоящую минуту находилась на палубе, и капитан говорил со штурманом, стоявшим на своем посту у руля; штурман отвечал на его указания, относившиеся к остановке яхты, только коротким кивком, но это никого не удивило: на яхте знали норвежца как замкнутого, скупого на слова человека, который говорил лишь в случае крайней необходимости и всякие попытки к сближению отклонял коротко и резко.

Верхняя палуба, куда команда доступа не имела, была приспособлена для отдыха на открытом воздухе. Она была защищена от солнца широким тентом; всюду были расставлены низенькие кресла и столики, а также бамбуковые сту-

лья с темно-красными подушками; цветной ковер покрывал пол. Это был своего рода салон на открытом воздухе, и в хорошую погоду им пользовались в течение почти целого дня.

Сейчас здесь были только хозяин яхты и барон Гоэнфельс. Теперешний министр за последние десять лет изменился очень мало. Правда, его волосы стали совсем седыми, а на лбу образовалось несколько глубоких морщин, но держался он по-прежнему прямо, даже еще с большей гордостью и сознанием собственного достоинства, а пронизательный взгляд был все так же ясен. Каких-либо признаков нервного страдания, заставившего его решиться на эту поездку на север, в его внешности не было заметно.

Принц Зассенбург, полулежавший в бамбуковом кресле против него, был человеком лет сорока шести-семи. У него была стройная аристократическая фигура; в его темных волосах еще не серебрилась ни одна нить, но множество мелких морщинок на лбу и висках выдавали его возраст. Черты его несколько бледного лица отличались тонкостью и одухотворенностью, темно-серые, мечтательные глаза были бы прекрасны, если бы не выражали глубокой усталости. Та же усталость была на лице и во всей его позе.

Разговор оборвался, и наступила продолжительная пауза; двое мужчин молча смотрели на пейзаж. Фиорд сделал последний поворот, и вдаль показался Рансдаль среди своих зеленых лугов, с могучими горами на заднем плане.

– Очень красиво! – вполголоса проговорил министр. – А

там, в горах, ваш северный Тускулум? Очень уединенно и далеко от мира.

– Да, там можно еще мечтать и забывать о существовании мирской суеты, – ответил Зассенбург, не меняя положения. В Альфгейме мы еще можем считать себя в безопасности от потока туристов, нас защищают от них плохие дороги и неудобства жизни здесь. Иной раз забредет какой-нибудь турист, путешествующий пешком по горам, и вскоре опять исчезнет. Рансдаль имеет отсюда весьма живописный вид, не правда ли? А вон та усадьба у маленькой бухты – Эдсвикен, имение вашего племянника.

Гоэнфельс взял бинокль и навел его на указанную точку; через минуту он положил бинокль обратно, не сказав ни слова.

– Как вижу, я у вас в немилости после моего сегодняшнего признания, барон, – снова заговорил принц. – Боже мой, это ведь было только простое письмо к господину фон Гоэнфельсу, и вся ответственность за него падает на меня одного. Да и кто знает, придет ли он еще.

– Придет! – Этот ответ звучал действительно довольно немилостиво. – Вы ведь не оставили ему выбора. Не мог же он за какой-то год напрочь забыть общепринятые приличия, чтобы не явиться, когда вы лично извещаете его о своем приезде. Конечно, на эту историю можно было бы не обращать внимания, если бы ее затеяла не Сильвия.

– Идея принадлежит действительно баронессе, но я при-

знаю себя виновным наравне с ней, потому что ваш племянник интересуется и меня. Правда, он держался довольно скотчано, когда я был у него прошлым летом, но все равно этот Бернгард – цельная натура, а такие встречаются в жизни довольно редко.

– Упрямый сумасброд – вот кто он такой, и больше ничего! Неужели вы серьезно принимаете его упорство и своеволие за характер?

– Однако в его упорстве довольно много энергии; простое мальчишеское упрямство не продержалось бы целые годы. Вы сами рассказывали мне, каким упрямым он был, пока не убедился, что необходимо покориться; тогда он, молча, затаив вражду, стал ждать, когда наступит его время. Но, когда это время пришло, и ваша власть кончилась, он разорвал все связывавшие его путы и вернулся к жизни, которая в его глазах была идеалом свободы. В сущности, это его право.

– Но куда же девался долг? Долг по отношению к отечеству и жизни вообще? Бернгард молод, полон сил, богато одарен от природы; перед ним было будущее, может быть, большое, славное, и вдруг он презрительно отшвыривает его от себя ради того, чтобы поселиться здесь, в Рансдале! Этим он вынес сам себе приговор.

У меня больше нет с ним ничего общего.

– Вы должны считаться с наследственностью, – заметил Зассенбург. – Есть натуры, которые не могут подчиняться чувству долга. Его отец тоже не мог.

– То есть, вернее, не хотел. Я сделал все от меня зависящее, чтобы уничтожить в Бернгарде это несчастное наследие отца. Мне не удалось, пусть же он идет своей дорогой.

В этих словах таилась глубокая горечь. Принц молчал, зная по опыту, что относительно этого вопроса с министром нечего было спорить. Через несколько минут он снова заговорил:

– Вы знаете, что я и ваш брат Иоахим были друзьями юности. Когда он, будучи молодым офицером, жил в Берлине, мы были очень близки, пока он не порвал со всеми нами. Воспоминания о нем и привели меня в Рансдаль, когда я впервые попал в Норвегию; мне хотелось взглянуть на место, куда Иоахим спрятался от света, как раненый зверь, где жил последние годы и умер... говорят, это был несчастный случай на охоте?

– Да, – коротко ответил Гоэнфельс, как будто был занят открывшимся перед ними видом.

– Не знаю почему, но у меня всегда возникает подозрение, когда я слышу, что с опытным охотником случилось несчастье. Кто зашел так далеко как Иоахим, тот может и сам покончить с собой. Собственно говоря, это лучший и наиболее приличный способ ухода из жизни, когда больше ничего от нее не ждешь; он избавляет человека даже за роковой чертой от позорного сострадания, от сплетен и клеветы. Я бы тоже выбрал этот путь, если бы мне когда-нибудь это понадобилось.

– Как прикажете вас понимать? Не следует играть подобными словами. Самоубийство всегда, при любых обстоятельствах, было и будет трусостью.

– Трусостью? Об этом еще можно поспорить! Однако на берегу собрался уже весь Рансдаль, чтобы посмотреть на приход «Орла».

До Рансдаля было уже недалеко. Принц Альфред вдруг встал с кресла, и его черты мгновенно утратили выражение вялости и утомления; с улыбкой, которая очень украшала его, он пошел навстречу барышне, появившейся в эту минуту на палубе.

– Где ты была, Сильвия? – спросил Гоэнфельс. – Ты пропустила красивый вид, открывающийся с последнего поворота фиорда. Ты, кажется, сменила туалет для схода на берег? Для кого здесь наряжаться, скажи на милость?

– Для Рансдаля, папа! Я хочу оказать ему честь. Скоро мы остановимся, ваша светлость?

– Минут через десять, баронесса, но яхта должна будет остановиться за бухтой, в фиорде, она слишком глубоко погружена, чтобы подойти к самому берегу. Нам придется плыть на лодках.

Девушка направилась к противоположному борту, и принц последовал за ней. Он начал указывать ей разные места, но она перебила его тихим, полным ожидания голосом:

– Ну?

– Он там, само собой разумеется. Вот направо, на берегу,

тот высокий человек возле находящейся в стороне от других лодки, а другой, стоящий рядом с ним, конечно, Фернштейн. Однако мне уже пришлось выслушать сегодня от вашего ба-тюшки несколько весьма немилостивых замечаний по поводу нашего заговора. Вам он, разумеется, простит, мне же – нет.

– Что ж, если нам не оставалось ничего другого! Папа совершенно неприступен в этом вопросе, а мне хочется посмотреть на этого северного медведя-кузена, которого я едва помню. Вы ведь сами выказали уверенность, что он ни за что не приедет в Альфгейм.

– Пока ваш отец будет там, не приедет, и потому оставалась только эта попытка. Она, как видите, удалась. Но я рассчитываю на признательность за мою преданность.

Сильвия ничего не ответила, потому что в это время был подан сигнал к остановке. Команда засуетилась, снизу доносились распоряжения капитана и грохот опустившейся якорной цепи. В то же время лодка, стоявшая в стороне от других, отделилась от берега и поплыла к яхте; на веслах сидел Христиан Кунц в парадном матросском костюме. Через несколько минут лодка подошла к «Орлу».

Принц Зассенбург встретил своих гостей у трапа. Он был в высшей степени любезен, выразил удовольствие по поводу того, что может возобновить знакомство с фон Гоэнфельсом, просил представить ему лейтенанта Фернштейна и повел молодых людей на верхнюю палубу; здесь они застали

одного лишь министра.

Дядя и племянник не виделись три года. Бернгард, тогда только что произведенный в офицеры, в последний раз приезжал в Берлин, чтобы проститься перед уходом в плавание на «Винете»; на обратном же пути он осуществил намерение, которое давно уже лелеял втихомолку, и которое было причиной такого глубокого разрыва между ним и опекуном. При таких обстоятельствах их встреча должна была выйти холодной и церемонной. Если бы не родственное «ты», можно было бы подумать, что это здороваются совсем чужие люди.

Это еще больше бросилось в глаза, когда министр обратился к Курту. С ним он поздоровался с прежней приветливостью, протянул руку со всей теплотой и сердечностью, на какую только вообще был способен, запротестовал против почтительного «ваше превосходительство», с которым обратился, было к нему молодой офицер.

– Оставь это, Курт. Я как был, так и остался твоим дядей Гоэнфельсом. Ты слышишь, я говорю тебе «ты», и ожидаю от тебя того же.

Это была демонстрация в самой резкой форме, и она была как следует понята. Понял ее и Зассенбург. Он бросил полуумоляющий, полунетерпеливый взгляд на противоположный конец палубы, где были поставлены ширмы от ветра. Сильвия оттуда наблюдала сцену встречи, не показываясь. Через некоторое время она сочла, наконец, нужным появиться.

Бернгард стоял спиной к ширмам, разговаривая с принцем, когда сзади зашуршало дамское платье, и чей-то голос проговорил:

– Поздоровайся же и со мной, кузен Бернгард!

Он обернулся и порывисто, почти испуганно отступил на шаг назад. Обращенные к нему слова не оставляли сомнения в том, кто был перед ним, но его глаза неподвижно, с недоверчивым удивлением остановились на молодой родственнице. А она засмеялась тихим, задорным смехом и воскликнула:

– Право, папа, он не узнает меня! Неужели ты совсем забыл Сильвию?

Бернгард все еще стоял неподвижно... Сильвия? «Маленькое, безобразное существо», «жалкое создание», жизнь которого оберегали, как слабо мерцающий огонек, и вдруг! Перед ним стояла стройная девушка в белом батистовом платье. Из-под маленькой дорожной шляпки густой волной падали иссиня-черные волосы, на фоне которых еще больше бросалась в глаза белизна ее кожи. Черты лица, легкий румянец на щеках, тонкие темные брови – все было таким нежным, каким бывает только в ранней молодости, когда девушка напоминает полураспустившийся бутон. Это лицо с первого взгляда притягивало как магнит. Трудно было сказать, в чем именно заключалась его прелесть, но его чары действовали неотразимо. Из-под длинных черных ресниц смотрели большие загадочные глаза. Они были неопределенного цве-

та: иногда казались матово-голубыми, иногда – глубокими темно-серыми; их взгляд был какой-то затуманенный, и, тем не менее, в нем как будто таился страстный огонь. Эти глаза ничуть не гармонировали с лицом девятнадцатилетней девушки; в них не было и следа наивности и безмятежного спокойствия молодости, но они были невыразимо прекрасны.

Молчание Бернгарда продолжалось всего несколько мгновений; он выпрямился и ответил:

– В самом деле, я не узнал бы тебя. Тебя не было в Берлине, когда я приезжал в последний раз; мы не виделись больше шести лет.

– Тогда я была еще больным ребенком, не выносившим ни свежего воздуха, ни солнца. – По лицу Сильвии пробежала печальная тень, но она сразу же опять улыбнулась. – Теперь это прошло.

– Да, в конце концов, доктора оказались правы, сказал Гоэнфельс, взгляд которого с нескрываемой родительской гордостью был устремлен на красавицу-дочь. – Я считал это простой отговоркой с их стороны, желанием пощадить родителей, когда они утешали нас, обещая в будущем полное выздоровление. Еще в пятнадцать лет Сильвия была больным, требующим неустанных забот ребенком, за которого мы постоянно боялись, и вдруг начала расцветать, и на наших глазах произошло чудо. Курт, тебя придется снова представить; хоть ты и бывал на каникулах больше в Гунтерсберге, чем в родительском доме, но в форме ты должен казаться совер-

шенно другим твоей бывшей подружке детских лет.

Курт не заставил дважды повторять приглашение. Он был удивлен не меньше товарища, но умел быстрее реагировать на обстоятельства, и, поспешно подойдя, рыцарски поцеловал руку девушки, спрашивая:

– Будет ли мне позволено вспомнить детство или оно забыто?

– Не совсем, об этом позаботилась ваша сестра Кети, – шутливо ответила Сильвия. – Она добросовестно показывала мне каждый портрет, присылаемый домой ее братцем, и постоянно делилась со мной своими мечтами о его будущих геройских подвигах на море.

– Это очень лестно! Пока я еще всего-навсего лейтенант «Винеты».

– Но в будущем адмирал нашего флота! – вмешался министр. – Он торжественно обещал это мне и отцу, когда сидел на подоконнике в Гунтерсберге и показывал нам свое искусство лазить. Смотри, сдержи свое обещание, Курт! Прекрасно, вступая в жизнь в полном расцвете сил, представлять свое будущее. Всегда к одной цели, неустанно вперед! Только в этом жизнь!

Его слова были обращены к Курту, но предназначались другому, стоявшему в стороне и чувствовавшему их жало. Бернгард почти до крови закусил губу. У него не было теперь никакого дела, никакого будущего впереди, и ему безжалостно давали понять, что он не только не числится боль-

ше на родословном древе Гоэнфельсов, но и вообще не существует для дяди, жизнь для которого была синонимом деятельности.

Хорошо, что присутствие Сильвии смягчало натянутость обстановки. Она непринужденно болтала, как будто это была самая дружеская встреча, и вообще была удивительно уверенной и светской. Видно было, что она привыкла после смерти матери играть первую роль в доме отца. И здесь она управляла разговором в легком, шутовском духе. Курт и принц принимали в нем оживленное участие, и только Бернгард был сдержан; двоюродная сестра старалась втянуть его в разговор, обращаясь к нему по-свойски, но напрасно. Он говорил только по необходимости и вскоре напомнил Курту об отъезде.

– Нашим хозяевам, вероятно, хочется поскорее на берег, Курт. Не будем их задерживать. А мне нужно еще повидаться с одним товарищем на вашей яхте, ваша светлость.

– С капитаном? – спросил Зассенбург. – Я не знал, что вы с ним знакомы. Я сейчас велю позвать его сюда.

– Нет, со штурманом, – перебил его Бернгард. – Мы друзья детства и не виделись целый год.

На лице принца выразилось изумление: для него молодой Гоэнфельс продолжал оставаться бароном и племянником министра, а штурман принадлежал к команде. Но Сильвия с оживлением воскликнула:

– Ах, это норвежец! Наш буреветник, как я окрестила

его, потому что он со зловещей точностью предсказал бурю, которая настигла нас в Северном море. Странный человек! Он принимает приказания только от капитана, остальные, и даже сам принц, в его глазах в высшей степени лишние на «Орле». Он почти не говорит и еле отвечает. На меня он смотрел вначале особенно презрительно, точно хотел сказать: «Что тебе надо здесь, на нашем судне, белое порхающее ничтожество?»

– Потому что вы разозлили его однажды, насмехаясь над морем, – вмешался Зассенбург. – Мы ведь стояли совсем рядом, а вы знаете, что он понимает по-немецки.

– Да, он принял мои слова как личное оскорбление, но я, в самом деле, была разочарована. Мы вышли уже в открытое море, земля исчезла из вида, и я думала, что буду любоваться морем, которое видела впервые; но серая, тускло поблескивавшая поверхность, расстилавшаяся передо мной в ленивом покое, это серое небо над ней и туман вдаль – было от чего прийти в отчаяние, и я объявила, что это страшно скучно. Мои слова показались штурману обидными; он вдруг вмешался в наш разговор и сказал по-немецки: «Через два часа будет буря!». Я засмеялась, а принц покачал головой, потому что ничто не предвещало непогоды; но ровно через два часа налетел ураган и набросился на «Орла» как хищный зверь.

– Это была гроза, – пояснил Зассенбург, обращаясь к молодым людям. – Мы попали под нее, и целый час нас кидало

вверх и вниз между небом и водой.

– И моей разумнице-дочке пришла фантазия посмотреть на бурю с палубы, – сказал министр тоном порицания. – Меня гроза заставила поплатиться припадком морской болезни, принц был в своей каюте, и мы думали, что Сильвия, разумеется, у себя, а она была здесь, наверху.

– В самый разгар бури? – спросил Бернгард, бросая взгляд на Сильвию.

Их взгляды встретились; ее глаза блестели странно, почти неприязненно, когда она продолжила:

– Да, в самый разгар. Ты когда-то рассказывал мне о буре, помнишь, Бернгард, на террасе в Гунтерсберге? Теперь я хотела увидеть ее.

– Это было очень смело с вашей стороны, – заметил Курт. – Для нашего брата-моряка буря – привычное дело, но даме могла грозить серьезная опасность.

– Опасность? Может быть, но мне хотелось посмотреть на волны. Я нашла в коридоре дождевик принца, быстро вернулась в это непромокаемое чудовище, натянула капюшон на голову и прокралась на палубу. Капитан был на мостике, команда вся поглощена своим делом; меня видел только штурман, возле которого я пряталась, потому что это было единственное немного защищенное место. Он так вперил в меня глаза, точно перед ним выросло привидение; да я, вероятно, и в самом деле была похожа на привидение в этом бесформенном балахоне.

– Вы были похожи на нимфу бури, когда я увидел вас, выйдя на палубу, – сказал Зассенбург. – Лейтенант Фернштейн прав, вы подвергались опасности от ветра и волн, и штурман допустил непростительную оплошность, позволив вам это.

Его слова звучали упреком, но глаза говорили совсем другое, – он явно восхищался «нимфой бури».

– О, штурман! – воскликнула Сильвия. – Он с радостью ждал минуты, когда ветер снесет меня за борт; мне кажется, он не шевельнул бы пальцем, чтобы спасти меня. Но когда он убедился, что я стою крепко, и это величественное зрелище мне нравится, то мало-помалу проникся ко мне уважением и даже стал давать советы, где мне стать и как крепче держаться, то есть он выкрикивал их мне сквозь грохот бури, стоя у руля как пришитый. Я провела жутко прекрасный час здесь, наверху. Потом гроза ушла, на палубу вышел принц и буквально отшатнулся в ужасе, увидев меня. Папа прочел мне строжайшую нотацию, но зато штурман относится ко мне с тех пор с величайшим почтением.

Девушка говорила насмешливым тоном, давая понять, что она видит в опасности лишь забаву и не осознает всей ее серьезности.

Тем временем были спущены шлюпки, и Бернгард воспользовался этим, чтобы вторично поторопить с отъездом. Прощание между ним и дядей вышло не теплее, чем встреча. Потом Бернгард подошел к своей молодой родственнице.

– Прощай, Сильвия!

– То есть до свидания! – поправила она. – Ведь принц пригласил тебя с твоим другом; вы, конечно, приедете в Альфгейм?

– Очень сожалею, – последовал холодный ответ, – но мы собираемся прокатиться на север и, вероятно, уедем на днях.

Сильвия шагнула к нему и тихо проговорила:

– Курт Фернштейн приехал бы; это ты не хочешь.

– Может быть, это тебя удивляет?

– Папа сердится на тебя, и дал тебе почувствовать это. Со временем это забудется.

– Едва ли! Во всяком случае, мы не станем пытаться наладить отношения. По долгу родственника я пришел поприветствовать дядю, большего он, конечно, не может ни желать, ни ожидать от меня.

– Но я желаю! Итак, до свиданья!

Бернгард нахмурился и раздраженно взглянул на девушку, пытавшуюся подчинить его своему капризу, как она привыкла подчинять всех остальных. Она улыбнулась, как нельзя более любезно и протянула ему руку, но в ее глазах опять вспыхнул прежний загадочный огонек. Бернгард испытал совершенно то же впечатление, как тогда, когда впервые заглянул в эти глаза; он как будто должен был с усилием стряхнуть с себя какое-то оцепенение.

– Прощай! – сказал он резко и, лишь слегка дотронувшись до протянутой ему руки, отошел к Курту, прощавшемуся с

министром.

Принц Альфред, по-видимому, отлично понял сцену и слегка насмешливо улыбнулся. Он с обычной вежливостью проводил своих гостей на нижнюю палубу и представил друг другу Курта и капитана, между тем как Бернгард направился к штурману.

Вся команда суетилась; готовились к высадке, только норвежец как будто не торопился сойти на берег, хотя Рансдаль был его родиной. Он равнодушно смотрел на суету вокруг.

Гаральду Торвику было лет тридцать; он был не выше среднего роста, но крепко сложен, и с первого взгляда было видно, что он обладает железными мускулами. Его загрубелое от ветра лицо нельзя было назвать некрасивым, но оно было угрюмым. Волосы и глаза у него были темнее, чем обычно бывает у жителей севера. Он видел приближение Говэнфельса, но не выразил ни признаков удивления, ни радости и не двинулся с места.

– С приездом, Гаральд! – Бернгард подошел и протянул ему руку. – Я не мог освободиться раньше, чтобы прийти к тебе.

– К чему торопиться? – возразил Гаральд сухо. – Я удивляюсь, что ты вообще пришел.

– Удивляешься? Я ведь знал, что ты на «Орле».

– Штурманом! А ты был у его превосходительства и у его светлости и принадлежишь к их обществу.

– Ты лучше всех знаешь, к какому обществу я принадлежу

и в каких отношениях я с родными. Но от этой встречи я не мог и не хотел уклоняться.

Гаральд равнодушно пожал плечами.

– Верю. Такие узы крепко держат человека и постоянно дают себя чувствовать. Что же, меня это не касается.

– Разумеется, это касается только меня. Почему ты не ответил мне? Уже три месяца, как я писал тебе. Ты не получил моего письма?

– Получил... в Гамбурге.

– Я извещал тебя о своей помолвке с Гильдур Эриксен. Мы все трое выросли вместе, и потому имели право ожидать, что ты нас поздравит.

Прошло несколько секунд, прежде чем последовал иронический ответ Гаральда:

– Разве это так к спеху? Я знал, что буду сам в Рансдале, и не торопился. Желая вам счастья в браке!

Эта встреча совсем была не похожа на встречу с Куртом Фернштейном неделю назад. Тогда два приятеля с радостными восклицаниями бурно бросились друг другу на шею и только в ту минуту почувствовали, как им не доставало друг друга. Здесь же товарищи детства еле протянули один другому руки, и в их приветствии слышался какой-то странный тон: один с первых же слов старался уязвить, другой переносил это, почти не скрывая своего раздражения.

– Ты все прежний, Гаральд, – сказал Бернгард с досадой, – только стал еще резче и бесцеремоннее.

– По-твоему, я должен был научиться манерам на княжеской яхте? – насмешливо спросил Торвик. – Здесь действительно довольно аристократично. Там, внизу, каюты убраны как во дворце. И повара с ними, и лакеи – целый придворный штат! Чего только не нужно этакому принцу, даже когда он удостаивает своим посещением море!

– Зачем ты взял это место? – спросил Бернгард. – Я удивился, услышав об этом, потому что достаточно хорошо знаю твои взгляды. Правда, говорят, тебе предложили прекрасные условия, но ведь ты не польстишься на деньги, если за это тебе придется быть в чем-то ущемленным.

– Но на этот раз я польстился. Это тебя удивляет? Да, не всякий возвращается в Рансдаль с капиталом, как ты, и усаживается в Эдсвикене хозяином и повелителем. Нашему брату приходится сначала долго скаредничать и копить грош за грошем. Я тоже хотел попробовать. Это было глупо, да теперь уже и не имеет цели; но я связал себя на шесть месяцев.

Бернгард не стал ломать голову над разгадыванием последнего намека, потому что тон Гаральда обидел и рассердил его. Он коротко закончил разговор:

– Лодка ждет, пора ехать. Насколько я знаю, «Орел» простоит здесь некоторое время, так что ты, как всегда, будешь у матери. Значит, до свидания на берегу.

С этими словами он ушел. Штурман молча и мрачно посмотрел ему вслед, а затем принялся собирать свои вещи, чтобы отправиться на берег.

Тем временем лодка, в которой сидели двое молодых людей, отплыла. Бернгард был поразительно молчалив; тем словоохотливее был Курт.

– Какой сюрприз! – воскликнул он. – Я давно знал от отца и сестры, что Сильвия уже несколько лет здорова, но к такому превращению я не был подготовлен. Какой она стала красавицей! А эта фантазия посмотреть на бушующее море с палубы! Это сумасбродство, но на это нужны крепкие нервы, если человек не привык к такому зрелищу. А ты еще всего час назад толковал о «жалком, хилом создании»! Хотя тебя это не трогает, ты опять блистал своим прославленным искусством изображать ледяную сосульку и не оттаял ни на одну минуту.

– Зато ты весь – огонь. Кажется, Сильвия одержала над тобой победу. Берегись: на твоей дороге стоит его светлость. В слухах есть частица правды, по крайней мере, насколько это касается принца, я убедился в этом, когда он преподнес ей «нимфу бури» в виде комплимента.

– Я тоже заметил это. В сущности, принц прав, делая такое сравнение: у нее глаза нимфы, совершенно такие же пленительные и опасные, как у этих водяных существ, которые сначала завлекают свои жертвы, а потом затягивают их в бездну.

– Если только жертвы найдутся. Впрочем, на свете немало слабохарактерных.

– И самые сильные попадают под власть такой страсти. Я

рад, что этот визит закончился, потому, что, право, видеть вместе твоего дядю и тебя – зрелище не из приятных. Ты был похож на бочку с порохом, а он все время маневрировал около тебя с зажженным фитилем; я каждую минуту ждал взрыва.

– Что ж, зато тем милостивее он был к тебе, чтобы показать мне, что я, собственно говоря, больше для него не существую. Он даже поддержал принца, когда тот стал приглашать тебя в Альфгейм. Кстати, ты совершенно свободен поступать, как хочешь, Курт. Если ты желаешь принять приглашение, то, пожалуйста, поезжай, не думая обо мне.

Курт, очевидно, испытывал величайшее желание поехать, но ответил немного нерешительно:

– Может быть, это было только знаком вежливости со стороны принца. Ты, конечно, не поедешь?

– Нет, это само собой разумеется. Но ты всегда был в хороших отношениях с дядей, и твой отец – друг его юности; ты будешь для него желанным гостем.

– Еще посмотрим, – уклончиво ответил моряк. – С нашей поездкой на север, полагаю, торопиться нечего, время еще будет.

Курт встал и выпрыгнул на берег, так как лодка причалила; Бернгард последовал за ним. На берегу ждали экипажи, чтобы отвезти в Альфгейм принца с его гостями и прислугу, а на «Орле» к трапу были поданы шлюпки; в первой стоял принц Альфред, протягивая руки к девушке в белом, чтобы

помочь ей перейти к нему в шлюпку. За дочью следовал министр.

– Ну что ж, пойдем? – окликнул Курт товарища.

Тот словно прирос к земле и не сводил глаз с яхты, а при этом вопросе встрепенулся, точно проснувшись.

– Ах, да! Поезжай домой, Христиан, мы пойдем пешком.

– В Эдсвикен? Я думал, что мы зайдем в пасторат, – напомнил ему Курт.

– Потом... не сейчас...

– Но ведь там тебя ждут. Твоей невесте и ее отцу, наверно, хочется знать, как прошла встреча. В конце концов, они имеют на это право.

– Но я не могу сейчас! – вспыхнул Бернгард. У меня нет настроения отвечать на всякие расспросы. Может быть, вечером, может быть, завтра. Пойдем! – и он зашагал по дороге в Эдсвикен.

Курт последовал за ним, качая головой.

– Надо сказать правду, – заметил он, – ты приучаешь свою будущую жену к нетребовательности; только долго ли она станет терпеть это.

Бернгард не ответил; он шел вперед с непривычной торопливостью и ни разу не оглянулся. Тем временем лодка медленно подплыла, и ее пассажиры высадились на берег Рансдаля.

В Ингу Лундгрэн в рансдальском пасторате точно чертенок вселился, не оставлявший в покое никого в доме. Каждую минуту она то выбегала в сад, то вбегала обратно в дом, хохотала, распевала, шалила и шутила со всеми, кто ей ни попадался. Пастор качал головой, а Гильдур успокаивала ее, но ничего не помогало; когда же приходил Курт, то в пасторате все переворачивалось вверх дном. Они вечно были на военном положении и спорили о всевозможных вещах, потому что всегда и обо всем были разного мнения. «Темперамент», сначала так восхитивший Курта в девушке, проявлялся чересчур живо. Но в этих раздорах, казалось, они чувствовали потребность.

В последнее время в пасторате появился еще и третий гость – Филипп Редер, который поселился в гостинице и был представлен в доме пастора Куртом. Но общался он при помощи мимики. Правда, он привез с собой из Дронтгейма объемистую норвежскую грамматику, но слов запомнить не мог, а те немногие, которые знал, всегда употреблял невпопад и ужасно коверкал. Курту опять пришлось быть переводчиком, и он делал это с величайшей готовностью, особенно когда нужно было поговорить с Ингой; правда, переводил он всегда весьма неточно, и на свет Божий выплывали такие удивительные вещи, что девушка терялась. Пока она

ничего не подозревала, потому что Фернштейн под строжайшим секретом сообщил ей, что его бедный товарищ страдает нервным расстройством из-за несчастной любви, так что временами бывает просто невменяем. Он приехал на север специально для укрепления нервов, и не следует быть на него в претензии, если он покажется иной раз немножко сумасшедшим.

Инга нашла это весьма трогательным, прониклась глубоким состраданием к бедняжке и обращалась с ним нежно и бережно, что Филипп принимал, разумеется, за личную к нему симпатию. Со своей стороны он старался быть по возможности более меланхоличным, потому что Курт уверил его, будто его находят очень интересным благодаря меланхолии, и именно она произвела «глубокое впечатление» при первой встрече. Поэтому Редер продолжал оставаться унылым, и таким образом все шло пока совершенно благополучно.

Но и помимо этого у Редера были все основания быть довольным пребыванием в Рансдале. Обстановка в гостинице была сносная, первый его визит в Эдсвикен принес ему уверенность, что Бернгард Гознфельс больше не дерется, а, напротив, стал даже весьма благовоспитан; он принял старого школьного товарища дружелюбно и пригласил приходить. Более того, капитан «Орла» ежедневно бывал на берегу и с удовольствием принимал на своем судне гостей, которые помогали ему коротать время и разгонять скуку из-за вынуж-

денного безделья. Наконец тут был еще и голштинец, молодой матрос, говоривший на родном голштинском наречии. Одним словом, Филипп чувствовал себя в Рансдале совсем как дома, и для полного счастья ему не хватало одного: возможности непосредственного общения с его дамой сердца.

Но самым счастливым человеком во всем Рансдале был теперь Христиан Кунц. Он возобновил старые знакомства на «Орле» и с лихвой вознаграждал себя за молчание в прошлом, болтая целый день к негодованию своих двух товарищей-норвежцев. В Эдсвикене теперь говорили по-немецки: Курт очень спокойно, но упорно настаивал на этом. Если Бернгард заговаривал по-норвежски, он отвечал по-немецки или совсем не отвечал, пока, наконец, его друг не привык к своему родному языку.

Фернштейн был вообще своего рода идеалом для Христиана. При всей своей привязанности к своему господину, последний все же несколько робел перед ним, лейтенанту же поверял все свои беды и радости, и тот каждый день давал ему отпуск, чтобы он мог сходить к своему «господину земляку», как он почтительно величал Редера. Последний хотел учиться у него норвежскому языку, но вместо этого они преспокойно беседовали на своем милом простонародном наречии. До норвежского языка дело никогда не доходило. Курт часто осведомлялся насчет того, успешно ли идут уроки; ему хотелось знать, насколько могут подвергаться контролю его переводы; но он всегда получал успокаивающий ответ, что

господин Редер абсолютно не умеет говорить и, конечно, никогда не научится норвежскому языку.

– Он говорит, что это варварский язык, – сообщал Христиан. Однако Рансдаль оказывался, по его словам, прекраснейшим местом в мире, и он только здесь находит утешение своим страданиям. – Что у него такое? Ревматизм?

– Нет, но нечто весьма похожее на это, – объяснил Курт. – Он страдает мировой скорбью, а это не менее невыносимо, как и ревматизм.

Христиан сделал удивленную физиономию.

Запланированная поездка на север была пока отложена, потому что Курт стал находить разные отговорки. Его отпуск продолжался еще весь следующий месяц; он полагал, что тогда время года будет еще благоприятнее для плавания и что следует пока познакомиться с Рансдалем и его окрестностями.

– Я вижу, тебе совершенно не хочется ехать, – сказал, наконец, с некоторой досадой Бернгард. – Как хочешь, мне все равно – ехать двумя неделями раньше или позже. Я и так не вхож в Альфгейм, а для меня это главное.

На этом и покончили.

Близился вечер. Пастор отправился с Ингой в дальнюю прогулку, Гильдур же осталась дома и ждала жениха. Она сидела на своем обычном месте у окна, но на этот раз не занималась штопкой. С тех пор как Бернгард так резко и раздраженно отчитал ее, она никогда больше не брала в руки

такой работы в его присутствии. Она вышивала пестрый орнамент по краю скатерти, предназначавшейся для будущего хозяйства в Эдсвикене, но неутомимые руки часто останавливались, – девушка была озабочена какими-то мыслями.

В первое время после помолвки в ее душе все было ясно и определено; ее наполняло тихое, безоблачное счастье. Внешне ничего с тех пор не изменилось; у нее не было оснований для каких-то глупых сомнений, и все-таки Гильдур чувствовала, что со времени появления Курта и особенно со времени приезда министра что-то стало между ней и ее женихом, что-то, чему она не находила названия, но подсознательно чувствовала, что это – нечто чуждое, враждебное ей. Бернгард пришел к ней только не следующий день после той встречи, рассказал о ней очень коротко и поскорее оборвал разговор словами: «Избавь меня от дальнейших объяснений! Я рад, что эта история кончилась, и желал бы, чтобы мне о ней больше не напоминали». Но угрюмое настроение не покидало его, и в уме его невесты впервые шевельнулась неприятная мысль, что ее будущий муж не посвящает ее в свои дела.

Дверь открылась, вошел штурман «Орла». Гильдур с удивлением подняла на него глаза.

– Гаральд! Наконец-то ты пришел! И, как нарочно, отца нет дома.

– Мне уже сказали, – ответил Гаральд приближаясь. – Ты одна, мне это и нужно.

Они продолжали говорить друг другу «ты», как в детстве; она, Гаральд и Бернгард росли вместе, и Бернгард, вернувшись в Рансдаль прошлой весной, еще застал здесь товарища детства; Гаральд жил с матерью, но месяц спустя уже уплыл на своем судне и с тех пор еще ни разу не приезжал на родину. Гильдур встала и протянула ему руку, но при этом сказала с упреком:

– Мы давно ждали тебя. Прежде, когда ты возвращался, заходил к нам первым, а сейчас ты уже два дня в Рансдале и виделся только с Бернгардом.

– Да, на «Орле». Бернгард в претензии на меня за то, что я до сих пор не поздравил вас. Его я уже поздравил, теперь пришел к тебе с тем же.

– Благодарю, – непринужденно ответила она. – Но все-таки ты мог бы написать ответ на такое известие. Вероятно, ты был очень удивлен?

– Да!

Это слово прозвучало угрюмо, но девушка не обратила на него внимания: она достаточно хорошо знала манеру Торвика. Он имел в этом отношении сходство с ее женихом, только был еще угрюмее и неприветливее. И теперь он не проявлял никаких признаков радости от свидания и только молча осматривал комнату, как будто хотел удостовериться, нет ли в ней каких-нибудь перемен. Потом он сел возле Гильдур у окна. Она опять взялась за работу и стала рассказывать, что у них гостит кузина из Дронтгейма Инга, но Гаральд едва ли

услышал что-нибудь из ее рассказа; он вдруг прервал ее вопросом:

– Значит, свадьба осенью? Так сказала мне мать. Этот Эдсвикен – великолепная усадьба! Ты будешь первой женщиной в наших местах и самой богатой. Он в состоянии обеспечить тебя. Кто-то другой не мог бы этого сделать, но, может быть, с другим ты была бы счастливее. Этот потомок знатного рода Гоэнфельсов не подходит для Рансдаля и тебе не подходит.

– Бернгард наш! Он порвал с семьей и с родиной и вернулся сюда по доброй воле.

– Посмотрим еще, выдержит ли он здесь, – холодно сказал Торвик. – Если бы он остался здесь тогда, когда умер его отец, – может быть, дело и выгорело бы. Теперь же он много лет прожил вдалеке от нас, среди своей знатной родни и на службе в немецком флоте; он вернулся совсем другим, я сразу же почувствовал это, хотя мы виделись всего в течение двух-трех недель. Ты тоже это почувствуешь.

На лбу Гильдур появилась морщинка недовольства, и она сердито ответила:

– Бернгард нравится мне такой, какой есть, и он дал мне самое неоспоримое доказательство любви, потому что его выбор стоит ему родового имения: женясь на мне, он теряет права на Гунтерсберг.

– Знаю, он мне писал. Да, деньги и имение для него ничего не значат, когда он хочет настоять на своем. Ты ему пона-

добилась, и он должен получить тебя, чего бы это ни стоило; это уж такая господская манера.

Девушка порывисто отложила работу.

– Что это за тон, Гаральд? Ты сказал, что пришел пожелать мне счастья, но, кажется, совсем не желаешь его нам. Бернгард сделал мне предложение, я согласилась; это наше дело. Что тебе до этого?

– Что мне до этого? – повторил Торвик с горькой усмешкой. – Действительно, мне нечего совать нос в ваши взаимоотношения. Сам виноват, дурак, что не сказал вовремя год назад! Хотя я и не более как штурман, но мог бы рискнуть переговорить с твоим отцом и с тобой; мне уже не так долго ждать звания капитана. А я преспокойно уехал и предоставил поле деятельности Бернгарду. Мне и во сне не снилось, чтобы он бросил на тебя хоть взгляд.

– Ты, Гаральд? – Гильдур смотрела на него, пораженная, почти растерявшись. – Ты хотел жениться на мне? Но ведь ты ни словом, ни взглядом не показал мне этого.

– Потому что я не мог еще ничего предложить тебе. Не мог же я поселить тебя в жалком домишке моей матери; ты дочь пастора и привыкла к другой обстановке. Поэтому я хотел сначала работать, копить, обзавестись приличным домом. И я работал изо дня в день, позволяя себе только самое необходимое, терпел, когда меня обзывали скрягой. Зачем, ты думаешь, я работаю на «Орле»? Это иностранное судно, и аристократическое общество на нем со всеми его замашками

противно мне до глубины души. Я знал это заранее, но принц платит двойное жалованье; к осени у меня был бы капитал и я мог бы устроить собственное гнездо, хоть не такое, как Эдсвикен. Я согласился, и дело было слажено, но тут пришло письмо с известием о вашей помолвке. Я опоздал.

Он говорил вполголоса, глухим, гневным тоном, показывавшим, как горько ему было крушение его надежд. Гильдур побледнела. Вдруг она встала и проговорила строго и с упреком:

– Зачем же ты говоришь мне это теперь, когда знаешь, что я принадлежу другому? Если ты молчал до сих пор, то не следовало ли тебе продолжать молчать? Зачем ты причиняешь мне боль своим признанием?

– Это счастливой-то невесте боль? – насмешливо спросил Гаральд. – Что тебе до меня? У тебя есть жених. И ему до этого тоже нет ни малейшего дела.

– Бернгард и не подозревал о твоей любви, так же как и я. Он думал, что сообщает тебе приятную новость.

– Я знаю, иначе я свел бы с ним свои счета, и уж, конечно, ему бы не поздоровилось. Если бы он знал это и посмел подойти к тебе хоть с одним словом любви, то...

– То что? – энергично перебила его девушка. – В таком случае, я одна имела бы право решать. Бернгард не должен был приближаться ко мне, говоришь ты, потому что ты меня любишь. И разве я была твоей невестой, твоей собственностью, что ты один имел на меня право? Пока я была сво-

бодна, дорога была открыта вам обоим; «да» или «нет» зависело от меня. Но если бы Бернгард и не вернулся, едва ли ты получил бы мое согласие, когда ты и не будучи женихом, ведешь себя так властно. Ты должен был бы знать, что я не так-то легко пойду за первого встречного, посватавшегося за меня, и что я сумею настоять на своем.

– В Эдсвикене тебе понадобится это умение, – сказал Торвик, нисколько не тронутый этим строгим ответом. – Твой будущий муж почище меня умеет разыгрывать из себя повелителя; это у него в крови. Ты почувствуешь это на себе, дай только ему жениться. Можешь быть в этом уверена.

– От него я это, может быть, и вытерплю. – Тихая, счастливая улыбка пробежала по лицу девушки. – От него одного! Когда двое людей принадлежат друг другу на всю жизнь, как мы с ним, то можно ли говорить о собственной воле?

– Ты, значит, очень любишь своего Бернгарда? – медленно спросил Гаральд, не сводя с нее взгляда.

Этот вопрос, прозвучавший насмешливо и вызывающе, рассердил Гильдур.

– Если тебе угодно знать это, то больше жизни, больше всего, всего на свете!

Эти слова вырвались как внезапная вспышка пламени, как бурно прорвавшаяся наружу страсть. Когда Гильдур выходила из узких рамок домашней жизни и повседневных забот, это была уже не скромная дочь пастора, с головой окунувшаяся в обязанности по хозяйству, молчаливая и застен-

чивая в обществе посторонних, а гордая, знающая себе цену женщина, энергично отражающая попытки навязать ей чужую волю и покоряющаяся только одному – любимому человеку. Ее любовь не была спокойным, будничным чувством, и Торвик, молча смотревший на нее, понял это. Он пошел к выходу, но в дверях оглянулся.

– Значит, наш разговор закончен. Ты совершенно права; с моей стороны глупо было и начинать его. Желаю тебе счастья в браке и да хранит тебя Бог!

Когда он вышел на улицу, его лицо было строгим и хмурым как всегда, и по нему нельзя было понять, что происходило в его душе. Только в его глазах горел странный, зловещий огонь. Он шел, не глядя по сторонам.

Все было кончено. Правда, Гаральд узнал об этом еще три месяца тому назад, но только теперь отчетливо понял, что потерял то, что много лет было его надеждой и составляло смысл его жизни. Эта любовь к Гильдур выросла вместе с ним и стала частью его самого, прежде чем он сам понял это. А когда понял, то твердо решил, что его женой будет Гильдур Эриксен, и никто больше. Но замкнутый, гордый Гаральд молчал и ждал, когда будет в состоянии предложить приличествующее ей как дочери пастора состояние; ждать же, пока он достигнет этого, надо было долго.

Как и Гильдур, он был уроженцем Рансдаля, сыном капитана, ежегодно ходившего с китоловным судном на север, а зиму проводившего дома с женой и сыном, пока не по-

шел ко дну со своим судном во время бури, оставив вдову в плачевном положении. Но для жизни в Рансдале не нужно было больших средств, а через несколько лет сын подрос и смог заботиться о матери. Правда, о собственном хозяйстве ему нечего было и думать, но скоро он приобрел репутацию самого отважного и ловкого на всем фиорде моряка, потом стал штурманом и мог, наконец, начать копить деньги, работать ради устройства собственного гнезда. Ему никогда не приходило в голову, что кто-нибудь перейдет ему дорогу и сделает предложение девушке, на которую он уже смотрел как на свою собственность. В Рансдале, кроме пастора да старого гордеца-доктора, только и были что крестьяне да рыбаки, а Бернгард Гоэнфельс, явившийся прямо от своей «знатной родни» и поселившийся барином в Эдсвикене, конечно, не мог думать о Гильдур; он был совершенно равнодушен к бывшей подруге детства и ясно дал понять это при возвращении. И вдруг у самой желанной цели грянул гром, и все погребло навсегда!

– Алло, Гаральд! О чем задумался? Ты чуть не сшиб нас с ног! – раздался в эту минуту чей-то голос.

Торвик поднял голову. Перед ним стояли Бернгард и Курт. Тогда, на «Орле», он не видел молодого лейтенанта, и теперь Бернгард познакомил их. Курт отнесся к нему весьма дружески и с интересом разглядывал норвежца, игравшего важную роль в годы ранней молодости его друга. Однако его приветливость не встретила отклика. Гаральд был край-

не неразговорчив и нелюбезен. Впрочем, Гоэнфельс делал вид, что не замечает этого.

– Мы идем в пасторат, – сказал он. – Ты был там? Они удивляются, отчего ты так долго не показываешься. И Эдсвикен все еще ожидает, когда ты удостоишь его своим посещением. Когда ты придешь?

– Ты и сам можешь прийти ко мне, – последовал короткий ответ. – Тебе не дальше, чем мне, если только у нас не чересчур убого для тебя.

– Ты опять начинаешь! Ты так говоришь, точно у меня привычки какого-нибудь принца. Мы, моряки, не избалованы; мы с утра до ночи на службе...

– И командуем, – добавил Гаральд. – Это дело господ офицеров, а дело команды – слушаться и работать, не правда ли, господин лейтенант?

– Командовать – тоже работа, и нелегкая, – спокойно сказал Курт. – Вы в этом убедитесь, когда станете капитаном. Приказывать, когда вся ответственность на тебе, труднее, чем подчиняться.

Отпор был понят; взгляд, брошенный норвежцем на лейтенанта, был далеко не дружелюбен. Гаральд воспользовался первым попавшимся предлогом, чтобы прервать разговор и уйти.

Курт удивленно посмотрел ему вслед.

– Так вот каков твой Гаральд Торвик! Еле вытянешь слово, а когда вытянешь, то оно оказывается колкостью или гру-

бостью. Странного ты выискал себе друга!

– Мы никогда не были друзьями, а только товарищами детства, – холодно возразил Бернгард. – Мы вместе росли, вместе делили радости и горе, даже учились вместе у моего будущего тестя, но все это не то, что с тобой. Мы подружились с первого же часа знакомства. Ты со своей искренней и веселой натурой подействовал на меня, как луч солнца.

– После того как мы с величайшей энергией оттузили друг друга, – со смехом вставил Курт. – Эта драка пошла нам на пользу, потому что из нее выросла наша дружба. Ты никогда не пробовал этого превосходного средства со своим хмурым Гаральдом?

– Нет, до таких отношений мы не доходили. Гаральд был на пять лет старше меня, и от него я научился всему, что здесь было нужно. Что мог я знать, явившись с северогерманской равнины, о скалах и фиордах, о море и его бурях? Он же все знал, и я, семи или восьмилетний мальчуган, был горд, что самый сильный и ловкий парень во всем Рансдале оказывает мне честь, обучая всему. Это с самого начала дало ему преимущество надо мной, и он всегда злоупотреблял им. Стоило мне взбунтоваться, и меня сейчас же угощали прозвищем «господский сынок», у которого аристократические замашки в крови и который не годится для свободной жизни среди свободной природы. Я же непременно хотел годиться, и этим Торвик умирал меня. Я был еще слишком мал, чтобы чувствовать узду, на которой он держал меня; теперь же

я не позволяю ему водить меня на веревочке, и он не может простить мне этого.

– Я совсем иначе представлял себе этого Торвика по твоим описаниям, – сказал моряк. – Признаться откровенно, он показался мне пренеприятным, угрюмым, неприветливым малым. Я думаю, он не сможет оттаять.

– Очень ошибаешься! У Гаральда подо льдом – огонь, только он горит глубоко внутри. Обычно это тяжелая на подъем, ленивая натура, но когда им овладевает страсть, то для него не существует разницы между друзьями и врагами, он слепо идет напролом сокрушая все на своем пути.

– В таком случае берегись, – сказал Курт, вдруг становясь серьезным, – он что-то против тебя имеет.

– Кто? Гаральд? Ну, конечно, я же говорю, что он сердит-ся, потому что не может вести себя со мной по-прежнему.

– Нет, я предполагаю что-то другое. Когда мы только что столкнулись с ним, он вздрогнул и бросил на тебя особенный взгляд, в котором была не простая досада, а ненависть. Будь осторожен!

– Вздор! Чего ради ему ненавидеть меня? Между нами ничего не произошло. Это просто его манера. Мне его общество теперь не доставляет ни малейшего удовольствия, то и дело от него приходится выслушивать разные колкости, но не встречаться с ним я не могу, раз мы живем в одной местности. Не могу же я позволить попрекать себя тем, что я будто бы стыжусь дружбы с простым штурманом «Орла», когда

здесь принц и мой дядя! Это не годится, Курт, я должен считаться со старыми отношениями.

Тем временем они дошли до пастората. Гильдур встретила их с обычной простотой и приветливостью. Не было заметно следов той страстной вспышки, которую вызвал в ней вопрос Гаральда. Она приняла поцелуй жениха так же спокойно, как он был дан; гордая, целомудренная девушка могла отвечать на ласку, но не навязываться с ней, когда ее не просили о ней, а Бернгард далеко не избаловал ее в этом отношении. Впрочем, ей не приходило в голову раздумывать над тем, как это случилось, что ее жених остается так удивительно холоден и спокоен именно в те минуты, когда всякий другой мужчина загорается. В его любви она не сомневалась; он выбрал ее по собственной воле, жертвовал родовым поместьем, чтобы обладать ею, зачем же были еще слова?

В Рансдале вообще помолвка и отношения жениха и невесты всегда носили спокойный характер, и Гильдур, став невестой, смотрела на них так же. Горячую, молчаливую любовь, таившуюся в ее душе под спокойной внешностью, она оберегала, как сокровище, касавшееся ее одной, но ни за что на свете не показала бы этой любви человеку, который вовсе не требовал этого и, может быть, даже засмеялся бы, узнав о пылких чувствах невесты, тогда как его собственные были до такой степени сдержанны.

Горы, поднимающиеся непосредственно за зеленой полосой побережья Рансдаля, составляли отроги главного хребта, и чем выше, тем величественнее становился пейзаж с его неприступными вершинами. В уединении этих лесистых гор, в часе езды от фиорда, лежали охотничьи владения принца Зассенбурга и его «северный Тускулум», который он выстроил себе здесь и назвал «Альфгеймом».

Это было деревянное здание в северном стиле, выглядевшее как простой, но очень красиво расположенный охотничий дом. В сущности, это был маленький замок, очень гармонично вписывавшийся в окружающую природу, и если его внутреннее убранство и не отличалось такой роскошью как на «Орле», то все же оно вполне отвечало привычкам знатных и избалованных гостей. Необходимая прислуга была привезена с собой на яхте, и приехавшие господа жили здесь совершенно обособленно; со времени приезда ни принц, ни его гости больше не заглядывали в Рансдаль.

Первую неделю их пребывания в Альфгейме стояли ясные, солнечные дни; солнце всего на какие-нибудь два часа скрывалось за высокими горными вершинами и снова появлялось в полном блеске; ночей, темноты не было. Сегодня впервые небо было пасмурно; горы окутались туманом и облаками, день был холодный, мрачный, почти напоминающий

осень.

Большой салон на верхнем этаже Альфгейма был удивительно уютным. Стены и потолок были изящно отделаны деревом, мебель – украшена художественной резьбой; матовый светло-зеленый цвет занавесей и обивки превосходно гармонировал с красноватым оттенком дерева. Стеклопанельная дверь между двух окон вела на балкон с колоннами и перилами из темного дерева; с него открывался обширный вид вниз на фиорд с его лесами и ущельями. Впрочем, сегодня ничего этого не было видно из-за непрерывной игры волновавшихся облаков.

Обитатели Альфгейма проводили время большей частью этой комнате; сюда после завтрака собрались они и сегодня, Зассенбург и министр, разговаривая, стояли у окна, тогда как Сильвия, сидя в кресле, забавлялась великолепным сеттером, положившим ей на колени свою красивую голову.

– К сожалению, я вынужден пожаловаться вам, барон, – сказал принц не то шутливо, не то с упреком. – По совести, я не могу допускать, чтобы баронесса бродила по окрестностям совершенно одна; местность ей незнакома, и она вообще впервые в горах, а здешние горы для неопытных людей опасны. Я тщетно предлагал себя в проводники, просил, уговаривал, но в ответ мне лишь смеялись. Мне остается только обратиться за помощью к вам.

– Это против нашего уговора, Сильвия, – с недовольством заметил Гоэнфельс. – Ты выпросила у меня позволение гу-

лять одной по утрам, но, понятно, я имел в виду только ближайшие окрестности, а ты, видно, поняла это по-своему.

– Неужели надо контролировать каждый мой шаг? Я не трусиха, да и в горах безопасно; сам принц говорит это. Здесь, на севере, нет надобности в защитниках.

– Да, но нужен проводник, – возразил Зассенбург. – Здесь нет придорожных столбов и можно бродить часами, не встретив ни души. Что, если вы заблудитесь или упадете, а вблизи не будет никого, чтобы помочь вам?

– Ноги у меня крепкие, голова не кружится, я в этом убедилась в течение этой недели. Защиты мне не надо.

– Все равно эти прогулки в одиночку опасны, – настаивал на своем Гоэнфельс. – В дальнейшем тебя будет сопровождать принц, я прошу вас об этом, Альфред. Я уже определил вас в кавалеры моей дочери на всех прогулках, когда нельзя воспользоваться экипажем, потому что сам не мастер ходить пешком. Вы, кажется, хотели идти с Сильвией в Исдаль? Придется, вероятно, отказаться от этого при такой пасмурной погоде. В какой, собственно, стороне находится этот Исдаль?

– Там! – Зассенбург указал на север. – В данном случае баронессе волей-неволей придется соблаговолить принять мое общество; в долину ведет только одна дорога, и надо ее знать, чтобы попасть туда.

Сильвия, ничего не возразив, продолжала играть с собакой.

– Исдаль в переводе «ледяная долина»? – спросил министр. – Вероятно, обычный глетчер². Красивое место?

– Нет, только величественное. Это один из самых диких наших ландшафтов; глядя на него, понимаешь, почему именно ему посвящена сага о смерти и уничтожении.

– Да, да, вы говорили об этом вчера; вы рассказывали Сильвии, а я слышал краем уха, потому что углубился в газету.

– К счастью для меня! – прибавил принц. – Ваша насмешливая улыбка всегда меня расхолаживает. Я знаю, что вы заклятый враг сказочного мира.

– Я только думаю, что сказкам место в детской, – холодно ответил министр. – Они сложены в те времена, когда существовало первобытное общество, и проявления сил природы казались результатом деятельности божества. Для нас эти силы больше не представляют загадки, мы, современные люди, достаточно развиты, на что же нам этот фантастический, волшебный мир? Мы имеем дело только с действительностью.

– У себя дома, в городах, разумеется, – возразил Зассенбург, – но не здесь, в рансдальских горах; здесь природа представляется великой, мрачной загадкой; каждое ущелье, каждая лесная чаща скрывает в себе тайны, и в народе еще живы верования старых времен. Все рансдальцы – добрые христиане и почувствовали бы себя очень обиженными, ес-

---

² **Глетчер** – масса льда в виде потока, образующаяся в горах.

ли бы кто-нибудь усомнился в христианстве, но у каждого в глубине души сохранилось местечко, где живет еще могучий Тор, древний народный бог Норвегии. Пастору об этом незачем знать, но, когда они хотят вымолить себе удачу и покровительство в далеком плавании, когда их домашнему очагу грозит опасность или когда они оказываются перед выбором между жизнью и смертью, тогда не один рансдалец тайком поднимается в Исдаль и там, у камня с рунами³, вопрошает судьбу.

– У нас есть неподалеку рунический камень? – спросил Гоэнфельс. – Какой эпохи?

– Во всяком случае, одной из наиболее древних. А вы интересуетесь этим, барон?

– Разумеется. Как исторические памятники, я, безусловно, признаю эти камни. Мы обязаны им весьма многими сведениями с тех пор, как научились читать их надписи.

– Ну, эти руны прочесть невозможно, и поставлен этот камень не человеческой рукой. Это один из исполинских осколков, скатившихся во время обвала горы, который опустошил долину много веков назад. Иначе его давным-давно стащили бы в какой-нибудь музей. Камень пришлось поневоле оставить на месте.

– В таком случае, может быть, это надгробный памятник? – заметил Гоэнфельс.

---

³ **Руны** – древнейшие письмена, преимущественно у скандинавов, сохранившиеся на камнях и металлических предметах; восходят к началу н. э.

– Может быть, но следов могилы не было найдено так же, как не нашли ключа к рунической надписи. По словам древней саги, Тор сам вырезал ее на скале, когда вынужден был покинуть свои прежние владения, где ему приносили жертвы. Но народное поверье объясняет тайну этих волшебных древних писем так: кто угадает заветный час и произнесет заветное слово, тот прочтет надпись и из нее узнает свою судьбу. По-вашему, это лишь ребяческое суеверие, но за ним кроется нечто серьезное. Это след великого, могучего прошлого, когда всякий свободный человек был еще борцом и полным хозяином на своей земле, когда природа или божество – дело не в названии – еще давали ответ на вопросы людей, когда люди еще вступали в общение с силами, которые почитали или которых боялись. Это было когда-то и было, должно быть, прекрасно! Что дает нам настоящее взамен этого?

– Жизнь и ее задачи, – убежденно сказал министр.

– Хорошо, если эти задачи нам по плечу, но не всякий может похвастать этим, – возразил принц. – Вы человек современный и вполне ладите с действительностью; я же стараюсь убежать подальше от ее слишком резкой, беспощадной правды в далекую эпоху мечты и веры в волшебство. Здесь, в Рансдале, мы довольно близки к этой эпохе.

– Убегать не следует; необходимо смотреть действительности прямо в глаза, все равно где это будет, и какова она окажется, – резко ответил министр. – Вам не следовало бы

каждое лето приезжать сюда, Альфред. Здесь вы окончательно превратитесь в мечтателя. Ваш Альфгейм очень хорош, не спорю; спокойствие и уединение, царящие здесь, в горах, этот резкий, чистый воздух – настоящие лекарства; мне они вернут наполовину утраченную способность трудиться, но проводить целые месяцы отрезанным от общества здесь, где жизнь совершенно остановилась, где забываешь даже о существовании мира где-то там далеко, – этого я не выдержал бы и не понимаю.

– Что вы на это скажете, баронесса? Вы были бы в состоянии выдержать здесь лето? – обратился принц к Сильвии.

Это была новая попытка втянуть ее в разговор, от которого она так упорно уклонялась. Но и на этот раз ему не повезло – ответ был короткий и не обнадеживающий.

– Я нахожу, что папа прав, я тоже не могла бы обойтись без людей.

Принц сжал губы и замолчал. Министр, желая кончить этот разговор, сказал, глянув в окно:

– Значит, сегодня прогулка в Исдаль не состоится. Вообще вам не следовало бы уходить с Сильвией далеко, того и гляди дождь пойдет.

Он подошел к столу с газетами и журналами и стал перебирать их. Принц с минуту колебался, потом направился к Сильвии и наклонился над ее креслом.

– Вы сердитесь на меня? – спросил он вполголоса.

Казалось, девушка действительно была не в духе. Она не

подняла на него глаз и, продолжая теревить мягкую шерсть собаки, ответила прежним тоном:

– Зачем вы донесли на меня отцу? Он не знал бы о моих прогулках, потому что все утро сидит в своих комнатах.

– Я боялся за вас, а меня вы не слушаетесь. Вы не знаете, как опасны наши крутые, часто непроходимые горные тропинки... и потом я так мечтал о том, как буду показывать вам окрестности своего Альфгейма.

– Вы и показывали их мне во время наших прогулок, эти же утренние часы принадлежат мне; я хочу быть одна, и всякое общество мне мешает.

– И мое тоже? – спросил Альфред, низко нагибаясь к ней. Сильвия подняла голову, посмотрела на него и сказала холодно и решительно:

– И ваше, ваша светлость!

Принц быстро выпрямился, явно оскорбленный.

– Я не стану мешать вам, баронесса, даже, несмотря на выраженное вашим отцом желание. Впредь я буду ожидать вашего приказания, чтобы сопровождать вас.

Он поклонился и вышел из комнаты. Гоэнфельс, не слышавший их тихого разговора, с удивлением посмотрел ему вслед.

– Что такое? Что с Альфредом?

– Его светлости угодно обижаться, пусть привыкает, – насмешливо сказала молодая девушка.

– Кажется, он вправе обижаться: ты довольно часто му-

чишь своими капризами. Будь осторожнее! Альфред – мягкая натура, но не создан и для роли безвольного раба.

– Ты точно знаешь это, папа? Ты всегда на его стороне и зовешь его уже запросто Альфредом.

– По его настойчивой просьбе. Зассенбург еще в Гунтерсберге говорил со мной, ты это знаешь. Он видел тебя тогда всего несколько раз, тебя, по-видимому, мало трогало его внимание, и вообще у меня были причины не давать окончательного ответа немедленно. Но то обстоятельство, что мы приняли его приглашение, является своего рода согласием, и в свете так на это и смотрят. Я не оставил тебе ни малейшего сомнения относительно этого, но и не решал за тебя. Мы только в том случае можем продолжать пользоваться гостеприимством Альфреда, если ты вернешься его невестой.

– Я знаю, папа, – спокойно сказала Сильвия. – Ты ведь ясно дал понять, что хочешь этого.

– Да, я хочу этого, потому что только это обеспечит твое будущее. Пока я жив, ты занимаешь известное положение в обществе, но когда я рано или поздно умру...

– Папа, не говори этого! – перебила его дочь, ласкаясь. – Тебе нет и шестидесяти, ты в полном расцвете лет...

– Но уже не в полном расцвете сил! Теперь, несмотря на молодость, ты играешь видную роль в обществе, ее признают за тобой как за дочерью министра, которого во многих случаях считают всемогущим; но все это прекратится с моей смертью, и ты вынуждена будешь перейти в совсем дру-

гую, скромную обстановку, которая для тебя не подходит. На Гунтерсберг у тебя нет прав, а мое личное состояние невелико. Зассенбург предлагает тебе княжескую корону, а я позабочусь о том, чтобы обеспечить тебе положение в его семье. Ты рожденная Гоэнфельс и моя дочь. Это сравняет чаши весов в глазах княжеской родни. Об руку с Альфредом ты будешь окружена всем блеском, какой может дать жизнь, а, кроме того, он любит тебя. Полагаю, тут не может быть речи о выборе.

Министр говорил спокойным, твердым тоном. Для него дело было решено еще тогда, когда с ним объяснился Зассенбург, и если, тем не менее, он потребовал отсрочки как бы для того, чтобы подумать, хотя думать было уже не о чем, то сделал это с намерением: принц не должен был воображать, что его происхождение избавляет его от труда помогать руке дочери министра, что он может получить ее после первых же дней знакомства. Гордый Гоэнфельс не гнался за княжеской короной; опираясь на свое старинное дворянство и личные заслуги, он чувствовал себя равным принцу, и никто не должен был говорить, что он поторопился обеспечить своей дочери светлейшего супруга.

Сильвия слушала отца, не прерывая его и не выдавая волнения. Они уже не впервые обсуждали этот вопрос. Отец ясно втолковвал ей положение дел, чтобы предупредить возможный с ее стороны каприз, который помешал бы исполнению его желания. Ему не понадобилось ее уговаривать; де-

вушка и сама была точно того же мнения, но все-таки возразила с некоторым нетерпением:

– Если бы только он не был всегда таким усталым и равнодушным! Я думаю, на всем свете нет ничего, что интересовало бы его.

– В твоём присутствии он не такой, – заметил Гоэнфельс. – При тебе он становится другим.

– То есть, по крайней мере, старается быть другим, даже принуждая себя, что ему не всегда удается; он часто впадает в мечтательность, как ты это называешь, а я думаю, что это просто скука.

Министр молчал; не мог же он сказать дочери, что эта вялость и равнодушие – результат пресыщения. Спустя несколько секунд, он уклончиво ответил:

– Несчастьем Альфреда стало его происхождение; как принц боковой линии он не мог рассчитывать на пост правителя, а для единственной военной карьеры, которая была ему открыта, он не годился по складу своего характера. Поэтому он всю жизнь думал только об удовлетворении своих наклонностей и интересовался всевозможными областями знаний, не углубляясь ни в одну. Ему в молодости недоставало определенной цели в жизни, и за это ему приходится расплачиваться в более зрелые годы. В настоящее время им овладела эта северная мания, и он каждое лето сидит здесь в горах между своими скалами и руническими камнями. Поэтому-то я сейчас и прочитал ему нотацию, но это мало помо-

жет делу. Я рассчитываю на твое влияние, Сильвия; ты заставишь его оторваться от этих постоянных грез и вернешь на землю. Давно пора сделать это.

Сильвия без особенного рвения отнеслась к возложенной на нее задаче, но твердо объявила:

– Во всяком случае, мы поселимся в Берлине; я ни за что не хочу расставаться с тобой, папа! Я знаю, принц терпеть не может города, он предпочитал бы полгода плавать на своем «Орле» по всевозможным морям, а на другие полгода обречь себя и меня на уединение здесь, в своем Альфгейме. Пусть и не воображает! Я хочу жить возле тебя.

– Ты уже распоряжаешься им довольно деспотично. «Я хочу!» «Он должен!» А если он не захочет? – усмехнулся Гоэнфельс.

Девушку очень удивило подобное предположение, но она улыбнулась и задорно сказала:

– Хочешь, сделаем опыт, папа? Я поставлю ему это условием; неужели ты думаешь, что он не согласится? Я не думаю.

– Сильвия, к чему такой тон? – в голосе отца послышалось недовольство. – У тебя замечается опасная склонность играть всеми, кто ни подвернется тебе; того же, кто не защищается, ты колешь и раздражаешь просто из одного удовольствия дразнить. Но с будущим мужем не играют, заметь себе это.

Девушка почти презрительным движением откинула го-

лову назад.

– А зачем он позволяет! Ты никогда бы этого не позволил, папа!

– Нет, я никогда не был бы слаб даже по отношению к тебе. С тобой нужна сильная воля, которая противостояла бы твоей, в случае нужды могла бы подчинить ее себе. Мне не раз приходилось делать это с тех пор, как ты повзрослела... Ты забыла?

– Нет, – тихо сказала Сильвия. – И от тебя я это снесу, папа, но от тебя одного, а от чужого человека – нет. Пусть попробует! – и ее глаза враждебно блеснули.

– От чужого? Зассенбург не будет тебе чужим, и если он до сих пор еще чужой, то кто же в этом виноват? Он только и ждет минуты, чтобы объясниться с тобой, но ты постоянно отталкиваешь его своими бесчисленными капризами. Зачем ты так поступаешь? Ты ведь согласна. Если эта игра не заставит его, наконец, потерять терпение, то его потеряю я.

Сильвия молчала. Она знала этот тон отца и понимала, что противоречить ему нельзя.

Приход слуги, принесшего только что полученную почту, положил конец разговору. Министр бегло проглядел адреса на конвертах присланных на его имя – их была целая пачка – и встал, намереваясь отнести их в свою комнату.

– Итак, ты не станешь больше ходить по горам одна, без провожатого, я очень прошу тебя об этом, – обратился он еще раз к дочери. – Принц совершенно прав: не зная местно-

сти, нельзя подвергать себя опасности. Ты обещаешь, Сильвия?

– Слушаюсь, ваше превосходительство! Когда мой строгий папаша издает указ, мне остается только повиноваться. Я давно это знаю. А теперь простимся; ты не любишь, чтобы тебе мешали, когда ты занят корреспонденцией, а я переоденусь на прогулку. – Сильвия обняла за шею отца и ласково прижалась к нему, тихонько, с мольбой шепча в то же время: – Разве я такая уж плохая? Ты так отчитал меня, папа!

Гоэнфельс посмотрел на нее сверху вниз, и строгое, серьезное выражение его лица смягчилось; он улыбнулся.

– Ужасно плохая! – сказал он. – Мне частенько бывает трудно ладить с тобой, гадкая, своенравная девочка. В его голосе звучала нежность, а по тому, как он прижал к себе дочь и поцеловал ее, нетрудно было угадать, что она составляет счастье всей его жизни.

Час спустя Зассенбург вошел в комнату своего гостя и застал его за письменным столом. Предписание врачей избегать работы Гоэнфельс исполнял лишь отчасти, да и не мог, как министр, строго следовать ему. Он ограничивался самым необходимым, но уже и это заняло бы все время другого человека. Так как Рансдаль только два раза в неделю имел связь с внешним миром через фиорд, то принц завел собственную связь с береговой станцией, мимо которой ежедневно проходили большие пароходы, и получаемая почта немедленно отправлялась в Альфгейм через горы на лоша-

дых. Гоэнфельс, просматривавший полученные сегодня бумаги, с удивлением поднял глаза на вошедшего и спросил:

– Уже вернулись? Почему так скоро?

– К сожалению, мне пришлось остаться без прогулки, – ответил принц. – Извините, что я помешал вам, барон, я не знал что вы уже за работой.

– Дело подождет, – сказал министр, отодвигая бумаги. По тону и физиономии принца он догадался, что не все в порядке. – А где Сильвия?

– Ушла... час тому назад.

– Одна? Но ведь я запретил ей!

– И она подчинилась вашему приказанию; она взяла с собой одного из моих егерей, Рольфа, знающего каждую тропинку в лесу, так что всякая возможность опасности исключена.

Гоэнфельс нахмурился; ему не понравилось, как дочь истолковала его запрещение.

– Что же случилось? – спросил он.

– Ничего особенного! Я был вынужден послать лакея извиниться перед баронессой и сказать, что не могу идти на прогулку из-за сильной нервной головной боли, которая нередко появляется у меня совершенно внезапно; в то же время я поручил передать, что считаю погоду не подходящей для прогулок и что благоразумнее остаться дома. В ответ на это баронесса велела Рольфу сопровождать ее, и, кажется, прогулка предполагается продолжительная; пожалуй,

они пошли в Исдаль.

– Что за прихоть! В такую погоду! К тому же Сильвия знает, что вы хотели сами вести ее туда.

– Именно потому она и пошла. Баронесса только что сообщила мне, что мое общество мешает ей. Мой отказ пришелся, наверно, кстати. Очевидно, егерь ей не мешает.

В словах принца ясно звучала горечь. Его попытка разыграть из себя обиженного не удалась. Девушка отнеслась к ней с убийственным равнодушием. Министру была неприятна эта история, но он счел за лучшее не показывать этого.

– А вы просто взяли да и отстранились? – спросил он. – Этим вы многого не добьетесь. Вы должны были настоять на том, чтобы провожать ее, как я приказал ей.

– Неужели я должен был навязывать свое общество? Вы уж чересчур многого требуете от меня, барон!

– Как вы можете так серьезно относиться к таким пустякам? К Сильвии вообще в некоторых случаях не следует относиться серьезно, у нее до сих пор бывают иногда капризы и фантазии, как у ребенка. Вам придется еще до известной степени воспитывать ее. Вы возразите мне, что это дело отца. Совершенно верно, но наши отношения сложились так из-за некоторых обстоятельств. Сильвия была тяжело больна в детстве, а если постоянно дрожать за своего единственного ребенка, когда любое волнение или слезы представляют опасность для жизни слабого маленького существа, то не могло быть и речи о воспитании, ее только щадили и обере-

гали.

– А потом вы стали министром, – заметил Зассенбург. Конечно, у вас немного оставалось времени для семьи.

– Да, тут уже приходится напрягать все свои силы для исполнения ответственной обязанности, взятой на себя. Когда выдавался редкий свободный час и Сильвия, ласкаясь, прижималась ко мне, то я не читал нравоучений, а просто принимал ее в объятия, чтобы отвести душу и немножко отдохнуть от бремени работы. Я знаю, что тут много было упущений, но я не мог ничего сделать и должен передать дело в руки будущего мужа. Ему предстоит далеко нелегкая задача.

– И вы полагаете, что она мне по плечу? – спросил принц, сев и опустив голову на руки.

– Такому, как вы сейчас, нет, Альфред!

– Сейчас? В мои годы уже не меняются.

– Даже если речь идет о том, чтобы завоевать любовь молодой жены?

– Любовь! – мрачно повторил принц. – Вы считаете Сильвию способной любить? Я – нет. Отец – единственный человек, к которому она, пожалуй, что-то испытывает, – тут слышится голос крови. Для всех остальных она немилосердная богиня, глухая ко всем мольбам. Вначале я мечтал о том, как со временем разбужу в моей молодой жене все, что, как я тогда думал, дремлет в ее душе и должно проснуться при звуке волшебного слова заклинания, но теперь уже давно знаю, что этого никогда не будет. У меня часто при мысли

о ней возникает ассоциация с русалками, этими красивейшими, но в то же время самыми неблагородными созданиями, героинями наших древних сказок. Обольстительные и холодные, как волны, из которых они родились, они очаровывают человека, губят его и при этом улыбаются; любить они не могут, потому что у них нет души.

– Очень поэтично, но очень нелестно для моей дочери, – холодно сказал министр. – Если вы боитесь ее русалочьей природы, то ведь вы совершенно свободны, ваша светлость! Решающее слово еще не произнесено и нет никакой надобности произносить его. Я вполне предоставляю вам...

– Вы не поняли меня! Вы сами поставили мне условие ждать и, когда я просил у вас руки Сильвии, потребовали, чтобы я пока молчал. Она должна быть моей женой; почему же мне не говорить откровенно?

– Сколько угодно! Но если вы так ясно видите это, то зачем же будете добиваться руки «немилостивой богини»?

Бледное лицо принца Альфреда окрасилось румянцем, глаза оживились, в них появился огонь.

– Потому что это сильнее меня, потому что я не могу отказать от нее и от безумной мечты, что она когда-нибудь оживет. Вы не подозреваете, что значит быть охваченным такой поздней последней страстью, а я весь в ее власти. Я ведь давно покончил со всеми иллюзиями; все, что когда-то жило и трепетало в моей душе, превратилось в пепел, но теперь еще раз вспыхнуло ярким пламенем; мне кажется, буд-

то ко мне опять вернулась молодость. Может быть, Сильвия не даст мне счастья, но она моя судьба, которую я должен принять такой, какой она мне послана.

Это была горячая, но лихорадочная вспышка. Министр покачал головой с не совсем довольным, но отчасти примиренным видом. Он не понимал такой страсти, но ему было лестно, что ее предметом служила его дочь.

– Ну, так бросьте же вызов своей судьбе, Альфред, – сказал он. – Никто не стоит на вашем пути, даю вам слово. Мое согласие вы уже получили, а согласие Сильвии получите, если серьезно захотите этого.

Горькое выражение пробежало по губам принца; он быстро встал.

– Может быть. Ведь меня зовут Альфредом Зассенбургом. Однако я не стану больше мешать вам, вы работаете. До свидания!

Он ушел. Гоэнфельс, посмотрев ему вслед, пожал плечами.

– Фантазер! В его годы и с его опытностью пора бы уже было бросить это, но есть люди, которые никогда не могут отделаться от фантазий. Он и Иоахим! Оба не созданы для жизни!

Последние слова выражали не то сострадание, не то презрение, а затем министр опять углубился в работу.

По узкой каменистой тропинке в густом сосновом лесу шла Сильвия Гоэнфельс с проводником, несшим ее дождевик и зонтик. Старый норвежец с загрубелым от ветра лицом принадлежал к охотничьему персоналу Альфгейма и в числе нескольких охотников состоял на службе у принца, когда тот приезжал в замок. Общаясь с прислугой, он немножко научился немецкому языку, так что в случае необходимости мог на нем объясняться. Сейчас в разговоре ему недоставало немецких слов, и он прибегал к помощи своего родного языка; его неловкие попытки выразить свою мысль вызывали громкий, веселый смех молодой девушки. Но Рольф не обижался на это; он смеялся вместе с ней, и они прескоро болтали, хотя каждый понимал лишь половину того, что говорил другой.

Своеобразное обаяние внешности Сильвии и ее манер, которое подчинялись все, кто имел с ней дело, сказалось и здесь. Обычно довольно угрюмый егерь старался что было сил быть рыцарски любезным, что выходило прекомично. Он явно восхищался своей молодой спутницей. Эта хрупкая, изящная девушка вела себя просто и так храбро ступала своими хорошенькими, маленькими ножками по переплетшимся древесным корням, точно выросла в горах, а грозных туч не боялась совсем.

У Сильвии в самом деле был талант альпинистки, хотя она впервые в жизни попала в горы. С тех пор, как она выросла, отец всегда проводил с ней в Гунтерсберге короткое время летнего отпуска, да и вообще не расставался с дочерью. Она знала только шумную суету Берлина и тихую, уединенную жизнь в своем родовом имении; теперь странствования в окрестностях Альфгейма среди чуждой ей северной природы представляли для нее много нового и заманчивого, и она особенно сердилась на принца за то, что он донес отцу о ее одиноких утренних прогулках. Разумеется, его целью было вызвать запрещение отца и навязаться в спутники, а потому она решила доказать ему, что его будущая супруга вовсе не намерена позволять командовать собой. Когда же он еще и обиделся, то она решила дать ему урок; она действительно шла в Исдаль, который принцу хотелось непременно самому показать ей, причем предпочла взять с собой егеря.

Дорога, шедшая почти все время лесом, стала спускаться под гору. Путники слышали отдаленный глухой шум, становившийся все громче и ближе. Вдруг тропинка прервалась, сосны расступились, и они очутились у входа в величественную скалистую долину, все дно которой было усеяно огромными каменными глыбами. В конце ее с отвесной крутизны низвергался водопад, наполняя своим ревом всю долину, по которой мчался затем шумным, пенистым потоком. Всюду сверкал голубовато-белый лед глетчера.

Сильвия невольно остановилась, пораженная этим зрели-

щем, и торопливо спросила:

– Это и есть Исдаль?

Рольф утвердительно кивнул. Они достигли цели путешествия, и он собрался, уже было, начать пояснения, считая это своей обязанностью как проводника, но девушка остановила его:

– Я знаю, принц подробно описывал мне это место, и я найду дорогу к водопаду одна. Оставайтесь здесь, Рольф, и ждите меня.

Старого охотника немного удивило это приказание, но он не смел рассуждать; если барышня желала идти к водопаду одна, значит так было надо. Водопад был недалеко, и с дороги сбиться было невозможно, поэтому он преспокойно уселся на камень. Сильвия пошла дальше по течению горного потока. Вдоль берега вилась охотничья тропа среди множества камней и скал, которые точно росли из земли, так как лежали здесь уже несколько столетий; по ним ковром стлались мох и густой плющ, а между нами, цепляясь за жизнь, росли сосны, впиваясь корнями в каменистую почву. И все-таки на всем этом лежала печать уединенной пустыни и разрушения, как в те времена, когда много веков назад горный обвал похоронил здесь под собой все следы жизни.

Вероятно, в то время и возникла сага, которую знал каждый ребенок в рансдальских горах, и которая для народа даже теперь была не просто сказкой. Когда-то, в древние-древние времена, Исдаль представлял цветущую горную долину

с зелеными лугами, шумящими лесами и многочисленными поселениями; он был самой богатой и прекрасной местностью во всей окрестности, потому что его охранял сам могучий громовержец Тор, победитель великанов, отгонявший от него все злые силы. Здесь в те времена седой старины стоял посвященный Тору жертвенник, и здесь люди молили его о помощи и благословении. Но вот в страну проникло христианство, и древние боги должны были уступить место новой вере. Храмы и жертвенники были разрушены, священные деревья срублены, и на их месте воздвигли крест. Для рансдальских гор настало время, когда в них пришли чужие священники и стали проповедовать евангелие. Тогда святилище Тора было уничтожено, и народ преклонил колени перед символом искупления. Но древний северный бог отомстил людям, изменившим ему, и месту, служившему теперь другой вере; загремел гром, засверкали молнии, и самая высокая из окрестных вершин рухнула в долину, раздробленная мощной рукой Тора. Рассыпавшиеся глыбы погребли под собой все живое; деревья были поломаны, зеленые луга засыпаны голым щебнем. А потом морозы и туманы завладели опустошенной долиной, где были лишь смерть и уничтожение. Горы, некогда увенчанные лесами, застыли под ледяным покровом, в ущельях и трещинах залегли облака; на самом верху, там, где прежде высилась царственная вершина, засверкало огромное снежное поле глетчера, и из его недр побежал бешеный поток Ран; он ринулся в глубь до-

лины, пенясь и шумя, прокладывая себе дорогу к Рансдалю, чтобы там влиться в фиорд. На том же месте, где некогда возвышался жертвенник громовержца, очутился исполинский обломок скалы, а на нем были начертаны руны, которые ни один человек не мог разгадать. Сам Тор высек их, когда навсегда покидал свое разоренное святилище, и с тех пор долина, окруженная обледенелыми вершинами, стала называться в народе Исдаль.

Это была зловещая сага. Правда, во всех норвежских сагах было что-то гнетущее, мрачное; они были не по нраву молодой девушке, и ее привело сюда только любопытство. Здесь не было веселых эльфов, светлых образов, как в сказках, в которых, как только злые чары теряют силу, все снова воскресает во всей прежней красоте и великолепии и все кончается радостью и ликованием; здесь почти всегда звучало горе и жалоба.

Вчера Сильвия слушала рассказ принца Альфреда без особенного интереса; только здесь, среди этого ландшафта, она почувствовала всю грозную, таинственную прелесть древней саги. Зассенбург говорил правду – Исдаль не был красив, но подавлял своей величиестью; по мере углубления в эту пустыню грудь сдавливало какое-то буквально цепенящее чувство.

Тропинка вдоль потока была не безопасна, потому что пена плескалась часто у самого ее края, и каждый неосторожный шаг мог стать роковым. Однако девушка не дума-

ла об этом и бесстрашно шла дальше. Вдруг она остановилась в удивлении; она была не одна в этом уединении – в нескольких сотнях шагов впереди к ней спиной стоял человек в охотничьем костюме. Вероятно, этот охотник подстергал дичь, потому что совершенно не двигался; однако он стоял, не прячась, на открытом со всех сторон месте и к тому же Сильвия заметила, что ружье было у него за спиной. Ее с первого взгляда поразила его высокая фигура, в ней было что-то знакомое, а из-под шляпы выбивались густые белокурые волосы; сомнения не было, это был «северный кузен-медведь».

Бернгард стоял в стороне от тропинки, у подошвы скалы; что-то в этой скале поглощало, по-видимому, все его внимание. Он не слышал легких шагов подходившей девушки, совершенно заглушаемых шумом воды, пока она не остановилась совсем рядом и не окликнула его по имени:

– Бернгард!

Он вздрогнул, но прошло несколько секунд, прежде чем он медленно, нерешительно обернулся; лицо его имело какое-то странное выражение: в нем было что-то вроде тайного ужаса, исчезнувшего только тогда, когда он узнал свою кузину.

– Сильвия, ты? – воскликнул он с изумлением и глубоко перевел дух.

– Ты так испугался, точно тебя окликнуло привидение! – шутливо сказала она. – Уж не думал ли ты, оборачиваясь,

что сзади стоит призрак? У тебя было как раз такое лицо.

Бернгард уже овладел собой, но не поддержал шутки.

– Как ты попала в Исдаль? – спросил он с удивлением. – И ты одна?

– Не совсем; вот там сидит егерь из Альфгейма. Он привел меня сюда. Я только хотела одна пройти к водопаду, или, скорее, к... Ах, да вот он, сказочный рунический камень! Я узнаю его по описанию.

Она случайно взглянула наверх скалы, у которой они оба стояли. Это был тоже один из обломков обрушившейся горы, только он стоял совершенно прямо, точно монумент, и был выше остальных. Как и у других, его поверхность выветрилась и потрескалась; только передняя сторона представляла широкую плоскость и на ней по темному камню шли странные линии и знаки – древние таинственные рунические письмена.

– Принц Альфред рассказал мне вчера сагу об Исдале, – продолжала Сильвия, подходя ближе, чтобы рассмотреть эти знаки. – Ты знаешь ее?

– Конечно, – равнодушно ответил Бернгард. – У нас тут сколько угодно сказаний о горах и о море. Но ты ведь хотела идти к водопаду; если позволишь, я провожу тебя.

– Потом, сначала я хочу рассмотреть завещание Тора. Правда, что ключ к этим рунам еще не найден?

– По крайней мере, так говорят. Господа ученые усердно исследовали их, сняли с них слепки, но до сих пор еще на-

прасно ломают над ними головы. Очевидно, нет возможности прочесть эти извилистые знаки, а нам, профанам, это и давно не по силам.

– Разве ты этим не интересуешься? Ты так фанатично любишь Норвегию...

– Ее природу, а не старые камни и надписи, – перебил де-вушку Бернгард. – Вон тот водопад, во всяком случае, гораздо красивее. Пойдем, я покажу тебе место, откуда ты увидишь его во всем его величии, не рискуя промокнуть. Право, он стоит того чтобы на него посмотреть.

Гоэнфельс говорил торопливо и с нетерпением и уже повернулся, чтобы пойти вперед, но именно его настойчивость заставила Сильвию насторожиться: он как будто хотел удалить ее с того места, где сам перед тем стоял как вкопанный. Зачем? Этой мысли было достаточно, чтобы вызвать противоречие с ее стороны. Вместо того, чтобы последовать за ним, она опустила на один из разбросанных вокруг камней.

– Нет, я устала, а водопад и отсюда очень красив. Вблизи, среди брызг, ничего не увидишь. Я предпочитаю посидеть здесь.

Бернгард промолчал и остановился, но она ясно заметила выражение сдержанной досады на его лице при ее отказе. Что такое было в этом руническом камне, почему он не хотел, чтобы она оставалась здесь?

Сильвия ломала голову над этим вопросом, как будто лю-

буясь водопадом. Она была сегодня очень просто одета, как этого требовала прогулка по горам и погода: в светло-серый дорожный костюм, а на темной головке – такая же простая серая шляпа, обвязанная вуалью. К такому костюму пошел бы разве букетик сорванных по дороге лесных цветов, но вместо него на груди девушки были приколоты две только что распустившиеся розы редкой красоты. Они были из Альфгейма, их прислал принц вместе с извинением, что не может идти с ней на прогулку; это были одновременно отказ и просьба о прощении, но эта любезность нисколько не помогла принцу – девушка украсила себя его розами и отправилась с ними в Исдаль без него.

Это было единственное украшение ее сегодняшнего туалета, но даже в этот холодный, серый, туманный день, сидя на камне в небрежной и в то же время грациозной позе, обхватив руками колени, закинув голову назад и глядя вверх, девушка была так же очаровательна, как на «Орле», когда она стояла на палубе в белом платье, залитая ярким солнечным светом.

– Мы не виделись со времени нашего приезда в Рансдаль, – сказала она, снова начиная разговор. – Правда, ты тогда же объявил, чтобы мы не рассчитывали на твое посещение, но, кажется, Курт Фернштейн получил от тебя указание избегать Альфгейм, он тоже не показывается.

– Мне и в голову не приходило давать Курту какие-либо указания, – ответил Бернгард. – Вероятно, он будет у вас зав-

тра; так, по крайней мере, он говорил.

– А ты, разумеется, останешься в Эдсвикене? Принц говорит, что это очень интересная старинная усадьба и что ты, после долгого хозяйничанья в ней крестьян, снова превратил ее в барскую резиденцию. Право, мне хотелось бы побывать у тебя в гостях.

– Зачем? – резко спросил Бернгард.

Сильвия громко рассмеялась.

– Господин кузен, вы образец галантности! Я говорю, что хочу прийти к тебе в гости, а ты спрашиваешь: «Зачем?» И таким тоном, точно мой приход будет своего рода навязчивостью.

– Извини, но я, право, не могу угадать его цели, – холодно возразил он. – Впрочем, отец не позволит тебе, я больше не имею права на такую честь.

– Отчего? Неужели я не могу навестить своего двоюродного брата? Мы ведь старые друзья, еще с детства.

– Ты хочешь сказать старые враги? Совершенно верно.

– Ах, то было ребячество! Ты был резвым мальчиком, а я – слабым, болезненным существом. Такие не нужны на вашем сильном, свободном севере, таких отвозят подальше в море, на самое глубокое место, и бросают в воду, к русалкам и водяному.

Бернгард прикусил губу.

– Ты этого еще не забыла?

– Нет.

Сильвия смотрела на него вверх с улыбкой, но в ее глазах отражалось что-то угрожающее, жуткое; в эту минуту они были совсем темными. То были «глаза призрака», которые так ненавидел когда-то мальчик, потому что всегда чувствовал себя под влиянием каких-то чар, когда смотрел в них. Правда, теперь он видел, как хороши стали эти глаза, но они не утратили своей прежней мучительной власти.

– Я достаточно поплатился тогда за свою грубость, – насмешливо сказал он. – Меня удалили от тебя, сослали в наказание в Оттендорф, и я несколько недель был в немилости у дяди. Хотя теперь я должен извиниться перед тобой; ты доказала, что не боишься моря и ветра, и разыграла из себя на «Орле» даже «нимфу бури», как поэтически выразился принц Зассенбург.

– Да, ему часто на ум приходят остроумные и поэтические сравнения. У тебя, их, конечно, не бывает?

– У меня для этого нет ни предрасположенности, ни времени.

Бернгард поддерживал разговор с едва скрываемым нетерпением; он опять старался отделаться от того загадочного, смутного ощущения, с которым был вынужден бороться уже при первой встрече с Сильвией, только на этот раз его не так-то легко было стряхнуть с себя. Он ясно чувствовал, как это ощущение все сильнее овладевает им, и, может быть, именно под влиянием этого чувства его обращение с красавицей-кузиной делалось все более резким и неприязненным.

Она очень хорошо видела, что его тяготит ее общество, но не желала отпускать его на свободу. Она еще помнила, как сердился и раздражался мальчик, когда она пристально смотрела на него, и теперь не сводила глаз с его лица.

– Скажи, ты всегда так любезен как сегодня? – задорно спросила она. – Или только я одна пользуюсь привилегией видеть тебя во всем блеске твоих северных наклонностей? Среди своих обледенелых гор и рунических камней ты превратился в медведя. Из тебя выйдет не очень-то приятный муж. Почему ты не представил нам своей невесты? Мы до сих пор не знакомы с ней.

Эта тема была затронута впервые; при свидании на «Орле» об этом не было сказано ни слова; гордый, обидчивый Бернгард понял молчание родственников как нельзя лучше, и это доказал его горький ответ:

– Неужели вы серьезно считаете меня способным на такую бестактность?

– Бестактность? Но ведь мы самые близкие твои родственники.

– Которые до сих пор совершенно игнорировали мою помолвку. Я тогда же по всем правилам вежливости уведомил о ней дядю, равно как о том, что вышел в отставку. Он ни на то, ни на другое не отозвался ни одним словом. Это просто для него не существует.

– Ты выказал непокорность, этого папа не прощает, а что касается твоего выбора, то благодаря нему Гунтерсберг бу-

дет потерян для рода Гоэнфельсов, так как ты последний его представитель. Не можешь же ты требовать, чтобы папа радовался этому. Но все-таки папа рыцарски вежлив и принял бы твою невесту с полным уважением как будущую родственницу.

– Вероятно, с таким же уважением, как меня при встрече в Рансдале. Я хотел избавить Гильдур от такого приема; довольно и того, что его вынес я.

Девушка сдвинула брови. Этот неисправимый упрямец, которого надо было силой заставлять увидеться с родственниками, один был виноват в разладе, а теперь он же сердился и делал вид, будто с ним поступили несправедливо. Вся его фигура, выражавшая ледяной отпор, еще яснее, чем слова, говорила: «Оставьте меня в покое! Я больше не ваш!»

Разговор, принимавший все более раздраженный характер, стих. Слышны были только рев и грохот водопада. Огромный глетчер наверху как будто был бесконечным, потому что его границы исчезли в тумане, и влажная дымка, словно белое туманное одеяние, окутала мощную струю водопада, с неудержимой силой несшегося вниз по тесному каменному руслу. Вокруг поднимались горы, голые и зазубренные, иссеченные трещинами, с отвесными, изорванными стенами. Облака заволокли вершины, в ущельях клубился туман, а сквозь него и облака мерцал лед, давший свое название долине. Он покрывал возвышенности, наполнял расщелины и впадины, как будто низвергающийся вниз поток

вдруг по мановению волшебной палочки остановился в своем беге и окаменел. Правда, летнее солнце пыталось разрушить чары и снять с гор ледяные оковы: с вершин струилась вода, но освобожденные узенькие ручейки расплылись в мелкие брызги при быстром падении и, не достигая dna долины, образовывали по ее стенам как бы белую развевающуюся вуаль горной нимфы. Над всем этим расстилалось мрачное небо, по которому бежали тяжелые грозовые тучи.

Наконец Бернгард прервал молчание.

– Не мешает подумать о возвращении домой, Сильвия, – напомнил он сестре, – до Альфгейма часа два ходьбы; погода едва ли продержится так долго, а тебе нечего надеть...

– У Рольфа мой зонтик и плащ, – перебила она. – Они вполне защитят меня.

– Они пригодятся, надо ждать проливного дождя. Где ты оставила егеря? Вероятно, при входе в Исдаль? Я хочу проводить тебя, дорога по берегу Рана скользкая... Пойдем!

Сильвия встала, но на ее губах играла легкая насмешливая улыбка.

– Значит, тебе надо, во что бы то ни стало прогнать меня с этого места? Ты один имеешь право тут быть?

– Что это тебе пришло в голову? – воскликнул Бернгард. – Я и не думал...

– Гнать меня? Но ты очень хочешь, чтобы я ушла. Ты, наверно, желаешь остаться наедине со своим таинственным рунным камнем? Когда я подошла к тебе, ты был погружен в

его созерцание, и, разумеется, присутствие такого профана, как я, мешает тебе.

Бернгард не ответил. Шутка, очевидно, задела его. Когда же девушка сделала вид, что желает еще раз взглянуть на руны, он быстрым движением стал между ней и камнем, точно хотел закрыть его собой.

– Право, Бернгард, ты, кажется, суеверен! – насмешливо воскликнула она. – Ты веришь старой народной сказке, она для тебя какая-то святыня! О, это прелестно!

– Не смейся, Сильвия! Тут не над чем насмехаться. – На его лице появилось выражение не то гнева, не то горя.

Всякая другая женщина отказалась бы от шуток, но в Сильвия проснулась ее страсть мучить, ее старая вражда детских лет. Наконец-то она нашла слабое место у этого неуязвимого человека!

– Какой ты сердитый! – продолжала она насмехаться. – Точь-в-точь громовержец Тор собственной персоной! И стоишь передо мной так, как будто собираешься защищать его последнюю волю ценой жизни. Ведь, кажется, прочитав эти таинственные руны все равно невозможно. Только тому, кто угадает заветный час и произнесет заветное слово, они раскроют свои секреты, станут понятны, и он прочтет в них свою судьбу. Ты видишь, я посвящена в тайну саги. Может быть, ты уже вопрошал судьбу и прочел надпись?

Она взглянула на него загадочными глазами, о которых никогда нельзя было сказать – ласкают они или же угрожают.

– Нет, – резко ответил Бернгард, – но я знал человека, который прочел ее.

– А! И что же он вычитал?

– Смерть!

Это страшное слово должно было прекратить всякие насмешки. Шаловливая веселость Сильвии исчезла, на нее повеяло холодным ужасом. Однако она сразу же восстала против этого непривычного чувства, и тихий смех, милый, но в то же время оскорбительный, опять слетел с ее губ.

– Ты хочешь напугать меня своими страшными сказками, как пугал в детстве, описывая бурю? – воскликнула она. – Ну, нет! Ты не достиг цели; напротив, во мне проснулось желание самой когда-нибудь испытать бурю, и теперь ты только сделал сагу еще интереснее. Я вовсе не создана для «мечты и веры в волшебство», как называет это принц Альфред, но ведь настоящие чары покоряют и неверующих. Будем надеяться, что Тор окажется настолько галантным, что позволит мне прочесть что-нибудь получше, чем то, что он определил твоему приятелю. Боже мой, какое у тебя страшное лицо! Право, сегодня к тебе опасно приближаться. На всякий случай я запасусь талисманом.

Сильвия нагнулась, собираясь выдернуть пучочек мха у подножья скалы, но Бернгард схватил ее за руку и отдернул назад, запальчиво крикнув:

– Не тронь! Не дотрагивайся до камня! Это кровавые руны; здесь, на этом месте, погиб мой отец!

Девушка с ужасом отшатнулась.

– Дядя Иоахим?

– Он лежал на этом мху весь в крови, глядя неподвижными, мертвыми глазами вверх. Последним, что он видел, были эти знаки.

– И ты... ты говоришь мне это только теперь?

– Ты вынудила меня к этому... Ну, что же? Ты будешь и теперь шутить над этим?

Сильвия побледнела и боязливо отошла дальше.

– А мой отец... знает это? – спросила она.

– Нет. Ему известно только, что его брат лежит на рандальском кладбище. Это место знаем только я и Гаральд Торвик; мы подняли отца и снесли вниз.

– С ним случилось несчастье на охоте, я знаю, – тихо сказала Сильвия. – Ты был при этом?

Бернгард угрюмо покачал головой и отвернулся.

– Нет, я бродил с ружьем внизу, в лесу. Гаральд, направившийся сюда, в Исдаль, прибежал отсюда сломя голову и позвал меня к отцу... уже мертвому.

Слова срывались с губ молодого человека едва слышно, с усилием, а слышавшаяся в них дрожь была не горем, а глухим гневом. Десять лет прошло с того дня, когда его кумира не стало, когда он узнал, что отец, бывший для него всем, ушел из этого мира добровольно и бросил его одного, но он до сих пор не мог относиться к этому спокойно.

Все громче ревел и грохотал водопад. Ветер ворвался в

долину и с протяжным свистом пролетал вдоль ее скалистых стен. Окрестная пустыня вдруг проснулась и наполнилась жуткой жизнью; в этом свисте, шипенье и реве точно слышались голоса призраков, которые хрипло шептали о чем-то. Нельзя было разобрать, что они говорят, но в них чувствовалось дыхание смерти и уничтожения.

Бернгарду эти звуки были знакомы, он достаточно часто слышал их, приходя на место, где умер его отец, но и Сильвия с безмолвным ужасом вслушивалась в эти голоса стихии, говорившие с ней на незнакомом ей языке. Наконец она как-то робко, тоскливо проговорила:

– И он умер один! Хотя бы ты был рядом в его последний смертный час!

Бернгард стиснул зубы; для него слова Сильвии были пыткой. Он хотел во что бы то ни стало прекратить разговор и с этой целью опять ответил прежним резким неприязненным тоном:

– Оставь это! Ты даже не знала его; какое тебе дело до того, как он умер?

– Он был единственным братом моего отца.

– Осужденным, отвергнутым! Его имя вспоминалось в семье не иначе как имя погибшего человека. Конечно, твой отец рассказывал тебе об этом. Он ведь с такой любовью относился к своему единственному брату! Именно он хотел принудить молодую, горячую голову, необузданно рвавшуюся на свободу, надеть на себя цепи рабства в тихом, почтен-

ном Гунтерсберге! Он обрек моего отца на несчастный брак, и он же постоянно настроивал родителей против их бывшего любимца! И он достиг цели, он...

– Не смей ничего говорить против моего отца! – остановила его Сильвия. – Он старался спасти брата для семьи и родины, равно как старался спасти и тебя. Вы не захотели; это ваше дело, но вы не смеете упрекать его в чем бы то ни было!

Бернгард никак не ожидал от нее такого рьяного заступничества, однако тотчас же коротко и презрительно усмехнулся.

– Вероятно, мне следует благодарить его за «отеческое попечение»? Я был свободным мальчиком, выросшим на море и в горах, я не знал ни оков, ни стен; он посадил меня в ротенбахскую тюрьму, в это образцовое шлифовальное заведение, где диких птиц превращают в ручных, порой даже путем насилия. Он позаботился о том, чтобы я испытал эту силу, но ручным я не стал; и только научился молчать и ждать, когда пробьет мой час. Твой отец всегда считал себя всемогущим; каждому он навязывал свою волю, но потерпел поражение при столкновении со мной и с моим отцом, не пожелавшим преклоняться перед своим братом, а я не преклоняюсь перед министром, продолжающим повелевать и стремящимся вместе со своей страной заправлять половиной мира. Он уже почти достиг этого; во всем мире, где только представлена Германия, представлен он. Ты можешь гордиться своим от-

цом!

Это был необузданный взрыв накипевшего гнева, жаждущего мести, отплаты за предыдущие бессердечные насмешки. Сильвия выпрямилась, глаза ее сверкали.

– О, да, я горжусь своим отцом! – воскликнула она. – Имя Гоэнфельсов известно всюду и переживет его и его род. Все взоры устремлены на него, как на вождя, все доверяют ему, слушают его. Разумеется, я горжусь и счастлива тем, что я его дочь. Чего достиг в жизни твой отец? И кто такой ты в своем Рансдале, где ты хочешь жить и умереть?

Бернгард невольно отступил на шаг назад. Неужели это была та самая прелестная, насмешливая девушка, скрывающая под своей красотой коварство, в одно и то же время и чарующая, и язвящая? Она вдруг стала совсем другой и стояла перед ним, пылающая гордостью, вся охваченная бурным порывом.

«Кто такой ты?» Этот же презрительный безмолвный вопрос был написан на лице министра во время их последнего свидания. Именно это беспрерывно грызло молодого человека и было источником его страшного раздражения против дяди. Теперь этот вопрос бросили ему прямо в лицо, и он не мог вытерпеть этого. Он хотел возмутиться, но не находил слов, не находил оружия против правды. Кем, в самом деле, был он в Рансдале? Одним из многих, человеком, которого никто не знает, который никому не нужен, тогда как другой Бернгард Гоэнфельс стоял на высшей ступени иерар-

хической лестницы.

– Уж не станем ли мы продолжать спор наших отцов? – угрюмо спросил он. – С ним было покончено, прежде чем ты родилась, а когда я приехал в Германию, ты была ребенком. Разве можешь ты знать, что сделал мне твой отец? Я же знаю, я хорошо узнал его!..

– Ты не знаешь его! – перебила Сильвия. – Ты всегда вынуждал его только бороться с тобой. Разве ты знаешь, легко ли ему это было? Ведь ты последний представитель его рода; у него не было сына; я осталась его единственным ребенком и своим жалким прозябанием доставляла ему лишь заботы и огорчения. Моя мать... она была светской дамой и жила только для общества, для меня у нее никогда не было времени. Я часто не видела ее целыми днями; ее тяготил больной ребенок, а у меня ведь были бонны⁴ и няньки. – Глубокая горечь слышалась в этих словах, но вдруг взволнованный голос девушки стал тише и зазвучал удивительно мягко. – Зато отец никогда не давал мне это почувствовать, никогда! Как часто далеко за полночь, встав из-за письменного стола, он заходил в мою комнату и наклонялся над моей постелькой!

Я сквозь сон чувствовала его присутствие, когда хватала его руку и не выпускала ее, он терпеливо ждал, чтобы я опять крепко заснула... Это он, всегда обремененный заботой и позволявший себе спать всего несколько часов в сутки. Правда, с тех пор как я здорова, он бывает часто строг со

---

⁴ **Бонна** – воспитательница детей.

мной, но от него я все снесу! Он может наказывать меня, и я буду целовать ему руки.

Она говорила как бы в забытьё; в ее голосе прорывались нотки страстной любви, глаза влажно блестели. Но она не получила ответа; Бернгард молча смотрел на нее не отрываясь, точно стоял перед загадкой.

Его молчание обратило на себя внимание Сильвии. Она как будто только теперь заметила, что позволила себе увлечься так же, как он; быстрым досадливым движением она откинула голову назад и закончила речь словами:

– Никогда больше не будем затрагивать эту тему. Я не могу вынести ни малейшего порицания отцу, а ты не в силах отказаться от своей наследственной ненависти к нему; я вижу это по твоему упорному молчанию.

– Я молчу только от удивления, – медленно проговорил Бернгард. – Ты, кажется, любишь превращения, я сейчас видел одно из них. Какое из лиц твое настоящее?

– Худшее! Я могу быть очень плохой. Итак, бойся меня!

– Я не труслив, – холодно ответил он.

– Тем лучше! Ах, как красиво! Солнце прорвалось сквозь тучи! Посмотри!

В самом деле, это было поразительное зрелище. Быстро мчавшиеся облака стали еще гуще, темнее, но вдруг расступились в одном месте и оттуда прорвались лучи солнца во всем своем ослепительном великолепии. На несколько минут грозные вершины скал и вся каменная пустыня загоре-

лись ярким пламенем; рассыпающиеся водяной пылью ручейки высоко по краям долины заискрились и заиграли; лед глетчера мерцал синевато-зеленым сиянием, водопад ослеплял своей белизной, а в окружающем его в облаке брызг стояла радуга. Но это длилось лишь несколько минут. Солнце скрылось, и тяжелая, угрюмая тень легла на весь Исдаль; все стало опять холодным и бесцветным, как смерть. Раздался громкий крик, и между каменными глыбами показался старик-егерь. Его встревожило длительное отсутствие барышни, он отправился искать ее. Теперь он увидел ее вместе с владельцем Эдсвикена.

– Иду, Рольф! – крикнула ему в ответ Сильвия. – Тебе незачем провожать меня, – обратилась она к двоюродному брату. – Прощай!

– Прощай! – коротко ответил он и отступил, давая ей дорогу. Сильвия еще раз посмотрела на руны, отколола с костюма розы, и молча положила их на мох у подножья камня. Это была немая, но трогательная просьба о прощении. Затем она ушла, ни разу не оглянувшись.

Рольф ждал ее; казалось, и он был озабочен состоянием погоды и пошел впереди, чтобы предупредить девушку об опасных местах на узкой тропинке. Наконец они оба скрылись за скалами.

Бернгард неподвижно стоял на прежнем месте. Перед ним находился мрачный и грозный рунный камень с древними загадочными письменами, покрывавшими его выветрившу-

юся поверхность, но там, где когда-то лежала голова несчастного Иоахима, прочитавшего в этих рунах свою смерть, теперь благоухали две свежие розы, и сын почившего смотрел на них пристально и неподвижно, словно у него не было сил оторвать от них взгляд.

Тучи заволокли все вершины; в пропастях клубился туман, глетчер исчез под ним, и лишь едва заметно сквозь него белела полоса водопада. Вся долина наполнилась волнующейся массой облаков, и так же по-прежнему раздавались шипящий свист и шепот, производившие жуткое впечатление чьего-то голоса. Может быть, в нем звучала древняя исдальская сага с ее неразрешимой загадкой – смысл этих рун скрыт от глаз смертных, но бывает роковой час и существует роковое слово; кто узнает их, тот прочтет руны и свой приговор: смерть или жизнь!

Курт Фернштейн нанес визит в Альфгейм и, передавая поклон от отца, сообщил и об обручении своей сестры. Молодой агроном сделал ей предложение и получил согласие. Старик Фернштейн был очень рад, что приобрел в лице зятя нового сына взамен сбежавшему. Он написал министру длинное письмо, полное восхвалений жениху дочери; это человек совершенно в его вкусе, прекрасно знающий сельское хозяйство, обладающий к тому же еще и порядочным капиталом, который он принесет с собой в Оттендорф, так как управление последним, разумеется, перейдет со временем в его руки. Пока же они собираются хозяйничать вместе, так что Кети остается в доме отца. Словом, все устраивалось как нельзя лучше и к общему удовольствию.

В Альфгейме эта новость вызвала оживленное обсуждение. Сильвия и Кети Фернштейн всегда дружили, а Гоэнфельс знал, как близко принимал к сердцу друг его юности вопрос о будущем старинного родового поместья. Теперь оно оставалось за семьей, только сына заменял зять. В душе министра шевелилось горькое чувство, когда он с обычным спокойствием поздравлял Курта; его Гунтерсбергу было суждено перейти в чужие руки. Ближайший наследник отказался от своих прав. Это был рок; очевидно, Бернгард, как и его отец, был не совсем нормален; его брак с Гильдур

Эриксен лишал его родового имения, майорат переходил к дальним родственникам, которых Гоэнфельс почти не знал и которые даже не носили его фамилии; старинный род кончался с ним и его племянником.

Во время этого визита о Бернгарде почти не говорили. Курт извинился перед хозяином за товарища, сославшись на какой-то предлог, принц принял его из вежливости, так как и не надеялся видеть молодого Гоэнфельса в Альфгейме, пока там был министр. Последний не вспоминал даже имени племянника, Сильвия сказала о двоюродном брате лишь несколько слов вскользь, умолчав о вчерашней встрече в Исдале.

Несколько дней спустя, в воскресенье, Бернгард пришел утром с Куртом в Рансдаль. К ним присоединился Филипп Редер, чтобы вместе идти в церковь. Он никогда не пропускал воскресной службы, хотя не понимал ни слова из проповеди на норвежском языке; но он целый час сидел на церковной скамейке рядом с Ингой Лундгрэн, и это было щедрым вознаграждением. Было еще слишком рано, и Бернгард сначала пошел к Гаральду Торвику, получившему отпуск на все время, пока «Орел» стоял на якоре, и жившему у матери. Упрямый норвежец не являлся в Эдсвикен; вероятно, он ждал, чтобы сначала пришли к нему. Бернгард решил доставить ему это удовольствие и отправился к Гаральду, но рассчитал свой визит так, чтобы обедня могла послужить ему предлогом сократить его и уйти через какие-нибудь четверть

часа.

Филиппу Редеру это пришлось очень кстати. Оставшись с глазу на глаз с Куртом, он заговорил торжественным тоном:

– Хорошо, что мы, наконец, одни, Курт! Мне нужно поговорить с тобой об одном весьма странном деле. Ты позволил себе удивительные вещи! Покорнейше прошу тебя объяснить!

– Что случилось? Удивительные вещи? Объясниться? Смысл твоих речей совершенно неясен для меня.

– Мне хочется надеяться, что тут только недоразумение, – взволнованно продолжал Филипп. – Во-первых, что ты наговорил Христиану Кунцу о моих болезнях? Если я и был болен, то исключительно душевно, а этот мальчик вдруг приносит мне какую-то мазь для втирания от рансдальского доктора, и уверяет, что это превосходное средство от ревматизма – его отец всегда и употребляет ее... У меня никогда не было ревматизма, и вообще я совершенно здоров. Что это тебе взбрело в голову?

Губы молодого моряка подозрительно дрогнули; он отчетливо помнил, как убеждал наивного Христиана в поразительном сходстве ревматизма с мировой скорбью, но к таким последствиям не был подготовлен. Он сочувственно покачал головой и произнес:

– Вот что значит говорить с необразованным человеком о высоких материях! Я хотел объяснить Христиану твою мировую скорбь, а он спутал ее с ревматизмом. Должно быть,

это единственная болезнь, которую он знает. Но, собственно говоря, трогательно с его стороны, что он старается помочь тебе. Я бы уже из одной благодарности применил его мазь; может быть, она помогает и в случаях тяжелых душевных заболеваний.

– Пожалуйста, без насмешек! Я вообще больше не верю тебе; ты в высшей степени странно вел себя по отношению ко мне и фрейлейн Лундгрэн, и переводил ей выражения, которых я совсем не говорил. Ты просто извращал мои слова!

– Откуда же ты знаешь это? – перебил его Курт, – неужели ты вдруг постиг тайны норвежского языка? Ты ведь не мог заучить даже несколько слов, а в пасторате никто не говорит по-немецки.

– Но ведь Христиан говорит на обоих языках и переводит дословно; об этом мне сказала фрейлейн Лундгрэн.

– Ах, вот в чем дело!

Теперь моряку стала ясна связь между обстоятельствами. В последнее время у Инги появились сомнения, и она добралась до истины, воспользовавшись помощью Христиана, часто приходившего с поручениями своего хозяина из Эдсвикена. Конечно, Редер был подвергнут допросу относительно того, что именно он говорил и что было сказано ему, и тут-то и выплыли на свет Божий «вольные» переводы Курта.

Филипп, по-видимому, лишь наполовину понял, в чем дело, но он с раздражением продолжал:

– Ты постоянно рассказывал ей о том, что мне измени-

ла невеста и что я безгранично несчастен из-за этого. Черт возьми! Я давно оправился после всей этой истории и даже почти забыл о ней.

– У меня складывается не совсем хорошее впечатление о твоих нравственных качествах, – наставительно сказал Курт. – И месяца не прошло с тех пор, как ты торжественно уверял меня, что никогда больше не будешь любить, что женщины не существуют для тебя с того дня, как одна из них изменила тебе, и вдруг теперь ты преспокойно начинаешь ухаживать за другой! Я считал тебя человеком с характером, а ты оказываешься совсем пустым малым! Этого я никак от тебя не ожидал!

Фернштейн состроил самую серьезную физиономию, хотя с трудом удерживался, чтобы не расхохотаться.

– Неужели же я должен навеки отказаться от счастья потому только, что меня раз надули? – отпарировал Филипп. – И не подумаю! Я так и сказал фрейлейн Инге, конечно, через Христиана, и даже намекнул ей, где я нашел утешение и где рассчитываю найти свое счастье. Теперь она знает это.

– Вот как! И как же она приняла это?

– О, так, как я и не ожидал! – с торжеством ответил Филипп. – Она была глубоко тронута, протянула мне руку и сказала: «На вас я не сержусь. Вы были только жертвой, вы добрый человек!» Это слово в слово; я потом заставил Христиана еще два раза повторить мне то, что она сказала.

– Да, ты добрый человек, – согласился и Курт с растроган-

ной миной, – жертвенные бараны всегда отличаются кротостью. Итак, на тебя она не сердится? Значит, весь свой гнев она сконцентрировала на мне и мне следует ожидать страшнейшего нагоняя?

Филипп злорадно улыбнулся. Он, правда, не знал всего, что позволил себе его школьный товарищ, потому что Инга не снизошла до объяснений, узнав, как были переведены ее ответы, но она при этом сжала руки в кулачки и даже сердито топнула ногой. Курт мог радоваться: его ожидала хорошая головомойка. И поделом! Он всех дразнил и всюду вносил раздоры. Вообще он был бесчувственным человеком, потому что вместо того, чтобы принять все близко к сердцу, только весело свистнул и тихо проговорил:

– Значит, опять расцарапаемся! Милая история!

Впрочем, заслуженная кара постигла Курта не сразу, потому что, придя в пасторат, они застали молодых девушек уже готовыми идти в церковь, но по тому, как Инга поздоровалась с молодым моряком, уже было видно, что его ждет. Редеру она демонстративно дружелюбно подала руку и сказала самым любезным тоном несколько слов, которых он, к сожалению, не понял; Фернштейн же не удостоился ни взгляда, ни слова. Инга смотрела мимо него, точно его и вовсе тут не было.

Тем пристальнее смотрел на нее Курт, объясняя, почему Бернгард придет позднее. Она была сегодня очаровательнее, чем когда-либо. Маленькая Инга привезла с собой большой

чемодан с нарядами, предназначавшимися для Бергена; там они выполняли свое назначение, кружа голову бедняге Акселю Ганзену, пока невеста не сбежала от него вместе с чемоданом и не направилась с ним в Рансдаль. Теперь она щеголяла в этих туалетах по берегу фиорда на удивление рансдальцам и к легкому недовольству пастора.

Гильдур была в своем воскресном черном шелковом платье и светлой соломенной шляпе, украшенной только лентами, тогда как на ее молодой родственнице был туалет из легкого батиста с нежным розовым узором по белому фону и шляпа с розами. Это было слишком элегантно для здешней обстановки, но удивительно шло ей, и Курт видел это.

«Кажется, она вырядилась специально для предстоящей сцены суда! – подумал он про себя. – Неужели же мне, черному грешнику, питать почтение к этому розовому мотыльку? Но, в самом деле, она очень хорошенькая, и если Филипп будет продолжать так бесстыдно тарашить на нее глаза, то окончательно спятит с ума».

Действительно, Редер не спускал глаз с молодой девушки. Он делал попытки завязать разговор с помощью нескольких отрывистых норвежских фраз; однако из его стараний ничего не выходило, несмотря на то, что Инга с трогательным терпением ждала результатов его усилий. Она поощряла его улыбками и обращалась с ним поразительно приветливо. Курт знал, что все это делается с единственной целью рассердить его, и, к удивлению, это все-таки его сердило до

такой степени, что он испытывал преступное желание свернуть товарищу шею или сбросить его в фиорд.

Появился пастор, и все двинулись в церковь.

Прихожане были уже в полном сборе, только Бернгард немного запоздал; он пришел вместе с Гаральдом, когда орган уже играл, и началось пение. Чтобы не мешать, оба остановились пока в дверях.

Между тем по безлюдной улице Рансдаля быстро проехал удобный, легкий, горный экипаж принца Зассенбурга. Он сам правил великолепными лошадьми; рядом с ним сидела Сильвия, а сзади размещался слуга. Они остановились перед церковью, принц выпрыгнул из экипажа, помог выйти Сильвии, и они быстро прошли в храм.

Пели уже второй куплет гимна, когда дверь тихо открылась. Гаральд, стоявший к ней спиной, не заметил этого, но видел, как Бернгард вдруг вздрогнул и перестал петь; тогда он обернулся, и увидел только что вошедших принца Зассенбурга и баронессу Гоэнфельс. Церковь была переполнена, но у самой кафедры на первой скамейке, оставалось два свободных места, и принц повел туда Сильвию; они поздоровались легким поклоном и сели.

– Отчего ты не поешь? Потерял голос? – буркнул Гаральд под музыку органа.

Бернгард не ответил; его глаза не отрывались от только что вошедшей пары. Что значило это появление? Зассенбург никогда не бывал в рансдальской церкви, а для Сильвии про-

поведь на норвежском языке была непонятна. Они знали, что служит пастор Эриксен и что его дочь, разумеется, будет присутствовать, и все-таки приехали. Или, может быть, именно потому они и приехали?

Гаральду, очевидно, пришла в голову та же мысль, потому что он насмешливо проговорил:

– Надо полагать, этот визит относится к твоей невесте и пастору. Что-то смахивает на всемилостивейшее признание! Только немножко поздно!

– Тс-с... мы в церкви! – остановил его Бернгард так же тихо, но, бросив на него сердитый взгляд; когда же начался третий куплет гимна, то его сильный баритон присоединился к общему хору.

Гаральд замолчал, но его глаза со странным выражением остановились на товарище детства; тот не обратил на это внимания и, воспользовавшись короткой паузой после пения, быстро прошел через церковь и встал около своей невесты. В его поступке было что-то вызывающее, точно он хотел показать всем, где его место. Он простоял там до конца службы.

На кафедру вышел пастор. Он уже раньше увидел двух гостей; принца он знал и догадывался, кто сидящая рядом с ним дама, но для него это был приятный сюрприз, который он объяснил себе как знак примирения.

Рансдальский приход был довольно солидный, но церковь представляла простое деревянное здание без всякой отдел-

ки, с большими, светлыми окнами по обе стороны и с единственным украшением в виде алтарного иконостаса. Мужчины и женщины, наполнявшие этот скромный дом Божий, были грубые, по большей части сильные, закаленные непогодой и тяжелым трудом люди, многие, чтобы посетить церковную службу, должны были совершить длинное путешествие в лодке, но это никого не заставило остаться дома, пришли все. Они сидели молча и серьезно, внимательно глядя на пастора, и солнечный свет окружал мягким золотым сиянием эту трогательную в своей простоте картину. Так же проста и незатейлива была проповедь пастора: «Если я говорю языком человеческим и ангельским, а любви не имею...» Пастор Эриксен не был талантливым оратором, и почти тридцатилетняя жизнь в Рансдале не расширила его кругозора, но он хорошо знал, что нужно было его крестьянам, и давал им это советом, благословением и примером. Призыв к любви и кротости бывал иногда не лишним в среде этого сурового народа, огрубевшего в вечной борьбе с природой в горах и на море и считавшего слабостью всякий душевный порыв. Гаральд Торвик, стоявший у церковных дверей, воплощал в себе дух этого упрямого и своевольного народа, и его губы не раз дрогнули горькой насмешкой при словах пастора.

А между тем эти слова сегодня звучали особенно тепло. Появление чужестранцев казалось пастору вестником мира, и когда он закончил проповедь словами: «... но любовь превыше всего», взоры его кротких глаз со счастливым выраже-

нием остановились на дочери и молодом человеке рядом с ней, который скоро должен был стать его сыном.

По окончании службы принц Альфред и Сильвия пошли из церкви на кладбище. Гаральд Торвик, уже стоявший на погосте с несколькими мужчинами, поклонился; принц был хозяином судна, на котором он служил, а баронесса Гоэнфельс пользовалась его уважением с тех пор, как проявила свою смелость во время бури. Но сегодня он окинул ее каким-то мрачным, пытливым взглядом, а затем перевел его с тем же выражением на Бернгарда, только что пришедшего со своей невестой.

В церкви завязывать знакомство, разумеется, было неудобно, здесь же, на погосте, его нельзя было избежать. Бернгард поздоровался с принцем и двоюродной сестрой, и та так непринужденно протянула ему руку, как будто эта встреча была делом простого случая; затем она обратилась к Гильдур:

– Вы невеста моего кузена, не правда ли? Нужно ли мне называть себя? Я Сильвия Гоэнфельс и надеюсь на дружеский прием с Вашей стороны.

Бернгард собирался, было взять на себя роль переводчика, но Зассенбург, говоривший по-норвежски, опередил его и перевел ее слова Гильдур. Последняя несколько сдержанно приняла это родственное приветствие проговорив:

– Мне очень жаль, что я не могу приветствовать вас на вашем языке, фрейлейн фон Гоэнфельс. Вам придется удо-

вольствоваться ответом на норвежском.

– Фрейлейн фон Гоэнфельс? – улыбнулась Сильвия. – Но, Гильдур, как близкие родственницы мы можем отбросить такие церемонии. Прошу вас, по крайней мере, звать меня по имени, если вы пока не согласны на большее.

Сильвия, любезно произнося эти слова, не сводила глаз с лица Гильдур, а та в свою очередь спокойно и серьезно смотрела на нее.

На молодой баронессе сегодня было платье из нежной белой ткани; ее туалет казался очень простым, но в действительности стоил дорого из-за роскошной кружевной отделки. Впрочем, Гильдур не могла знать этого, ей не хватало кругозора для оценки такого наряда, но она видела красивое лицо, большие, влажно блестящие глаза, чувствовала невыразимую прелесть всей внешности Сильвии, и в ней вдруг опять шевельнулось смутное, тоскливое ощущение, предчувствие чего-то недоброго, неприятного.

Подошла и Инга с двумя молодыми людьми. Разговор с ней не представлял никаких затруднений. Правда, по-немецки она не говорила, но зато бегло владела английским, так же как принц и Сильвия, а потому Бернгард, знакомя их друг с другом, говорил на этом языке. Разговаривая, они дошли до ворот, где ждал экипаж. Слуга уже стоял с вожжами в руках, готовый передать их принцу, но тот сделал ему знак подождать и заметил как бы вскользь, обращаясь к Бернгарду:

– Я еще должен нанести визит пастору, и фрейлейн фон

Гоэнфельс желает познакомиться с ним. Может быть, это возможно сегодня?

– Пожалуйста, ваша светлость, мы будем очень рады, – вежливо, но сдержанно ответил Бернгард.

Зассенбург сделал вид, что не замечает этого. Он не впервые был гостем в пасторате, этим же летом не нанес визита из уважения к положению, которое занял министр по отношению к помолвке своего племянника. Тем удивительнее показался всем этот шаг к сближению.

Придя из церкви, пастор застал в гостиной двух посетитель и искренне выразил свое приятное удивление. Этот семейный раздор всегда тяготил его и нередко повергал в тяжелое раздумье относительно того, хорошо ли он поступает, давая свое согласие, так как он приписывал разрыв единственно обручению Бернгарда с его дочерью; о более важном и глубоком конфликте между министром и племянником, происшедшем много лет тому назад, он не имел понятия – Бернгард никогда не говорил о родне без крайней необходимости, да и в таких случаях сообщал лишь самое необходимое. Теперь дело как будто шло к примирению, и первый шаг делала противная сторона.

Завязавшийся разговор носил довольно странный характер. Пастор говорил по-норвежски преимущественно с принцем и своим будущим зятем, Инга болтала то по-английски с гостями, то по-норвежски со своими родственниками, выказывая при этом полнейшее самообладание и

непринужденность в обращении с посторонними людьми. Зассенбург, часто обращавшийся к ней, казалось, находил знакомство с ней таким же приятным, как и Сильвией, и Курт замечал это с тайным чувством удовлетворения. Что касается его самого, то он все еще не удостоился чести быть замеченным; молодая девушка делала вид, что не видит его.

Сильвия была центром внимания. Она старалась втянуть в разговор Гильдур, но тут огромным препятствием служило различие языков; правда, и Бернгард, и Зассенбург весьма услужливо помогали им, но так как каждая фраза требовала перевода, то это придавало беседе натянутый характер. Сильвия была в этом не виновата – она была сегодня увлекательно любезна; не прошло и четверти часа, как она завоевала симпатию пастора и Инги. Филипп Редер тоже смотрел на нее с восторгом; Курт впервые видел ее такой приветливой. Она увлекла, по-видимому, и принца, потому что он тоже был необыкновенно оживлен.

Только на одного человека ее чары не действовали. Бернгард принимал участие в разговоре с безукоризненной вежливостью, на которую гости имели право рассчитывать, но оставался холоден и неприступен. Временами его взгляд с каким-то загадочным выражением останавливался на двух молодых девушках, сидевших рядом – на Сильвии, воздушной, блестящей, подобной светлому эльфу, и на Гильдур в черном платье, воплощении будничной действительности, далекой от мечтательного мира сказок. Однако эта красивая

белокурая девушка с серьезными, энергичными чертами лица, полная силы и оригинальности, не теряла от такого соседства. Она была молчалива, но не проявляла ни смущения, ни неуверенности; она, невеста Бернгарда, чувствовала, что именно в настоящую минуту, в этом обществе должна завоевать себе свое будущее место, и держала себя с гордым спокойствием и достоинством.

Через полчаса гости начали собираться домой. Бернгард подошел к окну, чтобы посмотреть, подан ли экипаж; за ним, как бы случайно, последовал принц. Он сказал тихо, но с ударением:

– Мы думали, что наше посещение доставит здесь удовольствие, но вам оно, кажется, неприятно?

Бернгард, понизив голос, ответил:

– Не знаю, как мне его понимать. Дяде о нем известно?

– Нет, но будет известно, когда мы вернемся.

– И тогда вам с Сильвией придется поплатиться за него.

– Непременно; мы к этому подготовились. Не впервые нам приходится устраивать государственный переворот, когда мы расходимся во мнениях с его превосходительством.

– Вот как! – Бернгард закусил губы. – Может быть, такой государственный переворот тоже был, когда меня пригласили на «Орел»?

– Пригласили? – повторил принц, слегка смутившись. – Я только известил вас о приезде ваших родных. Я считал себя обязанным...

– Простите!.. Наше знакомство прошлым летом было слишком поверхностным, чтобы давать мне право ожидать такой любезности. Вероятно, я обязан этим одной Сильвии?

– Вы просто загнали меня в угол, – смеясь, возразил Зассенбург. – Ну, хорошо, да! Баронессе Сильвии хотелось увидеть своего двоюродного брата, о котором у нее сохранились только смутные воспоминания из детства, а сегодня ей захотелось познакомиться с его невестой. Надеюсь, это вполне понятные и естественные желания. Не оттолкнете же вы этой белой голубки мира! Кто знает, может быть, она несет нам масличную ветвь.

– Едва ли! Старание помирить меня с дядей – неблагодарный труд. Он не простит мне того, что я устроил свою жизнь по собственному вкусу, не считаясь с его желаниями, а я не нуждаюсь в его прощении. К тому же он вернется в свою Германию, а я останусь в Норвегии; таким образом, мы никогда больше не увидимся.

– Вы так уверены в этом? – спросил принц, бросая взгляд на Сильвию, которая в эту минуту поднялась с места. – Я надеюсь, что мои милые гости еще не раз приедут ко мне.

Бернгард промолчал. Он понял намек принца на будущую жену, и хотя мысль об этом браке не была для него новостью, но эти слова поразили его как неожиданность, почти как удар в сердце. Смешно! Что за дело было ему до этого?

Беседующие разошлись в разные стороны. Сильвия подошла к ним и протянула Бернгарду руку на прощанье; в про-

должение нескольких секунд они стояли друг против друга в стороне от остальных. До сих пор они ни словом, ни взглядом не упомянули о встрече в Исдале, кончившейся чуть ли не ссорой, но теперь в обоих как будто вспыхнуло старое чувство вражды. Мрачные глаза Бернгарда ясно выражали невысказанный словами вопрос: «Что тебе надо здесь?», а в глазах Сильвии опять загорелся тот странный огонек, значение которого он не мог себе объяснить. Потом она быстро отвернулась и обратилась к его невесте:

– Прощайте, Гильдур, будьте счастливы!

Гильдур получила поцелуй, Инга – улыбку и несколько слов на прощанье, а пастор – рукопожатие; затем «белая голубка мира» выпорхнула из пастората. Принц последовал за ней.

Курт и Бернгард проводили гостей до экипажа. Когда он отъехал, Курт спросил, удивленно качая головой:

– Что все это значит?

– Каприз, ничего больше! – ответил Бернгард очень жестко. – Пойдем, Курт! Нечего стоять да смотреть вслед его светлости! Авось, найдется дело поинтереснее... Идем же!

В голосе Бернгарда звучали горечь и насмешка, но в дверях дома он сам обернулся и бросил долгий взгляд вслед экипажу, который скрывался в эту минуту за домами Рансдаля.

Дорога шла сначала по берегу фиорда, затем поворачивала в горы. Зассенбург гнал лошадей так, что они летели как вихрь. Наконец он обратился к Сильвии с некоторым упре-

КОМ В ГОЛОСЕ:

– Ну вот, ваше желание выполнено. Но какой прием ждет нас дома, в Альфгейме, когда нам придется каяться, это другой вопрос.

Сильвия слегка пожала плечами.

– Мне хотелось увидеть рансдальскую церковь и побывать на норвежском богослужении. Не могла же я, в самом деле, пройти мимо своего двоюродного брата и его невесты как мимо чужих, когда случайно встретила с ними там.

– Случайно? И вы думаете, нам поверят? Если бы мы хоть одним словом обмолвились о нашем плане, он стал бы невозможен. Его превосходительство издал бы «указ», против которого не посмели бы пойти ни вы, ни я.

– Я знаю, папа запретил бы нам, а я хотела видеть невесту Бернгарда.

– А теперь, когда вы увидели ее?

– Я представляла ее себе совсем другой! – медленно проговорила Сильвия.

С Гильдур принц уже был знаком; во время своих визитов в пасторат он каждый раз видел ее, хотя большей частью мельком. Теперь он серьезно сказал:

– Эта девушка очень хороша собой и, наверно, добра. Она будет прекрасной, домовитой хозяйкой в Эдсвикене, а большего ваш кузен, кажется, и не требует.

– Должно быть, он все-таки любит ее, хотя и не подает вида, – заметила Сильвия. – Но я представляла ее себе совсем

другой. Мой отец, при всей своей энергии, не мог справиться со своевольным племянником – в конце концов, тот таки вырвался из-под его власти; Гильдур же сумела приобрести такое влияние над ним, что он терпеливо налагает на себя узы брака, тогда как раньше не выносил даже ничего похожего на ограничение его свободы. Я представляла ее гордой, сильной женщиной, вроде невесты викинга, плавающей вместе с ним в бурю на его судне; эта же тихая, простая девушка с серьезными голубыми глазами...

– Будет, пожалуй, самой подходящей для него женой, – договорил за нее Зассенбург. – Такие натуры ждут от дома только мира и покоя после бурь, которые выдерживают в море. Он ведь почти все время проводит в плавании, и едва ли что может измениться; он моряк до мозга костей и не усидит на суше, ему нужна жена, которая не стесняла бы его ни в чем и терпеливо ждала бы возвращения супруга. Неужели вы этого не понимаете?

– Я понимаю, что можно выбрать себе такую жену, но не понимаю, как ее можно любить!

В этих словах Сильвии послышалось такое странное раздражение, что Зассенбург удивленно посмотрел на нее, но потом пожал плечами и спокойно проговорил:

– По крайней мере, ради нее никто не стал бы жертвовать Гунтерсбергом. Но Бернгард Гоэнфельс – исключительная натура, он нерасчетлив, как был его отец. Наша попытка к сближению была принята без всякой благодарности с его

стороны, а между тем нам придется из-за нее выдержать бурю.

– Вы боитесь? Я скажу отцу, что вы сначала решительно отказывались ехать со мной и уступили лишь тогда, когда я объявила что отправлюсь одна. Тогда вам отпустят ваше прегрешение.

– Извините, но я не отступлюсь от своих прав соучастника и требую своей доли наказания. Но на этот раз дело обстоит совсем иначе, чем тогда с нашим невинным приглашением на палубу «Орла». Мы устроили демонстрацию перед всем рансдальским приходом, который был свидетелем того, как вы встретились с женихом и невестой и вместе с ними отправились в пасторат. Это равносильно их признанию, тогда как ваш отец самым решительным образом отказывает в нем. На этот раз мы можем быть уверены в полной немилости вашего отца, и он будет прав.

Сильвия отлично понимала это, тем не менее сделала по-своему и вынудила своего спутника подчиниться; но только теперь она ясно почувствовала, какой гнев должен вызвать ее поступок со стороны отца.

Может быть, Зассенбург прочел эти мысли на ее лице; после короткой паузы он опять заговорил:

– Есть одно средство предотвратить бурю. Позвольте мне пойти к вашему отцу и сказать ему, чтобы он не упрекал вас, потому что я разрешил вам то, что он безоговорочно запретил, и что я имею на это право. Только сначала я должен по-

лучить это право от вас.

Сильвия великолепно поняла значение этих слов, но ничего не ответила.

Альфред наклонился к ней и страстным, дрожащим голо- сом продолжал:

– Я уже так давно жду! Неужели вы не дадите мне, на- ко- нец, этого права? Сильвия...

Он хотел взять девушку за руку, но та быстро отдернула ее.

– Ваша светлость! Мы не одни!

Это было сказано не обычным насмешливым, шаловли- вым тоном, которым она до сих пор встречала попытки принца к объяснению; ее восклицание прозвучало неуверен- но, сдавленно, и это придало ему решимости.

– Мы не одни, – произнес он, – но мы можем отослать экипаж вперед. Мне очень хотелось бы показать вам ту лес- ную тропинку, которая ведет к верхнему мосту через Ран; она красива, а вы еще не видели ее... Вы позволите?

Сильвия продолжала молчать; она смотрела не на прин- ца, а вдаль, но ее взгляд имел какое-то застывшее, мрачное выражение. Зассенбург остановил лошадей – он решил не отступать – и, передавая поводья слуге, произнес громко и твердо:

– Мы здесь выйдем и пойдем через лес пешком. Поезжай вперед и жди у верхнего моста. Прошу вас, баронесса!

Сильвия медленно повернулась к нему все с тем же за-

стывшимся выражением. Принц уже стоял на дороге и протягивал руки, чтобы помочь ей выйти из экипажа; одно мгновение он держал в объятьях ее стройную белую фигуру, затем она проворно спрыгнула на землю и сказала:

– Хорошо, пойдемте.

Лицо принца вспыхнуло от оживления, наконец-то она согласилась выслушать его! Они сошли с широкой проезжей дороги и свернули в сторону, в прохладный, душистый сосновый лес, еще окропленный утренней росой и местами пронизанный солнечным светом. Сильвия прошла вперед по узкой тропинке, но через минуту Альфред шагал уже рядом с ней.

– Взгляни на меня, Сильвия! – тихо попросил он. – Дай мне сначала прочесть в твоих глазах руны моей судьбы!

Она невольно вздрогнула. Руны судьбы! Эти слова внезапно пробудили в ее душе воспоминание о том часе в Исдале, когда она, ничего не подозревая, с насмешкой спросила, какую судьбу предсказали руны загадочной надписью ее несчастному дяде, и получила от Бернгарда суровый, мрачный ответ: «Смерть!» По ее телу пробежала дрожь; ей захотелось убежать, ей показалось, будто из чаши леса отдаленное эхо донесло это страшное слово, но теперь было уже поздно – путь, по которому они шли, тоже был указан судьбой, жребий был брошен.

К визиту Сильвии и принца в пасторате отнеслись по-разному. От всего сердца был рад ему лишь пастор Эриксен; он предполагал, что на этот визит было получено разрешение министра, и потому видел в нем окончание семейной распри. Одного только он не понимал: почему его будущий зять отнесся так холодно к предупредительности родственников и избегает всяких разговоров об этом. Зато он отвел душу перед Куртом, который волей-неволей должен был слушать, хотя его голова была занята совсем другим.

Из окна рабочего кабинета пастора был виден садик, в котором Инга и Филипп продолжали выяснять свои отношения. Очевидно, это им не удавалось, потому что через некоторое время они позвали Христиана Кунца: Курт был так занят своими наблюдениями, что иногда совершенно не слушал пастора и отвечал невпопад. Он испытывал величайшее желание выскочить в сад и положить конец этому разговору, но пастор все не отпускал его.

Между тем жених и невеста были в гостиной. Бернгард стоял у окна, скрестив руки, Гильдур же прибирала в комнате; потом она подошла к жениху и сказала вполголоса:

– Ты не в духе? Ты, кажется, не рад их приезду?

– А ты рада ему? – спросил он, не изменяя позы.

– Твоя кухня была очень мила со мной, и мне, конечно,

следовало бы быть ласковее, но мы не можем говорить без переводчика, оттого я и была так молчалива.

Бернгард обернулся и обнял невесту за плечи.

– Ты вела себя именно так, как следует, моя умная, гордая Гильдур! Ты не ударила перед ними в грязь лицом... благодарю тебя!

Это была похвала, но в тоне Гоэнфельса слышались волнение и гнев. Вдруг он бурно привлек к себе невесту, и несколько горячих поцелуев обожгли ее губы. Она с изумлением, почти растерянная, вырвалась из его объятий и воскликнула:

– Бернгард, что с тобой?

– Что со мной? Разве я не могу поцеловать свою невесту?

– Ты никогда не целовал меня так.

Действительно, холодный, мимолетный поцелуй, который она получала от жениха встрече и расставании, был вовсе не похож на эту почти дикую ласку.

Гоэнфельс возразил деланно шутливым тоном:

– Ты должна принимать меня таким, какой я есть. Я не гожусь в галантные кавалеры, как дамский угодник принц Зассенбург, который всегда весь к услугам своей дамы.

– Своей дамы? В самом деле, он так сопровождает Сильвию, точно имеет на это право. Они обручены?

– Пока еще нет, но что это будет, кажется, нельзя сомневаться. Однако довольно о них. У меня есть к тебе просьба, Гильдур, большая просьба... Ты выполнишь ее?

– С удовольствием, если смогу.

– Разумеется, сможешь. Наша свадьба назначена на конец октября, но зачем, в сущности, мы будем так долго ждать? Что мешает нам обвенчаться через месяц? Скоро я отправлюсь с Куртом в давно задуманную поездку на север; тем временем в Эдсвикене все будет подготовлено, и как только я вернусь, мы отпразднуем свадьбу... Ты согласна, не правда ли?

Он говорил торопливо, стремительно, слова буквально слетали с его губ.

Гильдур была так удивлена, что в первую минуту не знала, что ответить.

– Но почему? – спросила она, наконец. – По какой причине?

– Потому что... потому что в таком случае Курт мог бы быть на нашей свадьбе. Он самый дорогой мой друг, и мне не хотелось бы, чтобы он отсутствовал в такой день.

– Отпуск Курта Фернштейна кончается через месяц, а вы предполагаете путешествовать именно столько времени.

– Так мы вернемся раньше. Скажи только «да», а все остальное, все уладится.

Но Гильдур покачала головой и сказала спокойно и решительно:

– Нет, Бернгард, нельзя.

– Почему? Неужели для тебя так важно все это шитье да вышиванье для приданого? Что не будет готово, то можно

сделать потом, когда ты станешь моей женой; времени у тебя будет достаточно, а устройство Эдсвикена я беру на себя. Все вещи давно уже заказаны, и надо только написать в Дронтегейм, чтобы их выслали раньше. Не оставляй меня одного в долгие, темные, осенние месяцы, а не вынесу их! Ты ведь уже принадлежишь мне; я хочу, ты чтобы была полностью моей.

В настойчивости Бернгарда чувствовалось скорее лихорадочное нетерпение, чем любовь; может быть, другую невесту это расположило бы к уступчивости, но Гильдур осталась при своем мнении.

– Нельзя, – твердо повторила она. – Мы еще при обручении назначили день свадьбы; это день рождения отца, и он хочет отпраздновать его нашим венчанием. Весь Рансдаль знает это и что скажут, если мы так вдруг изменим свое решение без всякой уважительной причины и обвенчаемся буквально впопыхах?

– Что мне за дело до болтовни рансдальских мужиков? – воскликнул Бернгард. – Пусть себе говорят, что им угодно! По крайней мере, у них будет занятие в их медвежьем углу. Мне-то что до этого?

Он сам не подозревал, как много выдавали эти грубые слов; они ясно дали понять, какую цену имело в его глазах все, что его окружало. Гильдур побледнела, но возразила внешне спокойно:

– Однако до этого есть дело мне и моему отцу. Он пастор, ему, так же как и мне не может быть безразлично, если лю-

ди станут шептаться и делать разные предположения. Я уроженка Рансдаля...

– Ну, конечно, я все это знаю, – нетерпеливо перебил Бернгард. – Это отговорки, Гильдур, а мне нужен ответ. Если у меня появилось такое желание – назови его капризом, упрямством, чем хочешь, но если я прошу тебя стать моей женой через месяц, если я требую этого...

– То я спрашиваю тебя – почему?

Это был простой, естественный вопрос, но Бернгард не мог на него ответить, и его долго сдерживаемое раздражение прорвалось, наконец, наружу. Он выкрикнул повелительно:

– Потому что я этого хочу! Слышишь, Гильдур? Я хочу!

Она посмотрела на него своими серьезными голубыми глазами, в которых выразался немой тяжелый упрек, потом откинула голову назад, и с ее губ слетело холодное и твердое:

– А я не хочу! Вот тебе ответ.

Бернгард невольно отступил на шаг назад. Неужели это его спокойная, нетребовательная невеста, всецело поглощенная своими домашними обязанностями, всегда соглашавшаяся с ним, когда он чего-нибудь желал или требовал? Даже тогда, когда он так настойчиво потребовал, чтобы она не занималась домашними делами в присутствии Курта, она молча покорилась. Он нашел, что это в порядке вещей; разумеется, Гильдур должна была занимать в его доме первое место, но после него; ей предоставлялись все права хозяйки, но во всем остальном она должна была подчиняться тому,

что находил нужным ее муж. И вдруг теперь она так решительно проявляла свою волю! Что это значило?

– Тебя так пугают людские пересуды? – сказал он с презрительной усмешкой. – Я думал, что у тебя больше гордости. Я не признаю за этим народом права судить о моих поступках.

– Не говори так презрительно об этом народе! Ты вырос между «рансдальскими мужиками» и добровольно выбрал себе родиной их «медвежий угол».

– Но я никогда не общался с ними на равных. Я знал Гаральда, но он будет капитаном, как и его отец, и так же мало принадлежит к числу остальных рансдальцев, как и я.

– Однако он хочет принадлежать к ним и гордится этим. Именно Гаральд упрекает тебя в том, что у тебя еще слишком глубоко в крови сидит дух барства, что ты не можешь отделаться от прошлого, от которого отрекся твой отец. Боюсь, что он был прав, предостерегая меня.

– Так Гаральд предостерегал тебя? И притом против меня? И ты, моя невеста, приняла к сведению его предостережения?

Гильдур молчала. Она не могла сказать жениху, что послужило поводом для того разговора и предостережения. Он не должен был даже подозревать о признании Торвика, иначе обоих ждали неприятности. Уже один этот упрек оскорбил Бернгарда, потому что он гневно топнул ногой, после чего продолжал:

– Старая песня Гаральда! Прежде он вечно пел ее мне, а теперь хочет настроить тебя, чтобы и ты жалила меня тем же. Но заметь себе, Гильдур, я этого больше не стану выносить. Я вернулся в Рансдаль и остаюсь здесь; я устроил себе дом у вас, выбрал жену у вас, я думаю, этого с вас довольно. В каких отношениях я с моими родными и своим старым отечеством – это касается только меня, и я никому не намерен давать отчет.

– Никому? Даже твоей будущей жене? – спросила Гильдур, твердо глядя на него.

– Нет! Значит, ты не согласна венчаться раньше?

– Нет! – произнесла она сухо и резко.

Несколько секунд они стояли, глядя друг другу в глаза; потом Бернгард холодно проговорил:

– В таком случае пусть все остается по-старому. Извини, что я побеспокоил тебя своей просьбой.

Он опять отошел к окну, как бы показывая, что разговор окончен. Но он не был окончен для этого человека, так мрачно смотревшего на залитый солнцем ландшафт. Он хотел укрыться под защиту этого брака, укрыться от чего-то, в чем не желал признаваться даже самому себе, и что все более и более овладевало его существом. Он боялся того времени, когда Курта больше не будет с ним, боялся остаться один со своими мыслями и мечтами, которые и теперь уже мучили его. Все это должно пройти, как только Гильдур войдет в его дом и будет возле него, – это непременно должно прой-

ти! Тогда между ним и всеми безумными, бессмысленными мечтаниями встанет долг, близость жены будет ежечасно напоминать ему, что он дал ей слово, поручился своей честью. Таких уз не разрывают.

Гильдур не ответила ни полслова и собиралась молча выйти на комнаты, но, взглянув на жениха, заметила, что его лицо подергивается от сдерживаемой муки, и вдруг поняла, что его так повелительно выраженное требование было вызвано не капризом или упрямством, что за ним крылось нечто совсем другое, что-то тяжелое.

Этого было достаточно, чтобы обезоружить ее; она подошла к жениху и, положив руку на рукав его сюртука, позвала:
– Бернгард!

Он оглянулся, встретился с ее глазами, робко искавшими его взгляда, и вдруг притянул девушку к себе так же дико и порывисто, как перед этим.

– Прости, Гильдур! Ты права, совершенно права! Я признаюсь в этом, но ты не знаешь, каково у меня на душе.

Гильдур не вырвалась, но ничего и не спросила; она опустила голову на его плечо и тихо сказала:

– Ах, как я хотела бы, чтобы твои родные не приезжали!

Он еще крепче прижал ее и угрюмо произнес:

– И я хотел бы!

Вошедший в эту минуту пастор улыбнулся, увидев, что Бернгард быстро выпустил невесту из объятий. Он не заметил их настроения и безмятежно осведомился, скоро ли обед

и будет ли обещанное ему любимое блюдо. Гильдур пошла на кухню, но на душе у нее было тяжело, хотя она и занималась обычными делами.

И надо же было этим чужим людям явиться сюда! Вместе с ними для Бернгарда вернулось оставленное им в Германии прошлое со всеми воспоминаниями. Гаральд был прав: это прошлое все еще держало его в своей власти. Прошлое! Гильдур и в голову не приходило, что не прошлое, а настоящее грозило ее счастью.

Отделавшись, наконец, от пастора, Курт стремительно направился в сад. Его давно занимала одна мысль, а сегодня он окончательно понял, что именно Инга Лундгрэн необыкновенно подходит для роли будущей адмиральши Фернштейн. Она была сегодня так очаровательна в этом розовом платье! И как восхитительно выходило у нее, когда она вдруг перекакивала с одного языка на другой, как игриво, непринужденно шутила она с Сильвией и принцем! Она во всех отношениях годилась для упомянутого высокого положения, которое, правда, отделялось от настоящего еще многими инстанциями. Несмотря на это, лейтенант считал более практичным заручиться адмиральшей немедленно. Сейчас он, правда, находился в страшной немилости, но вытекающая отсюда необходимость просить прощения и следующее затем примирение могли послужить чрезвычайно удобным случаем для объяснения... Итак, вперед!

Однако, прежде всего нужно было сплавить Филиппа Ре-

дера, совершенно здесь лишнего, а это было нелегким делом, потому что Филипп отличался завидным постоянством: если ему где-нибудь нравилось, то он там и оставался, и его не так-то легко было выжить, а в пасторате ему, к сожалению, даже слишком нравилось.

«Я спроважу его, во что бы то ни стало, хотя бы мне пришлось собственноручно вытолкать его», – решил Курт и с этими «дружескими намерениями» вышел в коридор.

Тут он столкнулся с Христианом Кунцем, который был в прекраснейшем настроении, потому что земляк имел обыкновение оплачивать его услужливость звонкой монетой. Но лейтенант, очевидно, в сквернейшем настроении, потому что без всяких предисловий накинулся на ничего не подозревавшего юношу:

– Хорошую ты мне заварил кашу! Небось, надеешься крепко засесть здесь и стать присяжным переводчиком у тех господ? Черт бы тебя побрал с твоим норвежским языком!

– Я только переводил то, что говорили господин Редер и фрейлейн, – оправдывался обиженный Христиан. – Ведь без меня они не могут столкнуться.

– Ну, и что же они говорили? Я хочу сказать, что они говорили первый раз, когда ты показал свое блестящее знание языков? – спросил Курт, желая выяснить хоть это.

На физиономии матроса выразилось смущение.

– Собственно говоря, я не совсем понял и мне кажется, что господин Редер тоже не понял. Это было что-то пре-

смешное, но фрейлейн очень сердилась. Она сказала: «Это подлость!»

Слушателя бросило в жар при этом сообщении, но он продолжал экзаменовать:

– А о чем они говорили сегодня?

– Сегодня... – Христиан запнулся. Должно быть, в сегодняшних переговорах было что-то особенное, потому что он замялся и предпочел уклониться от прямого ответа. Наконец он произнес: – Господин Редер хочет учиться по-норвежски у фрейлейн. Но ведь он никогда не научится, так как не запоминает слов.

– Вот как! Так я его научу... основательно научу! – выкрикнул разъяренный Курт и ринулся в сад.

Здесь он сразу же столкнулся с Филиппом, который был в высшей степени довольный сегодняшним утром. Во-первых, он был представлен самому настоящему принцу и дочери знаменитого министра, а во-вторых, он считал последний разговор с Ингой весьма многообещающим. Его лицо сияло от удовольствия. К сожалению, его не пригласили на этот раз к обеду, а так как час обеда приближался, то ему не оставалось ничего больше, как отправиться домой.

– Где ты пропадал, Курт? – спросил он со злорадной миной. – Я был в саду с фрейлейн Лундгрэн. Мы чудесно провели время.

– А я вел степенные беседы с пастором, – ответил Курт. – Ты уходишь?

– О, я опять приду после обеда, – поспешил успокоить его Редер. Теперь я буду учиться норвежскому языку у фрейлейн Инги, и мы хотим начать сегодня же.

– Зачем, когда у тебя есть Христиан? В случае необходимости он сумеет объясниться за тебя и в любви, если ты дашь ему надлежащие инструкции, а сам тем временем упадешь на колени ипустишь в ход принятые в таких случаях взгляды и вздохи. Разделение труда! Это будет так современно!

– Я совершенно равнодушно воспринимаю твои колкости, – величественно заявил Филипп. – Ты завидуешь моему успеху у известной нам особы, я давно это вижу. Действительно, она никогда не отдавала тебе предпочтения, а теперь ты окончательно проиграл в ее глазах. Прощай, милый Курт! Отучайся от зависти! Кто знает, что может еще случиться здесь, в Рансдале, в течение ближайших недель!

Он ушел, высоко подняв голову и милостиво кивнув бывшему школьному товарищу. Последний посмотрел ему вслед и проговорил только два слова:

– Этакый баран!

Затем он тоже пошел навстречу суду и расправе. Ему и в голову не приходило серьезно принимать кокетливую игру Инги; она просто хотела наказать его, да он и заслужил наказание; но сносить эту игру дольше он не мог.

Садик пастората был маленький и скромный, но теперь, в середине лета, все на этом клочке земли цвело и благоухало. Пастор был большим любителем цветов и тратил много

труда и времени на уход за ними. Курт направился к беседке в конце садика, где виднелось светло-розовое платье. Там сидела Инга; на столе перед ней лежали только что сорванные цветы, и она составляла букет. Она не обратила ни малейшего внимания на пришедшего, но Курт решил на этот раз заставить ее увидеть себя.

– Можно войти? – спросил он. – Или я вам помешаю?

– Да, – последовал короткий ответ.

– Я все-таки попрошу выслушать меня. Неужели вы не позволите обвиняемому даже попытки оправдания?

– Я вас не обвиняла и не желаю слушать ваши оправдания.

Дерзкая самоуверенность Курта начала несколько колебаться; однако он все-таки вошел.

– Я знаю, за что вы сердитесь, и безоговорочно признаю себя виновным. Я пришел как кающийся грешник, молящий о помиловании; неужели мне будет в нем отказано?

Ответа не последовало, но видно было, что девушка сильно взволнована; руки, с нервной торопливостью перебиравшие цветы, дрожали.

– Инга!

– Меня зовут фрейлейн Лундгрэн! Прошу вас, господин лейтенант, оставьте меня одну.

– Когда вы меня помилуете, не раньше.

– В таком случае, я уйду! – и Инга, собрав цветы, готова была действительно уйти, но Курт загородил выход.

– Вы обращаетесь со мной, как с преступником! Что же

такого плохого я сделал? Передал ваши слова в немножко свободном переводе, чтобы подшутить над Филиппом. Это скверная старая привычка, укоренившаяся еще с детства; в Ротенбахе я всегда водил его за нос, а он этого не замечал. Но моя шутка была направлена не против вас; вас не может оскорбить то, что...

Он вдруг остановился, потому что Инга впервые за время разговора посмотрела на него; но взгляд ее обычно шаловливых карих глаз был теперь горд и мрачен.

– Что вы уверяете своего друга от моего имени, будто... ну, да, будто я влюблена в него! – резким тоном закончила она. Будто я без всякого стыда навязываюсь ему! Странное у вас понятие о девичьей гордости, если вы не находите это оскорбительным!

Взгляд и тон Инги показывали, как серьезно она относилась к этому. Курт был ошеломлен и почти растерялся. Он ожидал, что она разгневется, осыплет его упреками, а вместо этого она стояла перед ним с ледяной физиономией и говорила о вещах, которые и не приходили в его легкомысленную голову. Он возразил неуверенным тоном:

– Как вы можете так серьезно принимать шутку? Уверяю вас, у меня не было дурного намерения. Вы видите, я пришел с повинной. А что касается Филиппа, то, право же, не беда, если ему взбрела в голову какая-то глупость. Вы посмеетесь над ним и прогоните, он и узнает правду.

– Кто же говорит вам, что я прогоню его? Он ничуть не

виноват. И он уже знает правду – я только что открыла ему глаза.

– Вы говорили с ним об этом? Надо полагать, через Христиана?

– Разумеется, через Христиана. Вы заставили меня посвятить третье лицо в такие вещи, о которых говорят обычно не иначе как с глазу на глаз. К счастью, этот честный, наивный юноша немного понимает из того, что переводит. Я объяснила господину Редеру, что то, что он принял за навязчивость с моей стороны, было лишь сочувствием ему и его горю, что я совершенно не допускала возможности какого-либо чувства с его стороны. В последнем я ошиблась. Относительно него вы вполне достигли своей цели, и он высказал мне это так трогательно, что у меня не хватило духу рассердиться. Дело может кончиться иначе, чем вы предполагали.

Эти слова могли иметь только одно значение; от страха у молодого человека кровь бросилась в голову.

– Не может быть, чтобы вы говорили серьезно! – проговорил он сдавленным голосом. – Браните меня, накажите, но не грозите мне такой мезьтью.

– Я не понимаю вас! Какая мезьт? В какой степени это касается вас?

– Как это касается меня? – возмутился Курт. – Неужели вы не знаете? Я думал, что вы давно догадались! Я чувствую, что именно в настоящую минуту не имею права говорить, но если вы грозите мне такой возможностью, то я буду го-

ворить, буду, несмотря на риск! Я полюбил вас, Инга, с той самой минуты, когда мы вместе плыли в лодке к берегам вашего отечества. Я точно предчувствовал тогда, что это мое счастье плывет со мной, а вскоре после этого я окончательно понял, в чем мое счастье. Это горячее, глубокое чувство все росло во мне и, вы можете мне верить, что это правда. Не заставляйте же меня так жестоко платить за эту глупую шалость; не стойте передо мной с таким отрешенным лицом! Я не узнаю моего прелестного, веселого эльфа и не решаюсь просить вашей руки, а мне так хотелось бы схватить эту ручку и удержать в своей на всю жизнь... Можно?

В этих словах слышалась глубокая искренность, но произнесены они были слишком поздно; девушка отшатнулась, ее карие глаза засверкали гневом.

– Вы очень добры, но я требую от своего будущего мужа большего уважения, чем вы проявили по отношению ко мне. Вы утверждаете, что любите меня, и в то же время заставляете меня разыгрывать такую унижительную роль перед вашим другом, роль девушки, которая стремится, во что бы то ни стало поймать в свои сети мужчину и женить его на себе... и все это только ради того, чтобы позабавиться над нами обоими! Поищите себе другую, которая простила бы вам нечто подобное и вместе с вами стала бы смеяться вашей шутке, я же никогда не прощу вам! И после такого оскорбления вы еще осмеливаетесь просить моей руки! Ну, так вот же вам ответ! Видите? Так я бросаю вам под ноги ваше предложе-

ние!

С этими словами она действительно бросила к его ногам незаконченный букет.

Курт побледнел; такой реакции он никак не ожидал. В нем проснулась его мужская гордость.

– Фрейлейн Лундгрэн, – сказал он, с трудом сохраняя самообладание, – не было никакой надобности давать мне ответ в такой форме. Я извинился в мнимом оскорблении, а предложение сделал совершенно серьезно. Вы могли отвергнуть его, но такого обращения я не заслужил. Теперь мне, конечно, остается одно: в будущем держаться от вас подальше... Прощайте!

Он повернулся, чтобы уйти, но в дверях бросил назад еще один долгий, полный упрека взгляд.

Инга стояла, прижав руки к груди, точно подавляя в себе какое-то чувство. Она была бледна и едва не плакала; быть может, это были уже не слезы гнева. Курт видел это и еще с минуту медлил с уходом; он ждал слова или знака, малейшего намека, который позволил бы ему остаться, но ничего такого не последовало, и он, решительно подняв голову, вышел из беседки.

Как бодро, с какой уверенностью в победе, как самонадеянно шел молодой моряк навстречу «суду»! Он был твердо убежден, что стоит ему извиниться, и все будет улажено и забыто. Потом он хотел сделать предложение и заключить свою маленькую невесту в объятия... и вдруг!.. Все оказа-

лось намного серьезнее! Он недооценил молодую норвежку; она шутила и позволяла шутить с собой, но играть с ней было нельзя! И именно теперь он почувствовал, как глубоко проникла в его сердце любовь к ней. Но что толку? Все было кончено! Не мог же он вторично позволить так оскорблять себя! Нет, никогда! Он в самом деле проиграл, как злорадно предсказывал ему Филипп. И если Инга говорит серьезно, грозя такой мстью? От нее можно было ожидать этого; она ведь знала, какую глубокую рану нанесет ему этим. При этой мысли моряк вздрогнул от безграничной ярости и, входя в дом, пробормотал сквозь зубы:

– Пусть тогда Бог помилует этого Филиппа! Я сверну ему шею, прежде чем он успеет жениться!

Яхта «Фрея» стояла, готовая к отплытию, в бухте Эдсвикена. Христиан уже принес на палубу багаж своего хозяина и лейтенанта Фернштейна, а два матроса хлопотали над последними приготовлениями к отъезду; давно задуманное путешествие на север должно было, наконец, состояться, и Бернгард с Куртом пошли в пасторат прощаться.

Там в последнее время стало очень тихо, потому что молодая гостья из Дронтгейма, неожиданно залетевшая сюда и несколько недель, наполнявшая дом веселой болтовней и шалостями, так же неожиданно упорхнула – Инга внезапно почувствовала тоску по родине и объявила, что не может оставаться дольше. К тому же, Аксель Ганзен давно уже был в Бергене, и родители Инги, простив своей балованной любимице ее проделку, с нетерпением ждала ее домой. Итак, она уехала, а два дня спустя за ней последовал и ее верный рыцарь. Филипп Редер, объявивший Рансдаль прекраснейшим местом на всем белом свете, сделал открытие, что здесь страшно скучно и что целью его путешествия был, собственно говоря, Нордкап и что пора было направляться туда. Он воспользовался местным пароходом и отправился пока не в Дронтгейм. Инга сказала ему, что ее родители живут на даче в нескольких милях от города и что она едет к ним туда. Нельзя же было ехать вслед за ней без прямого пригла-

шения; к тому же у него не было на примете переводчика. Редер убедился, что ему следует научиться говорить по-норвежски; объясняться в любви через переводчика, как предлагал Курт, было все-таки неудобно. К тому же неизвестно, захотят ли будущие теща и тесть принять жениха, который станет просить руки их дочери, объясняясь при помощи мимики. Поэтому Редер вернулся к своему первоначальному маршруту и сел на норвежский туристический пароход. Там он волей-неволей научится этому проклятому языку во время длительного плавания. Он рассчитывал, что после этого, высадившись на обратном пути в Дронтгейме, уже достаточно проникнется обычаями севера и представится Лундгрёну в качестве достойного его зятя.

В то время как три матроса усердно работали на «Фрее», с гор спустился один из экипажей Зассенбурга. Рядом с кучером сидел егерь Рольф, а в экипаже – пожилой господин; он приказал остановиться на некотором расстоянии от городка и вышел вместе с егерем. Последний, очевидно, заранее получил наставления, потому что повел его не прямо в Рансдаль, а окольной дорогой, проходившей мимо лишь немногих самых маленьких домов; недалеко от церкви они свернули и вошли через заднюю калитку на кладбище.

Рольф вскоре указал на одну из могил и сказал вполголоса на своем ломаном немецком языке:

– Здесь! Тут и имя начертано.

Его спутник остановился и сделал ему знак уйти.

– Ждите у входа на кладбище. Если кто-нибудь из рансдальцев будет разговаривать с вами, не проговоритесь, что я здесь.

Егерь ушел, а господин подошел к указанной могиле. Это был простой зеленый холмик с большим крестом из темного камня и скромной надписью: «Иоахим Гоэнфельс».

Барон Гоэнфельс долго молча стоял у могилы брата. В его глазах застыло горькое выражение. Потом он перевел взгляд на соседний пасторат, из которого некогда получил извещение о смерти Иоахима и из которого теперь сын покойного брал себе жену.

А там в эту минуту прощались. Бернгард уезжал всего на две-три недели, но Курт уже не собирался возвращаться в Рансдаль, а хотел прямо с берега ехать домой. О том, чтобы ускорить свадьбу больше не было речи; жених не возвращался к этому вопросу, а Эриксен даже ничего не знал об этом.

Пастор простился с Куртом очень сердечно; он пожал руку ему и Бернгарду и пожелал им счастливого пути и благополучного возвращения. Он остался дома, а Гильдур пошла проводить молодых людей через сад, отделявшийся от кладбища совсем низенькой стенкой. Ей хотелось пойти с отцом в Эдсвикен посмотреть, как отойдет «Фрея» и помахать ей на прощанье платком, но Бернгард посмеялся над тем, что они собираются так торжественно провожать его на каких-нибудь две-три недели, и девушка отказалась от своего намерения.

Бернгард действительно держал себя так, как будто речь шла о разлуке на несколько дней. Он с обычным холодным спокойствием обнял невесту, поцеловал ее и сказал несколько ласковых слов на прощанье; потом они с Куртом еще раз обернулись и пошли по ближайшей дороге через кладбище, не замечая незнакомца, быстро спрятавшегося за высоким крестом. Бернгард выше поднял голову, его глаза заблестели, он весь оживился, радостно восклицая:

– Вот мы и свободны, Курт! Вольные птицы на несколько недель! Поплывем по нашему чудному синему, волнующемуся морю! Полетим на нашей «Фрее» на север! Мы оставим все неприятности позади и превратимся опять в двух веселых юнг, какими были на «Винете»! Ура!

– Вот теперь ты прежний Бернгард! – засмеявшись, воскликнул Курт. – Я впервые вижу тебя таким здесь. Ты прав, мы сжились с морем, в море мы дома, и это лучшее средство выбить дурь из головы. Да здравствует море!

Они подошли к воротам кладбища. Бернгард остановился и сказал уже серьезно:

– Иди вперед, Курт, я зайду на минутку на могилу отца, потом догоню тебя.

Курт кивнул и пошел дальше, а его товарищ повернул к могиле. Он с удивлением увидел, что кто-то вышел из-за креста, но в следующую минуту узнал министра.

– Дядя Бернгард! Ты здесь? – воскликнул он с изумлением.

– У могилы брата, что может быть естественнее, – спокойно ответил барон.

Бернгард медленно подошел и, остановившись по другую сторону могилы, произнес:

– Я не думал, что ты станешь беречь себе душу этими воспоминаниями.

– Бывают воспоминания, которых не вычеркнешь из жизни... и я не имею привычки забывать о них, – сказал Гюэнфельс. – Ты еще в Рандале? Вы собирались уехать еще вчера; так, по крайней мере, сказал Курт, когда приходил в Альфгейм прощаться.

– Мы ждали ветра и уезжаем сегодня через два часа.

Наступила короткая пауза. Обоим эта неожиданная встреча была явно в тягость. Министр едва ли приехал бы в Рансдаль, если бы знал, что отъезд отложен, но его лицо имело обычное угрюмое выражение, когда он опять заговорил:

– Мы тоже хотим совершить экскурсию на «Орле», но едва ли встретимся с тобой. Альфред непременно хочет показать нам север.

– Альфред? Ты хочешь сказать принц Зассенбург? Он, кажется, очень хорошо к тебе относится.

– Да, как сын. Неделю тому назад Сильвия стала его невестой... Это тебя так удивляет?

Взгляд министра с некоторым удивлением скользнул по лицу племянника; он не мог объяснить себе, отчего оно дрогнуло. Но Бернгард ответил совершенно спокойно:

– Нет, Курт еще по приезде говорил, что ваши близкие этого ждут. Позволь и мне поздравить жениха и невесту.

– Благодарю! Мы объявим о помолвке, когда вернемся в Берлин; тебе я сообщаю о ней сейчас, ты же прислал мне извещение о своей помолвке, хотя и очень официальное.

– И не получил на него никакого ответа!

– Мое молчание и было ответом. Разве ты ждал, что я поздравлю тебя с таким брачным союзом?

– Действительно, не ждал; ты считаешь унижением женитьбу последнего представителя рода Гоэнфельсов на дочери рансдальского пастора?

– Нет! Я уже давно не разделяю взглядов провинциальных владельцев майоратов, считающих только свою касту привилегированной. Занимая пост, подобный моему, человек сталкивается с людьми совсем из других слоев общества; поневоле отучишься от высокомерия. Для меня имеет значение человек, а не его происхождение. Ты вполне смог бы обеспечить свою жену, хотя теперь это лишнее, так как она остается в Рансдале, в привычном для нее кругу.

Бернгард, очевидно, меньше всего ожидал таких рассуждений от дяди и был озадачен.

– Я знал тебя совсем другим.

– В таком случае ты не знал меня. Я упрекаю тебя не за выбор, а за то, что ты приносишь ему в жертву наше древнее родовое имение, принадлежащее Гоэнфельсам уже несколько веков. В Гунтерсберге все прошлое нашего рода, и это

должно было сделать его священным для тебя; ты же равнодушно отдаешь его в чужие руки, бросаешь ради какой-то девушки.

– Эта девушка – моя будущая жена! – вспыхнул молодой человек. – Извини, дядя, хотя ты и занимаешь высокое положение в свете, и был женат, но о том, что касается чувств, предоставь судить другим.

Гоэнфельс очень спокойно отнесся к этому ясному намеку на его собственный брак по расчету.

– Я действительно не могу похвастать чувствительностью и никогда не испытывал ее, но мне слишком часто случалось наблюдать, как страсть овладевала другими, чтобы отбить у меня охоту оказаться в ее власти. В твои годы и с твоим характером она должна играть первую роль, и это я понял бы. Ты любишь свою невесту?

Вопрос был неожиданным после того, что предшествовало ему, но Бернгард спокойно произнес:

– Я выбрал ее, и больше мне сказать нечего.

– Отчего же ты не скажешь просто «да»? – заметил министр. – Я уже давненько стою здесь, у могилы, и был невольным свидетелем вашего прощанья у пастората. Ты поцеловал невесту, как этого требует обычай, но это не было прощаньем жениха, а когда ты проходил мимо с Куртом, то радовался, как узник, с которого сняли оковы.

Слова эти попали в цель и рассердили Бернгарда.

– Я не выношу оков, ты знаешь это лучше всех, – сказал

он с гневом. – Это наш старый спорный вопрос; ты желал держать меня на привязи, а я хотел жить на свободе.

– Ну, теперь ты получил эту желанную свободу; что же, ты счастлив?

– Да! – решительно воскликнул молодой человек.

– Твои глаза говорят «нет». Я больше верю им.

– Кто же вообще счастлив? – воскликнул Бернгард с коротким, жестким смехом. – Может быть, ты? Есть ли хоть один счастливый человек на свете?

– Молодость счастлива сама по себе и должна быть счастлива, – ответил министр с ударением. – Тебе двадцать пять лет, ты на днях женишься и так говоришь! Посмотри на Курта, он счастлив, потому что молод и у него есть будущее, у тебя же только Рансдаль.

– Где я первый!

– Среди крестьян, ограниченных людей, которые знают только свою лодку да ружье. И в этом твое честолюбие! Я тоже хотел быть первым и стал им, но я выбрал себе иную цель.

Бернгард не отвечал, но в его душе шевелилась зависть при взгляде на человека, стоявшего перед ним в полном сознании собственной силы и продолжавшего с насмешкой:

– Правда, я не сам себе голова, как ты, у меня нет времени для катанья по морю да охоты, которыми ты наполняешь свою жизнь. Тебя это удовлетворяет, и, может быть, ты со временем станешь еще почтенным отцом семейства в своем Эдсвикене; боюсь только, что у тебя нет для этого задат-

ков. Может быть, ты думаешь, что если у человека есть жена и дети, то жизнь становится для него удовольствием, если раньше была невыносима? Берегись! Такие цепи тяготят, если это только цепи.

Острый, пытливый взгляд министра был неумолимо устремлен на молодого человека. Тот стоял с таким видом, как будто должен был защищаться против этих глаз, немилосердно правдиво читавших его душу, и притом открывавший такие вещи, в которых сам себе не признавался. Наконец Бернгард угрюмо произнес:

– Оставь это, дядя, мы не понимаем друг друга. Когда я писал тебе, что подал в отставку, я уже знал, что между нами образуется пропасть. Ты видел в этом измену родине, а я – свое право, которым и воспользовался, и если это разлучило нас, то ведь мы никогда не любили друг друга.

– То есть, вернее, ты ненавидел меня за то, что я должен был сдерживать и принуждать тебя. Ты ведь не мог жить в нормальном обществе, когда приехал из Рансдаля. Я не поставил мальчику в вину его ненависти; он чувствовал только, что его стесняют; но я думал, что со временем, став взрослым мужчиной, он поблагодарит меня, и на это я возлагал все свои надежды. Когда ты служил с Куртом на «Винете» и мой старый товарищ, капитан Вердек, сообщал мне о вас обоих, знаешь ли ты, что он писал мне?

– Нет. Он был всегда строг и немногословен. Я только раз слышал от него похвалу тогда, в Вест-Индии.

– Ну, так можешь теперь услышать, это его собственные слова: «Курт Фернштейн – славный юноша; из него выйдет хороший моряк, но первым он не будет. Твой же „бесноватый“, из которого ты с таким трудом сделал человека, будет первым. Он за все принимается как настоящий „бесноватый“, но голова у него еще крепче кулаков. Из него будет толк, и если он сделает то, что обещает, то, Бог даст, будет на море тем же, кем ты на суше».

Бернгард слушал с широко раскрытыми глазами, с прерывающимся дыханием. Он знал, что значила похвала его хмурого начальника, и на мгновение его лицо осветилось радостной гордостью, но затем он страшно побледнел.

– Это... это написал мой капитан... обо мне?

– «Бог даст!» – повторил Гоэнфельс с горечью. – Богу это было угодно, тебе не угодно!

Молодой человек слегка вздрогнул и потупил глаза.

– Зачем ты говоришь мне это теперь? – с усилием проговорил он, наконец.

– Ты хочешь сказать, когда уже поздно? Я сказал бы тебе это тогда же, «Винета» находилась уже на обратном пути, и я ждал тебя. Разногласия между нами должны были прекратиться, я хотел сказать тебе: «У меня нет сына, ты потерял отца, будь моим сыном!» Но пришло письмо, в котором ты из мести швырял мне в лицо все, что я созидал в течение десяти лет. Ведь тобой руководила только месть; ты знал, какой удар нанесешь мне. Боюсь только, что ты пострадал от

этого сильнее меня; мне ты только сделал больно.

– Больно? – Бернгард поднял глаза медленно, с выражением недоверчивого вопроса, и в лице дяди, всегда холодном и сухом, прочел подтверждение его слов; в самом деле, он сделал больно этому человеку.

Других людей такая сцена привела бы к примирению, но эти двое были слишком упрямы и своенравны, чтобы поддаться мягкому душевному порыву настоящей минуты. Оба колебались и ждали, но ни один не протянул другому руки, ни один не сказал примирительного слова. Казалось, покойник, могила которого возвышалась между ними, и теперь разлучал их своей ненавистью. Наконец министр проговорил, указывая на могилу:

– Подумай о своем отце. Он умер на чужбине, и мы оба знаем, какой смертью. Ты пошел той же дорогой, берегись, чтобы не кончить тем же!

Он ушел, не простившись и ни разу не оглянувшись. Рольф ждал его за калиткой кладбища и повел тем же путем назад к экипажу.

Бернгард остался один, и по его лицу можно было понять, какая буря бушевала в его душе. Вот чего ждал от него его капитан! Этот старик со сдержанными манерами и верным, никогда не ошибающимся суждением, пророчил ему большое будущее, а он... отказался от него!

Мальчику Рансдаль со своими горами и морем, где он мог давать полный выход своим силам и избытку необуздан-

ной энергии, казался свободным раем и остался таким в его воспоминаниях. Но, вернувшись сюда взрослым мужчиной, Бернгард нашел лишь будничную действительность – уголок земли, отрезанный от мира и людей, интересы которых ограничивались самым необходимым. Сюда не проникало дыхание цивилизации со всеми ее проблемами.

Бернгард давно понял это, коротая длинные вечера и бесконечные бессонные зимние ночи, и, когда пришла весна, он сделал предложение Гильдур, потому что не мог выдержать одиночества в Эдсвикене, потому что ему нужен был кто-нибудь, кто помогал бы ему сносить бремя жизни; о любви тут не было и речи. Страстный поборник свободы сам надел на себя кандалы. Они еще не были окончательно закованы, а он уже чувствовал их тяжесть.

«Будь моим сыном!» Почему эти слова не давали ему покоя? Теперь уже нашелся человек, получивший права сына – будущий муж Сильвии. Но если бы кто-то другой появился раньше, в то время, когда его ждали, если бы он тогда увидел то, что увидел теперь, когда было уже поздно... нет, нет, это было безумие. Это вело к тому, до чего дошел его отец!

Долго стоял Бернгард Гоэнфельс, погруженный в мрачное раздумье; но вдруг он выпрямился с прежней упрямой энергией и проговорил громко и жестко:

– Все равно! Я хотел этого и сумею все выдержать.

По темным волнам Ледовитого океана под немецким флагом плыла стройная белая яхта «Орел». Море немного штормило, дул свежий ветер, и в воздухе, несмотря на яркое солнце, чувствовалось то холодное дыхание, которое в самой середине лета напоминает путешественнику, что он находится за полярным кругом.

«Орел» очень удачно осуществил плавание на север; погода была ясная, и море достаточно спокойное; постоянно сменяющие друг друга величественные виды скалистых берегов рисовались вполне отчетливо, а когда встречные острова оставались позади, перед глазами во всем своем необъятном просторе расстился залитый солнцем океан. Приятно было путешествовать на этом маленьком плавучем дворце, в котором было все, удовлетворяющее самых требовательных пассажиров.

Возле большого салона, где обычно собирались пассажиры, если не были на палубе, находилась небольшая каюта, обставленная с необыкновенным вкусом. Стены были выдержаны в нежных светлых тонах, а на занавесях и мебели преобладал голубой цвет. Это был прелестнейший будуар, устроенный с большим комфортом. Принц Зассенбург приказал отделать его специально для этой поездки и предназначил исключительно для своей невесты. Рядом находилась

ее спальня.

Сильвия лежала на кушетке. В открытое окно врывался свежий морской бриз и слышался шорох и плеск волн; ей видны были только темно-синие волны с белыми гребнями, над которыми иногда быстро мелькала чайка, а по небу проносились белые облака, гонимые ветром на север. Взгляд девушки был мечтательно устремлен на эту привлекательную картину, но это не была мечтательность молодой невесты, которую переполняет тихое, тайное счастье; глаза Сильвии имели какое-то затуманенное выражение, но счастья в них не было.

Вдруг девушка испуганно приподнялась; дверь открылась, вошел ее отец.

– Лежи, лежи, дитя! – сказал он. – Альфред только что сказал мне на палубе, что ты не совсем здорова и ушла к себе. Надеюсь, ничего серьезного?

– Решительно ничего, папа. Я просто переутомилась и ослабела.

– Переутомилась? Прежде тебе была незнакома усталость.

– Здесь с ней поневоле познакомишься, когда ночи совсем не бывает, а царит вечный день со своим ярким светом. Я просто тосковала по темной ночи и звездному небу. Мне хотелось бы скорее оказаться дома!

Министр придвинул к кушетке стул и сел.

– Что случилось? – спросил он вполголоса. – Альфред в ужасном настроении. Ты опять его мучила?

– Нет, это он мучил меня своей бесконечной страстью, настойчивостью и требованиями взаимности. У меня от природы нет расположения к этому. Он ведь знает это! Зачем же он так упорно добивается того, что я не могу ему дать?

– Я совсем иначе представлял вас как жениха и невесту, – сказал Гоэнфельс, и между его бровей образовалась глубокая складка. – Когда вы, вернувшись тогда из Рансдаля, неожиданно объявили мне о своей помолвке, а ты попросила у меня ради этого прощения за свой самовольный визит в пасторат, я думал, что вы в самом деле сблизились и что все, разделявшее вас и отчуждавшее друг от друга, исчезло; но оно все снова возвращается. Кто виноват в этом? Альфред любит тебя даже слишком сильно, он только и смотрит тебе в глаза, ты же относишься к нему с холодком. Он вполне вправе требовать от тебя большего.

Сильвия резко поднялась с кушетки.

– Ты собираешься бранить меня, папа? Но ведь я исполнила твое заветное желание.

– Я хотел видеть тебя счастливой, окруженной блеском и предоставил тебе самой действовать.

– Но я не знала, что быть зависимой так страшно тяжело! – горячо воскликнула Сильвия. – Сейчас я завидовала чайкам, которые могут летать, облакам, несущимся вдаль; они свободны, свободны! И я была свободна, а теперь чувствую на себе цепи!

– Что это значит? Ты давно знала, что принц ищет твоей

руки; и я уже говорил тебе это однажды – такими вещами не шутят. Каждая женщина, вступая в брак, жертвует своей свободой, но не каждая получает в обмен так много, как ты. Такие фантазии не особенно лестны для твоего будущего супруга. Если он терпит их – тем хуже для него, а я не желаю об этом и слышать. Ты сделала выбор, значит, дело решено. Назад дороги нет!

Это было произнесено тем тоном, которым барон всегда умел покорить дочь; она подчинялась ему беспрекословно. Но сегодня он как будто утратил свою власть над ней. Сильвия вдруг бросилась отцу на грудь и обняла его за шею.

– Но зачем мне выходить замуж? Почему ты хочешь расстаться со мной? Ведь я люблю только тебя, одного тебя на всем свете, и я твое единственное дитя! Зачем Альфреду становиться между нами? Я дала ему слово, да, но я не могу... не могу!

При этом взрыве отчаяния на лице министра выразился сильнейший испуг. В словах дочери звучало что-то вроде смертельного страха; она цеплялась за него, точно искала у него защиты и помощи. Отец забыл строгость и упреки под влиянием страха. Он обнял дочь.

– Ты не можешь? Чего ты не можешь?

– Любить его! – вырвалось у Сильвии. – Я боюсь этого брака, боюсь страсти Альфреда, которая иногда так страшно вспыхивает, а потом вдруг гаснет и сменяется прежней усталостью. Мне все кажется, что нас ждет какое-то несча-

стве, что он в состоянии уничтожить и себя, и меня, когда узнает...

Она вдруг замолчала.

– Когда узнает что? Я не понимаю тебя.

Гоэнфельс действительно не понимал дочери. Она отнеслась к ухаживанию принца и к помолвке с ним шутя, весело и, в сущности, в высшей степени равнодушно; она была вполне согласна с отцом, который видел в этом браке лишь блестящую партию для дочери, и вдруг такая сцена! Она дрожала всем телом в его объятиях, и вместо ответа он услышал только судорожные рыдания.

– Опомнись, Сильвия! – стал он уговаривать ее. – Ты вне себя! Я не видел тебя такой с детства, с того дня, когда грубая шутка Бернгарда вызвала у тебя нервный припадок, чуть не стоивший тебе жизни.

Сильвия вздрогнула, ее рыдания прекратились, и она выпрямилась. Слезы еще не высохли на ее глазах, но губы выражали упорную энергию, а голос звучал холодно и жестко, когда она ответила:

– Ты прав, папа, все это фантазии. Прости, что я мучила тебя ими. Все прошло, я не хочу больше фантазировать.

Переход был таким внезапным, что барон смотрел на дочь с крайним изумлением. За взрывом полного отчаяния последовало такое спокойствие! Но все равно, лишь бы она опомнилась и вспомнила о своем долге.

– Фантазировать всегда опасно, когда приходится считать-

ся с действительностью, – серьезно сказал он. – Ты невеста Альфреда, стала ею добровольно, и твое слово свято. Вполне естественно, что вы еще не совсем понимаете друг друга. Он человек уже в годах, а ты еще очень молода и неопытна. Научись понимать его, тогда научишься и любить.

Он поцеловал дочь и ушел, но, уходя, еще раз бросил на нее глубоко озабоченный взгляд. Его честолюбивое желание было исполнено, и ради этого желания он не хотел слышать то, что нашептывал ему предостерегающий внутренний голос, а именно, что Зассенбург почти на тридцать лет старше своей невесты, что его жизнь покатилась под уклон, тогда как для нее жизнь только начинается, и что принц вообще не такой человек, который способен привязать к себе Сильвию. Однако теперь, после такой сцены, этот голос опять заговорил громче, предостерегая Гоэнфельса, что он затеял опасную игру, не подозревая, с какой стороны приближается несчастье.

* * *

На нижней палубе стоял принц Зассенбург с подозрительной трубой в руках и наблюдал за довольно большим пароходом, плывшим неподалеку от «Орла». Он показался впереди еще до полудня, но быстроходный «Орел» догнал его. Теперь можно было различить, что он вез компанию туристов, большая часть которых столпилась на палубе и с любопытством

следила за приближающейся яхтой. Принц заметил это с явным недовольством и обратился к капитану:

– Велите дать полный ход, чтобы, насколько возможно, обогнать этот пароход; мы должны пристать к Нордкапу, по крайней мере, часом раньше, иначе эти туристы своим шумом и суетой испортят нам всю экскурсию.

Капитан ушел отдать приказание, и через несколько минут «Орел» понесся полным ходом. Он, как стрела, пролетел мимо парохода, совсем близко от него. Какой-то господин принялся раскланиваться оттуда, усердно махая шляпой; Зассенбург слегка ответил на поклон; он узнал молодого немца, который был представлен ему в пасторате в Рансдале. Еще секунда – и суда разошлись.

Гаральд Торвик, стоявший у руля, был несколько удивлен, услышав приказание ускорить ход, и крикнул одному из матросов:

– Зачем дали полный ход?

– По приказу его светлости. Мы должны опередить пароход, чтобы пристать раньше него; господа не желают, чтобы им мешали туристы.

– Так-так! Его светлости угодно, чтобы и природа принадлежала ему одному. И как это туристы осмеливаются желать тоже увидеть что-нибудь, когда туда едет принц!

– Придержите свой язык, Торвик! – сказал капитан, услышавший слова штурмана. – Вы, кажется, забыли, что принц хозяин судна, а вы у него на службе.

– У руля я исполняю свои обязанности, – грубо ответил Гаральд.

– Это только ваш долг. Вы уже не впервые позволяете себе такие непочтительные замечания. При мне вы этого, правда, не делаете, да я и не посоветовал бы вам попробовать, но я достаточно часто слышу об этом от команды.

– На меня доносили? – спросил Гаральд, бросая на матроса угрюмый взгляд. – Так я и знал!

Капитан знаком велел матросу уйти и, подойдя к штурману вплотную, продолжал нахмурившись:

– Я уже давно собираюсь поговорить с вами, Торвик. Вы объявили войну всем, кто есть на судне. Мои люди в этом не виноваты, они приняли вас как товарища, но вы, словно нарочно, стараетесь всюду нажить себе врагов. Поэтому вы не имеете права жаловаться, если они позволяют себе злые выходки по отношению к вам. Я все знаю, но не могу ничем помочь.

– Я и не требую этого, – холодно возразил Торвик. – Я и сам сумею защититься, и если не отплачу им сразу же, то за мной не пропадет.

– Что вы хотите сказать? Может быть, это угроза? Берегитесь! До сих пор я не хотел беспокоить принца по этому поводу, но если вы будете продолжать в том же духе, то вынудите меня сказать ему, что вы вносите разлад на нашем судне, и я не ручаюсь за то, что общее раздражение против вас не выразится самым непредсказуемым образом. Вы хо-

тите довести до этого?

В эту минуту на задней палубе появился сам Зассенбург и остановился на некотором расстоянии от них. Капитан сразу же прервал разговор, с поклоном прошел мимо и поднялся на мостик.

Помолвка принца, конечно, не была тайной на «Орле», его постоянно видели с невестой, слышали, как они общаются друг с другом, но принц не выглядел счастливым женихом. Сейчас, когда он глядел на море, его лицо казалось бледным, утомленным, а взгляд был мрачным и задумчивым.

Из каюты вышла Сильвия и подошла к жениху, но принц заметил ее лишь тогда, когда она подошла вплотную. Положив на его руку свою, она позвала:

– Альфред!

– Ах, это ты! Я не хотел тревожить тебя, справляясь о твоём здоровье, ты ведь хотела остаться одна.

– О, я уже совсем здорова, – беззаботно ответила она. – Очевидно, это был приступ морской болезни.

– В такую-то погоду? Ты не страдала морской болезнью даже в бурю.

– Значит, это была усталость, но она уже прошла.

Действительно, Сильвия стояла цветущая и улыбающаяся. От пролитых слез и волнения, с которыми она недавно бросилась в объятия отца, не осталось и следа; и голос ее звучал по-прежнему шаловливо.

– Не смотри так строго, Альфред! – продолжала она. –

Неужели ты станешь дуться на меня за то, что я плохо вела себя? Ты хочешь, чтобы я просила прощения?

Зассенбург выпрямился. С той минуты, как он увидел свою невесту, в его лице и во всей его внешности появилось какое-то лихорадочное напряжение. Вместо ответа он спросил:

– Верно, у тебя был папа?

– Да, полчаса тому назад. Почему ты спрашиваешь?

– Я хотел знать, чему обязан этим внезапным проблеском солнца.

– Да, папа выбрал меня; он ведь всегда на твоей стороне. – Сильвия сделала вид, что не заметила горечи его слов. – Итак, высочайший приказ гласит, что мы должны заключить мир и торжественно поклясться впредь не нарушать его. Придется, конечно, подчиниться. Или ты, может быть, не желаешь складывать оружие? Что касается меня, то я готова к примирению.

Это было сказано так неотразимо мило, что сопротивление Альфреда было сломано; он уже опять был весь во власти чар, против которых только что боролся, и, страстно схватив протянутую ему руку, воскликнул:

– Сильвия, зачем ты постоянно мучишь меня?

– А ты зачем позволяешь себя мучить? Ведь вы, мужчины, всегда утверждаете, будто вы наши повелители; так попробуй же, докажи, что ты владыка!

Девушка смеялась, говоря это, но ее глаза потемнели, и в

них мелькнула почти угроза, как будто они хотели сказать: «Только посмей!»

– Зачем? Ты ведь не можешь любить, – ответил принц с безграничной горечью. – Я с самого начала знал это и все-таки не мог совладать с собой, питая надежду. Я мечтал, что, когда ты станешь моей, моя душа сольется с твоей, согреет тебя, зажжет в тебе огонь и любовь. Я думал, что добьюсь этого; увы! Напрасно; ты остаешься «немилостивой богиней».

– Альфред, прошу тебя! – Она с силой вырвала у него свою руку. – Мы не одни... Штурман!

Зассенбург обернулся и тоже увидел, что штурман наблюдает за ними. Он стоял слишком далеко, чтобы слышать что-либо из разговора, но его глаза не отрывались от них.

– Это невыносимо! – раздраженно воскликнул принц. – Неужели от этих людей никуда не спрячешься? Но хоть верхнюю то палубу я уберегу от них. Пойдем, Сильвия!

Девушка колебалась; она явно боялась оставаться наедине с женихом, и свидетели, так неприятные ему, напротив, были ей желательны. Она будто случайно подошла еще ближе к рулю и сделала какое-то замечание относительно парохода, оставшегося далеко позади.

– Да, я велел дать полный ход, – сказал Зассенбург, идя за ней, – иначе мы попали бы в шумное общество туристов. Теперь же мы подойдем к мысу раньше, вблизи нет больше ни одного судна.

– Нет, есть, вон то маленькое парусное судно впереди, – заметила Сильвия. – Оно тоже идет на север.

– Очевидно, какой-нибудь китолов, плывущий в Ледовитый океан.

– Ну, нет! Те тяжелые, неуклюжие. А ты взгляни только на это стройное суденышко с его белыми парусами! Оно просто летит по волнам, как чайка с распростертыми крыльями.

Принц равнодушно поднес к глазам подзорную трубу и спросил:

– Как вы думаете, Торвик, это китолов?

– Нет, ваша светлость, – уверенно ответил штурман, – это «Фрея» из Эдсвикена.

Он говорил принцу, но смотрел на его невесту, и увидел то же, что уже видел однажды на другом лице: внезапно пробежавшую по нему дрожь, бледность и странный блеск широко открытых и уставившихся в одну точку глаз. Гаральд был плохим психологом, но тогда, в рансдальской церкви, ревность заставила его быть пронизательным, и теперь по его лицу пробежало выражение насмешки.

– Так я и думал! – пробормотал он.

Зассенбург был занят подзорной трубой и ничего не заметил.

– Пожалуй, вы правы, «Фрея» вышла раньше нас и отправилась на север, мы ведь нигде ее не встретили.

– Она несколько раз была неподалеку от нас, – возразил Торвик, – но каждый раз, завидев «Орла», меняла курс и ухо-

дила в открытое море. Должно быть, нас избегали.

– Это похоже на Бернгарда, – обратился принц к невесте. – С ним никак не удастся сладить, он не забывает старой вражды. Ты слышишь, он каждый раз уклонялся в сторону, когда видел, что может встретиться с нами. Но теперь он от нас не уйдет. Это, действительно, «Фрея», я и сам теперь вижу. Посостязаемся!

Он говорил по-английски, чтобы штурман не мог понять разговор, и Сильвия ответила на том же языке, но как-то неуверенно:

– Нет, Альфред, пощади папу; мы испортим ему этим настроение, да и Бернгард, наверно, еще не забыл, в какое неприятное положение был поставлен при встрече в Рансдале; оттого он и избегает нас. Лучше будет, если и мы постараемся не встречаться.

Принц посмотрел на нее с удивлением. Ей и в голову не приходило учесть это, когда она настаивала на той встрече, а позднее – на своем визите в пасторат; но он уже привык к капризам своей невесты, так что это противоречие не бросилось ему в глаза. Он только пожал плечами.

– На этот раз избежать встречи не удастся, мы слишком близко от них. На «Фрее» известно, что мы видели их, и мы нагоним их у Нордкапа. Разве ты уже не интересуешься своим медведем-кузенком? Я два раза должен был разыскивать его по твоему приказанию; теперь помог случай.

Сильвия ничего не ответила, но ее глаза неотрывно сле-

дили за стройным судном, плывшим впереди на всех парусах. В это время подошел капитан; он доложил, что показались Нордкап, и спросил, не пожелают ли господа подняться на верхнюю палубу, откуда виднее.

– Да, разумеется... Пойдем? – Зассенбург сделал жест рукой по направлению к лестнице наверх.

Случайно повернув голову, Сильвия опять встретила зоркими серыми глазами штурмана, буквально следившими за ней, и почувствовала, что не простое любопытство выражается в наблюдательном взгляде этого человека. Гаральд смотрел им вслед, и его брови были мрачно сдвинуты. Он пробормотал:

– Что-то выйдет из этого? И что скажет на это Гильдур? У Бернгарда в голове совершенно не то, что она думает. Я открою ей глаза, когда мы вернемся.

«Фрея» не подкачала. Правда, она была значительно впереди, но не осрамилась перед «Орлом», который шел на всех парах и все-таки не нагнал ее до самого Нордкапа. Она уже стояла на якоре в маленькой бухте, когда подошла яхта принца, которая благодаря своей глубокой посадке должна была остановиться гораздо дальше от берега. Министр не рискнул сильно утомлять себя, взбираясь на Нордкап; он остался на яхте и с палубы махал лодке, увозившей на берег принца с невестой и капитана. На берегу они встретили Христиана Кунца, прогуливавшегося по зеленому склону; от него они узнали, что его хозяин и лейтенант Фернштейн уже вы-

садились и пошли на вершину. Принц и его спутники тоже немедленно начали довольно трудное восхождение.

Между тем Христиан радостно здоровался с матросами «Орла», во время этого плаванья, длившегося целые недели, он сильно соскучился по своим землякам, с которыми ежедневно виделся в Рансдале, и, вознаграждая себя теперь, без усталости болтал с матросами, вместе с ними ожидая своих господ.

Прежде всего, он узнал новость о помолвке принца с баронессой Гоэнфельс, а потом о ближайших планах яхты «Орел». Она возвращалась пока в Рансдаль, так как господа хотели провести еще несколько недель в Альфрейме, а в начале осени должна была покинуть Норвегию и отправиться домой в Германию с женихом и невестой.

– Да, домой! – повторил Христиан с глубочайшим вздохом. – Вам хорошо, вы поедете домой, а я останусь здесь со скалами и рыбами. И те и другие одинаково немые, а когда еще и лейтенант Фернштейн уедет, никто больше не будет говорить по-немецки в Эдсвикене! Этак совсем забудешь свой родной язык. Как бы я хотел уехать с вами!

– Так почему же тебе не уехать? – спросил один из матросов. – Ты ведь не обвенчан со своей «Фреей», а такой ловкий парень, как ты, всюду найдет работу. Выбрось всю эту историю за борт и поезжай с нами.

Христиан бросил тоскливый взгляд на «Орла», но покачал головой.

– Я не могу бросить своего капитана... а также и «Фрею». Если бы только не эта тоска по родине! Вначале было ничего, все в Рансдале было для меня ново, и летом мы целые недели проводили в море. Но зимой! Мы сидели в Эдсвикене, занесенные снегом по самые уши, точно заживо погребенные. Выйти из фиорда было невозможно, норд-вест с Ледовитого океана так и рвал что ни день. Капитан тоже не мог выдержать, он был в сквернейшем настроении, а я... я иной раз был по ночам в постели взапуски с ветром.

Он говорил и жалобно, и гневно; видно было, как бедного юношу терзала тоска по родине. Матросы рассмеялись, но боцман сердито сказал:

– Чего же, черт возьми, твой капитан сидит здесь, на севере, в снегу? Ведь он немец, у него есть родные в Германии, и к тому же он был флотским офицером.

– Он любит норвежцев, и жену выбрал себе здесь. Он приехал сюда ребенком и вырос тут. Ваш штурман Торвик был его лучшим другом.

Это имя подействовало как удар. Лица матросов, до тех пор довольные и веселые, вдруг стали хмурыми, мрачными, а старик жестко сказал:

– Хорош друг! Пусть бы взял его к себе на судно, по крайней мере, мы отделались бы от него.

Горькие замечания насчет штурмана посыпались со всех сторон как град. Это было не просто недовольство – в них ясно слышалась ненависть. Молодой голштинiec стал серьез-

НЫМ.

– Да и мой господин теперь с ним не ладит, – нерешительно сказал он. – Они очень редко виделись в Рансдале, а Торвик только раз пришел в Эдсвикен, лицо у него было, как туча, и он еле удостоил господина лейтенанта словом.

Он ни с кем не разговаривает, кроме своих земляков, – заявил один из матросов. – А если говорит, то лишь колкости и грубости. Он только и знает, что свою Норвегию, никакая другая страна не сравнится с ней, а я думаю, что мы, немцы, почище норвежцев, и я ему докажу это при случае.

– Эй, ты, берегись! – сказал другой тоном предостережения. – С ним шутки плохи. На днях Флеминг пробовал связаться с ним, так ему не понравилось, Торвик поднял его в воздух, как куль и швырнул об стену так, что у него три дня череп трещал.

– Да, он силен как медведь, – проворчал первый. – Я думаю, он справится с шестью такими, как мы, но если мы навалимся на него все разом, то...

– Молчи! – остановил его боцман, очевидно, не желавший, чтобы посторонние слышали об ожесточенной войне, идущей у них на «Орле». – Свое дело Торвик знает превосходно, он проведет судно между подводными камнями да мелями как никто, а до остального никому нет дела. Вот подходит пароход, который мы перегнали. Мы пришли раньше на целый час. Наш «Орел» как припустит, так за ним не угонишься.

– Ого! Наша «Фрея» угонится! – с торжеством воскликнул Христиан. – У нас только паруса, а вы дали полный пар, и все-таки мы первые пришли к Нордкапу.

– Потому что вы были намного впереди, – раздался голос с другой стороны, и поднялся профессиональный спор, принимавший все более ожесточенный характер.

Боцман прекратил его, объявив, что «Фрея» – сущий черт, и лучшего парусного судна он не видел. Этот комплимент удовлетворил Христиана, и общее внимание обратилось на пароход, в это время бросавший якорь неподалеку от «Орла».

Резко выделяясь на ясном северном небе, залитом ярким светом (хотя время близилось к полуночи), мощно поднималась высокая, темная каменная стена Нордкапа⁵.

На вершине стояли Бернгард Гоэнфельс и Курт Фернштейн. Они, разумеется, знали, что «Орел» следовал за ними по пятам и очень скоро будет у пристани; по лицу Бернгарда было видно, как неприятно волновала его предстоявшая неизбежная встреча. Не обращая внимания на открывавшийся с мыса вид, он смотрел на море, а Курт начал его упрекать.

– Поделом тебе! Зачем мы дважды сломя голову удирали в открытое море, как только «Орел» показывал свой нос? На третий раз он все равно поймал нас, и нам придется засвидетельствовать свое почтение дядюшке Гоэнфельсу. Не понимаю, чего ради ты приходишь от этого в такую ярость! Положим, в Рансдале он обошелся с тобой нелюбезно, но ведь нельзя сказать, чтобы и ты отнесся к нему особенно деликатно, когда так неожиданно объявил ему о своем выходе в отставку. А выдержать получасовую аудиенцию у его высокопревосходительства строжайшего дядюшки не так уж и трудно. С принцем и Сильвией мы все равно встретимся еще

---

⁵ Самый северный мыс европейского материка.

здесь, наверху.

– Да, конечно, они придут сюда вслед за нами, – сказал Бернгард, медленно переводя взгляд на то место, где на вершину выходила дорога.

– В таком случае, сделай одолжение, измени выражение лица. У тебя такой вид, как будто и тебя одолела мировая скорбь, как вечно унывающего Филиппа Редера. Ты вообще во время всего нашего плаванья в отвратительном настроении... Настоящий медведь!

– А ты разве в лучшем? Мне кажется, нам не стоит упрекать друг друга.

– Я? Ну да, настроение передается, и я под конец тоже почувствовал себя не в духе. А как мы оба радовались этой поездке! Мы собирались все выбросить из головы и стать опять веселыми юнгами, как на нашей «Винете». Вместо этого мы превратились в довольно унылых малых среди красот северной природы. Я думаю, не испортила ли нашей поездки своим колдовством одна из ваших нимф?

– Я скорее думаю, что у тебя просто сидит в голове эта рансдальская история, и ты никак не можешь от нее отделаться. Если же тебя непременно должна была околдовать какая-нибудь нимфа, то ее, наверное, зовут Ингой.

– Какой вздор! Это уже прошло! – сердито запротестовал Курт. – Я вынужден был признаться тебе, потому что ты кое-что заметил в то воскресенье, но тебе известно также и то, что с этим покончено навсегда.

– Я знаю только, что ты стал совсем другим с того времени. Что бы мы ни затевали в продолжение этого плавания, ты ничему не отдавался всей душой и с удовольствием сбежал бы в Дронтгейм.

– Вот выдумал! – воскликнул Курт. – Неужели ты думаешь, что я позволю еще раз насмехаться над моей любовью? Если бы ты видел ее в ту минуту, если бы знал, как обошлась со мной эта маленькая злючка!

– А как обошелся с ней ты? – серьезно спросил Бернгард. – У маленькой Инги, оказывается, гораздо больше гордости и чувства собственного достоинства, чем мы оба думали. Я верю, что у тебя не было плохих намерений, когда ты затевал эту подлость, но она должна была глубоко оскорбить щепетильную девушку.

– Хорошо тебе читать нотации! – с раздражением воскликнул Курт. – Твоя Гильдур – образцовая невеста; с ней, наверное, не было проблем, когда ты за ней ухаживал. Мне же достался колючий шиповник, который царапается. Но довольно с меня шипов, я выброшу эту дурь из головы и, стоит мне вернуться на мою «Винету», все будет напрочь забыто... Вот и сказке конец!

Гоэнфельс промолчал, но, казалось, не очень-то верил в этот конец. Он слишком хорошо знал своего друга, чтобы не видеть, что его равнодушие деланное и что это – лишь средство защиты против овладевшего им чувства. Но против такого чувства не могли помочь никакая борьба, никакой про-

тест – Бернгард отлично знал это. Он, правда, никому не признавался и спокойно выносил насмешки и упреки по поводу своего желания избежать дяди; но от чего он бежал, было совсем другое, и теперь ему предстояло опять встретиться с ним лицом к лицу.

– Вот они! – Курт указал на другую сторону плато, где в эту минуту появились ожидаемые лица. – Полагаю, нам следует пойти им навстречу.

– И принести свои поздравления! – прибавил Бернгард, – помолвка теперь – уже свершившийся факт. Я буду иметь честь приобрести светлейшую двоюродную сестру.

– Брось насмешки! – проворчал Курт. – Что, собственно, ты имеешь против Зассенбурга? Он всегда был любезен по отношению к тебе, и если пришелся по вкусу Сильвии...

– Ей по вкусу княжеская корона и блеск, который будет окружать принцессу, а не сам Альфред Зассенбург. Что может дать такой человек, как он? В нем нет уже ни силы, ни огня, ни жизни... один угасший пепел.

– Кто знает! Не он первый вспыхивает запоздалой страстью, а Сильвия вполне способна разжечь ее своими «глазами призрака», как тебе угодно было окрестить их. Эти глаза могут свести человека с ума, если только он случайно не застрахован против них другими узами, вот как, например, ты, добродетельный жених. Благодарю за это Бога!

Бернгард ничего не ответил; его взгляд был прикован к подходившей паре. Стройная фигура Сильвии в синем до-

рожном костюме и меховой шапочке вырисовывалась красивым силуэтом на светлом фоне неба. Она шла между женихом и капитаном; сзади шел слуга с пледом. Молодые люди поклонились еще издали; Сильвия кивнула головкой с той своеобразной грацией, которой отличалось каждое ее движение.

Встретившись на полдороге, путешественники обменялись приветствиями и обычными вопросами. Зассенбург принял поздравления как обычно вяло, но приветливо; Сильвия в ответ только улыбнулась. Затем все направились к месту, откуда открывался самый красивый вид.

– Мы познакомились внизу с вашей «Фреей», – произнес принц. – Прелестное суденышко! Оно пристало-таки первым.

– Да, Бернгард, ты просто летел впереди нас, – вставила Сильвия. – Совсем как сказочный корабль с белоснежными парусами! Он то взлетал в воздух, то нырял в волны, как какое-то морское животное, резвящееся в родной стихии. Вот это класс!

– Слышите, господа? «Орел» в немилости у моей невесты, – пошутил Зассенбург. – Боюсь только, Сильвия, что на «Фрее» тебе кое-чего недоставало бы, например, твоего будуара, прислуги, ведь мы избалованы в этом отношении; но комфорт не мешает наслаждаться поэзией моря.

– Нет, мешает! – возразил Бернгард. – Вашей великолепной паровой яхте, так спокойно и уверенно плывущей по мо-

рю с целым штатом команды и слуг, поэзия недоступна; для этого надо чувствовать под своими ногами зыбкую палубу, а над собой видеть надутые паруса; надо, чтобы тебя кидало из стороны в сторону волнами и ветром, надо быть самому и капитаном, и штурманом. Обычно у руля Олаф, но во время бури или в случае чего-то непредвиденного я правлю сам. Когда плывешь по морю один среди этого необъятного голубого волнующегося простора, но начинаешь понимать древние священные руны моря, написанные на этих волнах, в этих облаках и ветре и в затишье, и в бурю. Я часто читаю их.

Это была бурная вспышка восторга моряка, влюбленного в свою стихию. Зассенбург посмотрел на него с удивлением, а Сильвия улыбнулась.

– Ты выдал себя, Бернгард! Ты отрицаешь наличие в себе всякой поэтической жилки и желаешь, чтобы тебя считали прозаичным человеком, а как же назвать то, что мы сейчас слышали?

– Осторожнее, фрейлейн, вмешался Курт, – он слышать не хочет о поэзии, а сам и не подозревает, что иной раз увязает в ней по уши. Но вот и знаменитый вид. Не правда ли, прекрасно?

Они как раз поднялись на передний выступ, и перед их глазами предстала величественная картина: необъятное море, теряющееся на севере в беспредельной дали, над ним необозримое лучезарно-ясное небо, а на горизонте – тем-

но-красный пламенный диск солнца, как бы висящий над водой.

К ночи ветер стих, но море еще штормило, и здесь, на ничем не огражденной высоте, давал себя чувствовать холод. Принц подозвал слугу, взял один плед и подошел с ним к невесте; та нетерпеливо отказалась.

– Благодарю, Альфред! Мне совсем не холодно.

– Но ты простудишься, если мы будем долго стоять здесь.

Прошу тебя, Сильвия.

Она пожала плечами и позволила накинуть на себя плед, потом он, ежась от холода, тоже закутался. Взгляд Сильвии невольно скользнул по фигуре Бернгарда, который, как всегда был в одной матросской куртке. Для Альфреда Зассенбурга (хотя в его пользу говорили тонкие, одухотворенные черты и аристократичная внешность) это было весьма невыгодное соседство. Бернгард Гоэнфельс со своей высокой фигурой и суровым, замкнутым выражением лица казался воплощением упорной, непреклонной силы. Удивительно, как терял от этого сравнения принц.

Говорили о ландшафте, о погоде; это был разговор, какой обычно ведется в таких местах. Глаза принца с каким-то особенно пытливым выражением все время останавливались на лице молодого человека, стоявшего рядом с ним; вдруг он без всякого перехода проговорил:

– Вы не похожи на своего отца, господин Гоэнфельс. Ни одной его черты! А между тем у вас так много сходства в

темпераменте и характере!

– Разве вы знали моего отца, ваша светлость?

– Конечно! Ведь в молодости мы были друзьями. Вы не знали этого? Разве он никогда не говорил вам обо мне? Не упоминал даже моего имени?

– Нет, никогда. Я впервые услышал ваше имя, когда вы приехали в Рансдаль на «Орле».

– Значит, он и *это* забыл, или хотел забыть. Он отбросил все прошлое, но я думал, что воспоминание о временах нашей молодости свято. Оно остается в моей душе, как луч солнца.

Они разговаривали вполголоса.

Курт стоял с капитаном «Орла» на другой стороне, занятый разговором на какую-то морскую тему. Сильвия опустилась на камень и составляла букетик из сорванных по дороге на мыс бледных, нежных цветочков, которые внизу, в солнечной долине, пробудились к жизни уже с первыми лучами весеннего солнца, а здесь, на холодной и пустынной возвышенности, расцветали только в середине лета. Казалось, она не обращала внимания на разговор, но, когда было упомянуто имя ее дяди, вдруг стала прислушиваться с внезапно проснувшимся интересом. С того часа, который она провела в Исдале, Иоахим Гоэнфельс приобрел значение в ее глазах, но ни Альфред, ни отец ничего не знали о ее встрече там с Бернгардом. Она умолчала о ней, не давая себе отчета, почему сделала из нее тайну.

– Одно время мы с вашим отцом были неразлучны, – снова заговорил Зассенбург, и его глаза приняли мечтательное и грустное выражение, будто он видел перед собой то далекое время. – Мы оба были молоды, с горячими головами и оба недюжинного телосложения, но Иоахим всегда был человеком порыва, я же – мечтателем. Я часто завидовал той энергии, с которой он восставал против всего, что казалось ему стеснением и цепями; я никогда не был способен на возмущение и оставался в узах традиций, но мы были друзьями до гроба, как говорится. Однако жизнь довольно скоро разлучила нас навеки, а смерть... Он ведь стал жертвой несчастного случая на охоте?

– Да, – отрывисто ответил Бернгард.

– Я знаю это; мне известна и его могила на рансдальском кладбище, только я не знаю места, где он умер. Где это случилось?

– Во время охоты... где-то в рансдальских горах... так мне, по крайней мере, сказали, – холодно и спокойно ответил Бернгард. – Я ведь был тогда еще ребенком.

– Да, вам было всего пятнадцать лет, – медленно проговорил принц. – Ну, уж если даже родной сын не знает, то мне придется отказаться от желания узнать что-нибудь относительно этого. Вы рано потеряли отца, слишком рано, но... такой человек, как Иоахим, не мог умереть от болезни или от старости; он должен был кончить, как жил: бурно. Может быть, для него был даже избавлением этот несчастный слу-

чай, или... это... решение.

Принц проговорил последнее слово очень тихо, но ухо Сильвии все-таки уловило его; она побледнела и бросила быстрый взгляд на Бернгарда. Однако на его лице не дрогнули ни один мускул, и он ответил спокойно и твердо:

– Я не понимаю вас, ваша светлость! Что вы хотите этим сказать?

– В таком случае это и не важно для вас, – уклончиво произнес принц; вероятно, он убедился, что ничего не добьется от этого скрытного человека, и отказался от попытки. – Но у меня есть еще просьба к вам, Бернгард! Мы будем теперь близкими родственниками, следовало бы нам отбросить церемонии и звать друг друга, по крайней мере, по имени. Хотите, милый кузен?

Предложение было сделано чрезвычайно любезно, но было принято нерешительно и холодно:

– Если вы желаете, ваша светлость.

– Зовите меня Альфредом, прошу вас. Если вы не хотите доставить это удовольствие новому кузену, то сделайте его старому другу вашего отца. Он был мне очень, очень дорог, и мне не хотелось бы оставаться чужим для его сына.

В этих словах прозвучала какая-то нота, преодолевшая, наконец, упорную сдержанность Бернгарда; он схватил протянутую ему руку.

– Вы пристыдили меня, Альфред! Я даже не подозревал, что вы были близки с моим отцом, иначе...

– Вы держались бы, вероятно, не так натянуто и не так сторонились бы меня, – договорил Зассенбург. – По крайней мере, теперь вы знаете, что притягивает меня к вам. Не забывайте же этого и в дальнейшем.

Разговор прервался, потому что двое остальных мужчин подошли с известием, что на юго-западе, у последних островов, показалось большое судно, по виду крейсер. Здесь, на дальнем севере, где встречаются лишь китоловы да пароходы с туристами, появление военного судна было настоящим происшествием, и им живо заинтересовался даже принц; Курта же оно привело в состояние высшего возбуждения.

– Я готов поклясться, что это наша «Фетида»! – воскликнул он. – Я отлично знаю ее; мы встретились во время последнего плавания и на протяжении нескольких недель стояли вместе в гавани Рио. Флаг различить еще нельзя, но держу пари, что это «Фетида».

– Позвольте предложить вам мою подзорную трубу, ваша светлость; она сильнее, чем ваша, – сказал капитан. – Но надо перейти на ту сторону, где я сейчас стоял с лейтенантом Фернштейном, отсюда ничего не видно.

– Извини, я отойду на несколько минут, – обратился Зассенбург к своей невесте. – Вы пойдете с нами, Бернгард? Нет? В таком случае составьте компанию своей кухне. Пойдемте, господа!

Они отправились на противоположную сторону, откуда можно было видеть часть берега на юг и самую северную

группу островов; несколько минут превратились в четверть часа. Мужчины наблюдали за появившимся судном и подробнейшим образом обсуждали это, но, казалось, не могли прийти ни к какому решению.

Бернгард остался на прежнем месте; его, страстного моряка, казалось, нисколько не занимало так заинтересовавшее других судно. Какое ему было дело до какой-то «Фетиды», вообще до какого-нибудь немецкого судна? Ведь на своей «Фрее» он был свободным человеком, он сбросил с себя иго службы! И все же его губы сжались с выражением бесконечной горечи, и, казалось, ему не хотелось занимать двоюродную сестру. Она встала и подошла к нему.

– Вероятно, ты сам управлял сейчас своей «Фреей»?

– Да, конечно. А что? – спросил он с некоторым удивлением.

– Я так и думала, потому что мы не могли догнать тебя.

– Ты должна сделать этот комплимент не мне, а «Фрее». С другим судном это не удалось бы ни мне, ни Олафу; но «Фрея» слушается меня, как благородный конь своего господина, и повинуется малейшему движению руля.

– Ты, кажется, очень любишь свою «Фрею»?

– Люблю ли я «Фрею», мою стройную красавицу-невесту? – воскликнул Бернгард увлекаясь. – Я только и счастлив, когда могу уплыть далеко в море и оставить все остальное позади! Курт часто дразнит меня этой страстью, но он прав: после него – это самое дорогое, что у меня есть на све-

те.

– Самое дорогое? – повторила озадаченная Сильвия. – А твоя невеста?

– Ну, конечно, Гильдур составляет исключение, это само собой разумеется. Однако мы очень удачно попали сюда сегодня, вид чудесный. Когда я был здесь в последний раз, полночное солнце скрывалось в облаках, и весь север был затянут туманом; сегодня воздух совершенно прозрачный.

Быстрый переход в разговоре, вероятно, должен был сгладить впечатление от его неосторожных слов. Удалось ли это – оставалось неразрешенным вопросом, потому что Сильвия ничего не ответила; казалось, все ее внимание было сосредоточено на ландшафте, действительно отличавшемся поразительной красотой.

Черно-серые изорванные скалы Нордкапа с острыми выступами, мрачные и грозные, были облиты ярким светом; громадная стена отвесно спускалась в Ледовитый океан, плескавшийся у ее подошвы; по всей его поверхности, насколько охватывал взор, катились темно-синие валы с ослепительно-белой пеной на гребнях, похожие на табуны вздыбившихся коней с развевающимися белыми гривами, которые мчались с дикой яростью на штурм упрямых скал и разбивались об них; но все новые табуны поднимались из океана и бросались вперед. Глухой гул несся к небу.

Это была картина мрачного величия пустыни, а пробегавшее по ней ледяное дыхание севера делало краски холодны-

ми и безжизненными. Только на горизонте, где стояло солнце, и небо, и море они пламенели и жили. Солнце как будто касалось самой воды, но не погружалось в нее и не потухало. Оно парило в воздухе огромным пурпурно-огненным шаром, и волны, окрашенные его лучами, отливали красным цветом. Несколько выше тянулась гряда белых облаков со сверкающими краями, как будто посреди океанской пустыни выплыл далекий остров.

Бернгард и Сильвия стояли молча, погруженные в созерцание этой картины. Наконец девушка обернулась, бросила взгляд в сторону трех мужчин, смотревших в подзорные трубы, и быстро и тихо проговорила:

– Бернгард, мне надо спросить у тебя об одной вещи.

– Пожалуйста. Я к твоим услугам.

– Что хотел сказать Альфред своими странными намеками, когда говорил о смерти твоего отца? Он упоминал о каком-то решении.

– Спроси его сама! Я не понял его; ты ведь слышала.

– Ты не хотел понять его и не сказал, где умер твой отец, но я это знаю. Когда мы с тобой стояли у рунного камня, у тебя вырвалось слово, которое и тогда уже неприятно поразило меня, хотя я и не поняла его. Ты сказал: «Здесь погиб мой отец!» «Погиб!» Что это значит?

Бернгард не ответил; он не мог больше лгать, но его губы сжались, точно боялись произнести роковое слово, а на лице, как и тогда, выразилось сдержанное страдание.

– Ты не хочешь говорить? – продолжала Сильвия, – но ведь я тоже Гоэнфельс, и, хотя твой отец отрекся от нас, все-таки в нас течет одна кровь! Бернгард, ради Бога, скажи, как он умер?

В ее голосе слышалось полное страха желание узнать истину, предчувствие чего-то страшного, что скрывали от нее столько времени и что, тем не менее, теперь нашло к ней дорогу. Бернгард почувствовал, что больше не может молчать, и сказал отрывисто и хрипло:

– Он застрелился.

– Всемогущий Боже! – вздрогнула Сильвия.

– Теперь ты знаешь... не мучь же меня больше! – проговорил он с усилием и порывисто отвернулся. – Ты должна понимать, что для меня это пытка.

Она действительно понимала это, и прошло несколько минут, прежде, чем она проговорила:

– От кого же ты узнал это?

– От твоего отца в первый день приезда в Гунтерсберг.

– Тогда? Но ведь ты был тогда еще ребенком!

– Да, и обычно таких вещей детям не говорят; по крайней мере, Гаральд Торвик не сделал этого. У сурового, угрюмого парня не хватило духу сказать мне правду; он оставил меня в уверенности, что это был несчастный случай. Открыл мне глаза дядя Бернгард.

– Зачем же? Чего он хотел достичь этим?

– Подчинить меня своей воле! Должно быть, это было то-

гда нелегко. Меня привезли в Германию как пленника, и я грозил, что убегу, если меня не отпустят добровольно. Меня так безумно тянуло в Рансдаль с его скалами и морем, меня томила отчаянная тоска по отцу, который был для меня всем. Мне казалось, что он опять будет со мной, если я вернусь, и я хотел вернуться во что бы то ни стало. Дядя Бернгард знал это и прибег к радикальному средству: он сказал мне все, не щадя меня. Я узнал, что отец ушел от меня добровольно, бросил меня на полный произвол людей, которых так глубоко ненавидел; он и меня научил их ненавидеть.

По закону мне еще полагался опекун. Средство помогло. После этого я содрогался при мысли о возвращении и о могиле отца на рансдальском кладбище; для того, чтобы преодолеть этот ужас, мне понадобилось много лет. Воспоминание об отце было для меня отравлено, облито грязью, с того часа я не мог уже любить его. Я больше не сопротивлялся, когда меня отвезли в Ротенбах; я был вполне «укрошен»!

Слова бурно срывались с губ Бернгарда; в его глазах загорелась старая ненависть, гнев против человека, железная рука которого научила его покорности. В Исдале Сильвия страстно возмутилась против его обвинений, теперь же она тихо проговорила:

– Бедный Бернгард!

Он вздрогнул и посмотрел на нее удивленно, вопросительно. Его слова относились к ее отцу; он знал, как она раздражается, когда ее отца упрекают в чем-либо, и ожидал

недовольства и возражений. Что же означал этот тон, такой мягкий и ласковый, поразивший его слух?

– И ты вынес все это один в таком раннем возрасте! Еще и я всегда мучила тебя, когда ты приезжал в Гунтерсберг! Я не знала, почему ты такой грубый, необузданный, а если бы и знала, то не поняла бы.

Это была просьба о прощении; в голосе девушки звучали такие мягкие, дрожащие ноты, какие Бернгард слышал у нее только раз, когда она, защищая отца, говорила о его любви к больному ребенку. Тогда у него впервые шевельнулось подозрение, что в сердце этого привлекательного существа, которое он считал бездушным, кроется источник глубокого, страстного чувства. Правда, в следующую минуту Сильвия опять смеялась и поддевала его, и на вопрос, какое лицо у нее настоящее, иронически ответила: «Худшее, а потому бойся меня!» Но потом она отколола от платья розы и положила их на место, где погиб ее дядя. Эта девушка была для него полной загадкой.

Почти невольно с языка Бернгарда сорвалась фраза:

– Сильвия, мне хотелось бы хоть раз увидеть твое настоящее лицо.

Она близко нагнулась к нему и тихо сказала:

– Так посмотри на меня.

Он смотрел на нее так долго и пристально, точно не в силах был оторвать от нее взгляд, смотрел в ее широко раскрытые глаза; в эту минуту они ярко блестели, но блестели

сквозь слезы.

На горизонте все еще пламенело багровое солнце. Но вот оно отделилось от поверхности моря, на которой точно отдыхало до сих пор, и стало медленно подниматься; вот оно скрылось за сверкающей белой грядой облаков, и они вспыхнули сначала розовым, потом красным заревом. Казалось, оживала древняя легенда моряков о далеком-далеком острове, который иногда является одинокому мореходу, плывущему по необъятному безлюдному морю; это тот блаженный остров, где нашло себе убежище счастье, ушедшее из мира вражды, борьбы и страданий, и где еще можно настичь его и завладеть им. Он стоял там как светлое видение; над ним поднималось холодное небо севера, внизу расстилались темные пенистые волны Ледовитого океана.

Два человека, смотревшие с высокой скалы на море, тоже знали теперь, где скрывается счастье; и им вдруг стала ясна и понятна руническая надпись, остававшаяся до сих пор неразгаданной, и в ней они прочли свою судьбу, суровый, неумолимый приговор; они оба выбрали свою долю, но слишком поздно для счастья.

В течение нескольких минут не было сказано ни слова, но в этом молчании, в этой близости таилась опасность. Вероятно, Бернгард почувствовал это, потому что вдруг проговорил:

– Конечно, прежде чем мы уедем, мне придется пойти к дяде. Я приду с Куртом на яхту.

Сильвия знала, что это неизбежно, если он не захочет обидеть ее отца, но теперь она боялась встречи, которую когда-то сама устроила из шалости, и ее ответ выдал ее тревогу:

– Если бы только ты и папа не относились друг к другу так враждебно! Как два врага, ожидающие только удобной минуты, чтобы скрестить шпаги.

– Разве это моя вина? – угрюмо спросил Бернгард. – То-го, что твой отец заставил меня выслушать, делая вид, что говорит с Куртом, в другой раз я не вынесу; я отвечу ему.

– Бернгард, ты не сделаешь этого!

– Непременно сделаю! Почему же нет?

– Потому что я прошу тебя об этом! Папа может быть жесток, когда речь идет о долге. Тогда он хотел, во что бы то ни стало оторвать тебя от твоих воспоминаний, отчуждавших тебя от нас и от родины, он хотел спасти тебя для нас. Ты будешь помнить об этом, обещаю мне!

Это был опять тот голос, перед которым упорство и горечь Бернгарда были бессильны. Он вдруг схватил все еще лежавшую на его руке руку Сильвии, сильно и горячо сжал ее и сказал с глубоким вздохом:

– Я постараюсь.

Солнце медленно поднималось, выплывая из-за облаков; его темный багрянец сменился золотым сиянием, а вокруг рассыпались золотые лучи. Но на сказочном острове свет померк. Там, вдали,плыли теперь лишь серовато-белые, перистые облака, а под ними грозно и мрачно вздымались мор-

ские волны.

– Ну, что, господа, налюбовались красотами природы? – спросил Зассенбург, подходя к ним с двумя своими спутниками. – А мы тем временем делали интересные наблюдения. Судно, крейсирующее у тех островов, несомненно, немецкое. Мы рассмотрели флаг, и, по всей вероятности, лейтенант Фернштейн окажется прав: должно быть, это «Фетида», потому что она действительно отправлена в плавание на север. Впрочем, я думаю, пора нам возвращаться обратно. Вот идут туристы, и теперь прощайте спокойствие и настроение. Счастье, что мы опередили их.

Бернгард и Сильвия поспешно согласились, и все вместе пошли назад. На другом конце плато стали показываться первые туристы. Их было больше ста человек; они завладели пустынной вершиной, наполнив ее веселыми, но весьма шумными разговорами и смехом. Спуск был не совсем безопасен; Курт и Бернгард шли впереди, за ними следовал Зассенбург; он беспрестанно оборачивался и предлагал руку невесте, чтобы поддержать ее, но она ни разу не приняла помощи; капитан заключал шествие. Они прошли около двух третей дороги и уже довольно близко перед собой видели бухту. Вдруг Курт, ушедший несколько вперед, заметил фигуру, неподвижно сидевшую на узкой, крутой тропинке и, несмотря на многократные его оклики, не выказывавшую намерения сойти с этого странно выбранного для остановки места. Раздосадованный Курт ускорил шаги, чтобы объяс-

нить бесцеремонному субъекту, что он мешает пройти другим, но, подойдя ближе, убедился, что о невежливости здесь не могло быть и речи. Молодой человек – очевидно турист – сидел на тропинке на корточках с закрытыми глазами, судорожно ухватившись обеими руками за проволочный канат, ограждавший тропинку в этом довольно опасном месте. Казалось, он ничего не видел и не слышал, пока Курт не подошел к нему вплотную и не схватил его за плечи.

– Филипп! Несчастный ты человек! Что с тобой! – воскликнул он, узнав сидевшего. Услышав знакомый голос, Редер открыл глаза и поднял мертвенно-бледное лицо, покрытое холодным потом.

– Помоги мне, Курт! – простонал он. – Я не могу идти дальше.

– Отчего не можешь, черт тебя побери? И отчего у тебя такой вид? Не мог же ты здесь, посреди скал, заболеть морской болезнью?

– У меня кружится голова, – ответил Редер. – Подъем слишком крут для меня, я отстал... хотел вернуться назад... вдруг голова закружилась...

Он неожиданно выпустил из рук проволочный канат и обеими руками вцепился в молодого моряка.

– Ого! Я не заборный столб! – сердито крикнул Курт. – Сделай милость, выпусти меня, иначе мы оба кувыркнемся вниз. И чего ты не сидишь дома? На море у тебя морская болезнь, на суше голова кружится, езды на колесах ты не пе-

реносишь, ну какой ты к черту турист?

В это время на верхнем повороте тропинки показался Бернгард; он с удивлением увидел эту группу.

– Что тут такое? Кто там с тобой? – крикнул он вниз.

– Конечно, Филипп! У него для разнообразия закружилась голова! – закричал в ответ Курт, а затем опять схватил беднягу за плечи и сильно потрянул его. – Да соберись же, наконец, с духом! Вот идут принц Зассенбург и баронесса Гоэнфельс; как они пройдут, если мы не дадим им дороги? Ты слышишь?

– Не тряси так! – застонал Редер, которому стало уже совсем дурно. – Я не могу!..

Он действительно не мог двинуться с места.

Убедившись в этом, моряк решительно подхватил его и стащил немного ниже, до места, где, к счастью, у самой дороги скала образовала выступ; тут он остановился со своей ношей. Бернгард быстро объяснил спутникам, в чем дело, и принц и Сильвия, проходя мимо молодого человека, знакомого им по Рансдалю, в нескольких словах выразили свое сожаление и сочувствие.

При других обстоятельствах Филипп пришел бы в отчаяние, если бы оказался в подобном состоянии перед его светлостью и молодой дамой, теперь же он едва осознавал, что с ним. Он слышал только, как Бернгард спросил Курта: «У тебя хватит силы доставить его вниз целым и невредимым? Может быть, тебе помочь?» и как, вслед за отрицатель-

ным ответом Курта, принц заявил: «Мы подождем вас внизу; здесь неудобно останавливаться». После этого они пошли дальше, а Курт остался один со своим бывшим школьным товарищем.

Особенного удовольствия это ему не доставляло, потому что со времени угрозы Инги превратить игру в серьезное дело, Филипп Редер, «этот баран», как величал его Курт со свойственной ему «деликатностью» в выборе выражений, повысился в ранг соперника; и этого соперника он должен был бережно, осторожно сводить с горы, тогда как с наслаждением спустил бы его вниз кувырком! Впрочем, злое поползновение сделать это так и осталось поползновением; человечность восторжествовала, но Курт принялся за своего школьного товарища так энергично, что по временам тот почти терял сознание. Он волочил Филиппа самым бесцеремонным образом, а когда замечал в нем расположение к новому припадку головокружения, ради придания ему бодрости щипал его не особенно нежно. Бедняга Редер сносил все с кротостью ягненка; и чувствовал только, что его поддерживают и ведут, все остальное для него было безразлично. Наконец они сошли вниз; Зассенбург и Бернгард ожидали их и, удостоверившись, что все благополучно, пошли к лодкам, ждавшим их у берега.

Курт не сразу последовал за ними; он решил подождать, чтобы спасенный им Филипп, который чуть живой грохнулся на зеленый пригорок, немножко пришел в себя. Увидев,

что Филиппу лучше, он начал гневным тоном:

– Ну, скажи же мне на милость, каким образом ты попал на Нордкап? Я думал, что ты давно в Дронтгейме, а ты вместо этого шатаешься тут по скалам. Ты еще не был там?

Филипп, поразительно быстро оправившийся, как только очутился на ровном месте, покачал головой.

– Что мне было там делать? Ведь Лундгрены все это время жили на своей даче, вот я и ездил пока с туристами и изучал норвежский язык.

Он произнес последние слова с некоторой торжественностью, очевидно, чрезвычайно гордясь новоприобретенными лингвистическими познаниями, и сейчас же продемонстрировал их, сказав несколько фраз. Молодой моряк выслушал их, окаменев от изумления.

– На каком языке ты говоришь? На норвежском? Это очень похоже на китайский! Что ты сказал?

– Дело вовсе не в том, чтобы ты понимал, – отпарировал Редер, рассерженный такой беспощадной критикой. – Она поймет меня, а в этом вся суть.

– Значит, ты поспешишь предстать перед Ингой Лундгрэн во всем блеске своих новых познаний в норвежском языке?

Филипп с полным сознанием собственного достоинства многозначительно ухмыльнулся.

– Разумеется, она очень любезно пригласила меня в гости; теперь она, наверно, уже в городе. Наш пароход идет отсюда прямо в Дронтгейм. Через три дня я буду там и увижу ее...

Ах!

Он сделал такие восторженные глаза, что Курт с трудом устоял против искушения закатить ему пощечину; он не в силах был больше сдерживать свой гнев и дал ему волю. — Желаю тебе всяческого удовольствия! Но если ты приедешь в Дронтгейм с этим норвежским языком, то тебя не поймет ни одна душа, и она тоже не поймет. Прощай! — и, повернувшись к Редеру спиной, моряк стремительно зашагал к лодкам.

Филипп смотрел ему вслед с видом бесконечного превосходства. Ему и в голову не пришло поблагодарить друга юности за оказанную ему услугу, но он наслаждался его досадой. Ну, конечно, его успехи не нравились, его счастьем завидовали! Он решил, что Курт Фернштейн первым получит известие о его помолвке.

Редер уселся поудобнее на траве и стал ждать возвращения своих спутников, а тем временем вполголоса начал повторять объяснение в любви на норвежском языке. Он считал, что оно звучит чудесно, но всякий уроженец этой страны схватился бы за голову, услышав такие фразы и такое произношение, если бы только ему удалось разобрать хоть слово.

Тем временем обе лодки причалили к «Орлу». Министр вышел навстречу прибывшим; он не ложился еще в постель, потому что хотел подождать возвращения дочери, и потому аудиенция у «его превосходительства строжайшего дядюшки», как выражался Курт, могла состояться немедленно. Все

остались на палубе, так как солнце снова заливало море светом, как днем, и вообще в это время года ночь здесь не отличалась от дня. Встреча носила не такой церемонный характер, как при первом приезде в Рансдаль.

Экскурсия, с которой вернулась компания, и близость «Фетиды», которую Гоэнфельс мог подтвердить вследствие полученного им донесения, дали неистощимую тему для разговора. Бернгард сдержал свое обещание: он был холоден по отношению к дяде, но безупречно вежлив, и все, по-видимому, должно было обойтись мирно.

В настоящую минуту они беседовали с другом один на один, Сильвия стояла с принцем и Куртом у борта и смотрела вверх на Нордкап; там отчетливо вырисовывались силуэты туристов, возвращавшихся с того места, откуда принято любоваться видом, и собиравшихся спускаться. На почтительном расстоянии от господ, но все же довольно близко, стоял Христиан Кунц, вместе с ними взошедший на палубу. Он непременно желал хоть разок увидеть «нашего министра», перед которым так благоговел его брат Генрих. В Рансдале ему это не удалось, зато сегодня, когда он привез своих господ на яхту, ему удалось пробраться на палубу и теперь в самой почтительной позе созерцать барона, аристократичная внешность которого импонировала ему в высочайшей степени.

– Нордкап был целью нашего путешествия, и мы сегодня же отправляемся в обратный путь, – говорил Гоэнфельс,

медленно шагая, ходя взад и вперед по палубе рядом с племянником. – Вы тоже возвращаетесь? Мне казалось, что у вас было намерение побывать еще на Шпицбергене?

– На этот раз нет, – ответил Бернгард, – мы ограничены временем; отпуск Курта подходит к концу, а мне хотелось бы показать ему еще несколько интересных мест на берегу, которые мы пропустили, плывя сюда. Потом он поедет из Бергена домой.

– Мы предполагаем еще остановиться на несколько недель в Альфгейме, – заметил министр. – Следуя строгому врачебному предписанию, я должен прожить на севере целых два месяца и дать себе полный отдых. Сократить срок нельзя, но зато, кажется, успех гарантирован; я уже чувствую себя совершенно здоровым и надеюсь по возвращении со свежими силами взяться за работу.

Последние слова выражали удовольствие. Для этого человека жить значило работать. В эту минуту они подошли к молодому голштинцу, с восторгом пялившему глаза на министра; последний заметил это и, мельком бросив на него взгляд, произнес:

– Это совсем незнакомое лицо. Я довольно хорошо знаю наш экипаж. Ты, очевидно, не с «Орла»?

Христиан вытянулся и отдал честь.

– Никак нет, ваше превосходительство! Я с «Фрей» капитана Гоэнфельса!

– Вот как! Капитан Гоэнфельс! – сказал барон с легкой

насмешливой улыбкой.

Бернгард сжал губы и бросил на Христиана сердитый взгляд; у того глаза и уши были направлены только на министра, который остановился и спросил, как его имя и откуда он родом.

– А, так ты из Киля? Значит, вырос среди наших моряков, – заметил он.

– Так точно, ваше превосходительство! – с гордостью ответил Христиан. – Мой брат Генрих служит на флоте, матросом на «Фетиде». Я тоже хотел поступить юнгой, да приехал господин капитан и взял меня к себе.

– И ты служишь теперь на норвежском судне, – добавил министр, выразительно взглянув на «Фрею», у которой на мачте развевался норвежский флаг. – Пожалуй, ты уже совсем забыл родину?

У бедного юноши, только что жаловавшегося землякам на тоску по родине, вся кровь прилила к щекам, но он ни за что не хотел выдавать себя перед своим хозяином, смотревшим на него так странно, мрачно и угрожающе. Он молча опустил глаза и только покачал головой.

– Нет, не забыл? – спросил министр. Его пронизательные глаза пристально смотрели на матроса. – Ну, так храни же ее в своем сердце. У человека нет ничего лучшего и более святого, чем любовь к родине. Кто потерял ее, тот потерял самого себя.

– Извини, дядя, – перебил его Бернгард, с трудом сдер-

живая раздражение. – Это зависит от того, где наша родина. Для нас, моряков, она на море; на суше мы только мимолетные гости, а на море – мы у себя дома.

– И все же все вы пускаете корни где-нибудь на берегу, вот и ты оставался в Эдсвикене.

– Надо же человеку иметь где-нибудь дом и семейный очаг! Но где именно находится этот клочок земли – на юге или на севере – для нас безразлично.

– Для тебя, может быть, – холодно сказал Гоэнфельс. – Хорошо, что тебя не слышит твой бывший начальник, капитан Вердек. Он истый, бравый моряк, а между тем и душой и телом тяготеет к своему клочку земли в Померании, где находится старое родовое поместье его семьи. Как ты полагаешь, Христиан Кунц, ты где дома?

Очень редко случалось, чтобы министр снисходил до такой общительности. Красивый, цветущий юноша почувствовал, что понравился ему, поэтому совершенно перестал смущаться. Его глаза заблестели при этом вопросе, и он еще больше вытянулся в струнку.

– Господин лейтенант Фернштейн сказал: «На наших судах мы всегда дома, как бы далеко мы не уплыли. Где развеивается наш флаг, там наша, немецкая земля; она принадлежит нам, и Боже упаси того, кто вздумал бы тронуть нас там». Я думаю, ваше превосходительство, что господин лейтенант прав.

Это было сказано таким убежденным и вдохновенным то-

ном, что Гоэнфельс улыбнулся и положил руку на плечо голштинцу.

– Прекрасно, мой мальчик! Жаль, что ты ушел от нас. Такие молодцы, как ты, нужны нам на флоте. А ты знаешь, «Фетида» тут совсем близко. Она крейсирует у тех островов, и мы наверняка встретимся с ней в первой же гавани.

Христиан встрепнулся.

– «Фетида»? Мой брат Генрих? Наши моряки? – пролепетал он, и вдруг из его голубых глаз брызнули слезы.

Он до смерти испугался, что так опозорился и ждал строгого выговора, но вместо этого министр ласково сказал:

– Тебе нечего стесняться! Не стоит стыдиться слез при воспоминании о родине; это и с мужчиной может случиться. Вероятно, лейтенант Фернштейн захочет навестить своих товарищей; может быть, и тебе дадут отпуск, чтобы повидаться с братом. Да хранит тебя Бог, мой мальчик!

Ласково кивнув голштинцу, барон отошел, а Христиан остался на месте, преисполненный блаженства; он несказанно гордился тем, что такой человек разговаривал с ним, похвалил его, а известие о близости «Фетиды» окончательно воспламенило его. Он чувствовал сильное желание крикнуть громкое радостное «ура», но знал, что это неприлично. Поэтому он продолжал стоять навтыжку, приложив руку к козырьку, пока оба господина не повернулись к нему спиной; тогда он опрометью бросился на заднюю палубу и возвестил всем великую новость, которую его превосходительство со-

общил ему лично.

– Славный мальчик! – сказал министр, идя дальше. – У него сердце на месте и язык тоже, и, мне кажется, он очень привязан к своему капитану.

Это было сказано с такой же легкой иронией, как и раньше; тогда Бернгард стерпел этот тон, затаив гнев, но теперь его терпение кончилось; опять над ним и дядей сгустилась грозная туча, и он ответил голосом, в котором довольно явно слышались раскаты отдаленного грома.

– Я выбью из головы мальчишки эту привычку звать меня капитаном! Я уже не раз запрещал ему это, но в его глупой башке чересчур крепко засел этот «капитан».

– Зачем же, Бернгард! Ты имеешь полное право на это как хозяин своей «Фрей». Я думал только о том, сколько труда, знаний и опыта тратят люди, прежде чем достигают таких результатов на нашем флоте. Курту понадобится на это лет двадцать, тебе же удалось это сделать гораздо быстрее. Впрочем, ты пожертвовал для этого своим будущим, не всякий способен на такой поступок.

– И это касается меня одного! – разгорячился Бернгард. – Я никому не позволю...

Он вдруг замолчал, яркая краска гнева сбежала с его лица, и глаза, только что сверкавшие злобой, с совершенно другим выражением остановились на какой-то точке. Гоэнфельс с удивлением посмотрел по направлению его взгляда и увидел, что к ним подходит его дочь.

Сильвия не теряла их из виду, даже когда разговаривала с другими. Она знала лицо своего отца в те минуты, когда он с холодным, уничтожающим спокойствием умирал непокорных; она видела также, как все сильнее, все грознее надувались синие жилы на висках ее двоюродного брата. Гроза готова была разразиться, и она поспешила вмешаться.

– Бернгард!

В одном этом слове заключались и напоминание, и укор, и оно оказало поразительное действие; Бернгард, хотя и с трудом, совладал со своей дикой вспыльчивостью; было видно, как он боролся с собой; но когда он снова обернулся к дяде, то уже вполне владел голосом.

– Прости, дядя, если во мне иногда просыпается прежний бесноватый; он еще окончательно не умирлен. Но Сильвия права; по крайней мере, во время нашего краткого свидания он не должен проявлять себя.

Министр не верил своим ушам; эта уступчивость племянника была для него совершенной неожиданностью. У них уже не раз доходило до таких столкновений, и если дело не кончалось открытой ссорой, то Бернгард обычно замыкался, становился хмурым и упрямо молчал; сегодня он снизошел до формального извинения. Это было странно.

К ним подошли Зассенбург и Курт, и разговор перешел на другую тему. Впрочем, он скоро кончился, потому что было уже три часа утра и надо было, наконец, подумать об отдыхе. Молодые люди простились, и принц с обычной любезностью

пошел проводить их до трапа. Как только они отошли, министр вполголоса спросил:

– Что это с Бернгардом?

– Что ты хочешь сказать, папа? – спросила Сильвия.

– Я говорю о том, как подействовало твое напоминание, когда он уже собирался по обыкновению вспылить. Разве вы так сблизились? Я думал, что вы держитесь на определенном расстоянии друг от друга.

Сильвия с упреком подняла на него глаза.

– Папа, почему ты не сказал мне, как умер дядя Иоахим?

– Ты знаешь?

– Да... узнала час тому назад.

– От Бернгарда? Обычно он не позволяет, чтобы кто-нибудь касался этой темы, а тебе он сказал?

– Не добровольно; у него вырвалась фраза, заставившая меня заподозрить правду, и я вынудила его признаться.

– Он должен был молчать, – Гоэнфельс сердито нахмурился. – Тебе не следовало знать об этой мрачной трагедии в нашей семье. Я нарочно скрывал ее от тебя.

– Но ему ты сказал, когда он был еще мальчиком, когда он со своим пылким сердцем, переполненным горем, приехал прямо с могилы отца, которого страстно любил, ты сказал ему, что его отец – самоубийца! Ты не должен был делать этого, папа! Почему ты был так жесток?

– Потому, что не мог иначе заставить его слушаться, – ответил министр внешне спокойно. Сначала он был толь-

ко удивлен такому порыву, но горячее заступничество дочери вдруг внушило ему неприятное подозрение; однако через минуту он отогнал его от себя и торопливо произнес: – Тише, Альфред идет. Он знает об этом?

– Нет, но, как мне кажется, подозревает.

– Так пока не говори ему!

Запрещение было излишне, Сильвия и сама не сказала бы. Альфред действительно шел к ним.

– Этот Бернгард – удивительно неугомонная натура, – сказал он. – Сейчас он собирается ехать на лодке стрелять морских птиц. Даже лейтенант Фернштейн считает, что это уж слишком, и намерен лечь спать. Я думаю, и нам тоже пора на покой.

Он предложил руку невесте, чтобы отвести ее вниз; Гоэнфельс тоже ушел к себе, но тревога не давала ему уснуть. Сцена в будуаре дочери, происшедшая вчера после полудня, была для него загадкой, но такой ее разгадке, которая вдруг пришла ему в голову, он не мог и не хотел верить. Ведь Сильвия и Бернгард виделись всего лишь несколько раз! Барону не было известно об их встрече в Исдале, он не знал, что иногда часы значат больше, чем недели и месяцы знакомства. Но вдруг проснувшееся подозрение уже не покидало его.

На палубе «Фрей» стоял Бернгард со своим другом. Он пришел лишь для того, чтобы взять ружье, и был уже готов отправиться на охоту.

– Так ты не едешь со мной, – спросил он. – А как же Фи-

липп? Он придет на «Фрею»? Мы останемся здесь еще два часа.

– Я не приглашал его, – ответил Курт, – да и едва ли у него нашлось бы для этого время; он едет отсюда прямо в Дронтгейм и упадет там к ногам своей возлюбленной.

– Вот как? А ты?

– Я? Я-то здесь при чем?

– Конечно, тебе это лучше знать! Правда, я не думаю, чтобы такая хорошенькая и богатая девушка, как Инга, у которой так много поклонников, выбрала такое соломенное чучело, но, учитывая ее капризный характер, от нее всего можно ожидать; и если ты предоставишь Редеру свободу действий, то...

– Сделай мне одолжение, перестань, наконец, говорить об этом, – яростно перебил его Курт. – Пусть себе Филипп обручается, венчается или сворачивает себе шею на скалах – мне все равно!

– Причем последнее было бы тебе приятнее всего, – сухо заметил Бернгард. – И, тем не менее, ты собственноручно стащил его вниз на безопасное место. Ну, так до свиданья! Я вернусь вовремя!

Он ушел, и лодка тут же отчалила; он греб сам. Курт объявил, что слишком устал, чтобы принять участие в охоте, но, несмотря на это, и не подумал ложиться, а остался на палубе; он наблюдал, как компания туристов садилась на пароход, как последний поднял якорь и отчалил. Молодой моряк

смотрел ему вслед с нахмуренными бровями и сжатыми губами, пока тот не исчез за выступом берега. Курт не хотел признаваться даже самому себе, до какой степени его мучила тоска. Он ни за что не хотел поступиться своей мужской гордостью и упрямством, но на душе у него было тяжело. Он с величайшим удовольствием отправился бы на этом пароходе в Дронтгейм.

Над морем грохотали пушки, в ответ доносились более слабые выстрелы. Это «Фетида» обменивалась приветствиями с «Орлом», входившим в гавань. На крейсере узнали о присутствии на яхте министра фон Гоэнфельса и салютовали в честь известного государственного деятеля родной страны. На палубе среди офицеров находился лейтенант Фернштейн, а среди матросов рядом с братом стоял Христиан Кунц; их голоса присоединились к громкому «ура», которое провожало проходившую мимо яхту. Простой и приветливый маленький северный городок со своей гаванью, деревянными домами и двумя церквями весь был залит горячими лучами солнца. Обычно сюда заходили лишь торговые и почтовые суда да пароходы с туристами, останавливавшиеся на несколько часов, но сегодня обитателям городка было на что посмотреть. Маленькое, проворное парусное суденышко «Фрея» и яхта принца бывали здесь и раньше, но прибытие германского военного судна было выдающимся событием; оно стояло вне гавани, но его можно было хорошо разглядеть. Барон Гоэнфельс охотно мог избежать бы этой встречи, но город входил в программу их экскурсии, а Курт был чрезвычайно рад случаю повидаться с товарищами, в обществе которых он провел несколько недель в Рио-де-Жанейро. «Фрея» приплыла еще утром, потому что шла прямо от

Нордкапа, тогда как «Орел» сделал по пути еще одну остановку.

Утром Бернгард и Курт встретили капитана и офицеров крейсера на берегу. Фернштейна приняли с распростертыми объятиями; его друг не был знаком с офицерами, но, как бывшего флотского офицера, его, разумеется, тоже встретили по-товарищески. Все выразили сожаление, когда он отказался от приглашения на «Фетиду» под тем предлогом, что обещал непременно быть у консула, с которым находился в дружеских отношениях. Зато они завладели Куртом, и тот отправился к ним вместе с сияющим от радости Христианом, получившим отпуск, чтобы повидаться с братом.

Вечером в маленькой гавани было очень оживленно; лодки то и дело сновали взад и вперед. Командир и офицеры «Фетиды» нанесли визит министру, и он вместе с дочерью и принцем побывал на их корабле с ответным визитом; в заключение на «Орле» состоялась импровизированная вечеринка. Зассенбург был гостеприимным хозяином, а Сильвия находилась в центре внимания всего общества.

Было уже довольно поздно, когда Бернгард возвращался из города. Он не был близко знаком с консулом и при других обстоятельствах, наверно, не пошел бы к нему, но надо было найти предлог не ехать на «Фетиду», и он принял приглашение гостеприимного норвежца.

В городе царил оживление. Часть экипажа крейсера была отпущена на берег, и теперь матросы группами возвраща-

лись на судно. Гоэнфельс все время встречал их по дороге; среди них был и Христиан. Он шел под руку с братом и воспользовался случаем, чтобы представить его. Бернгард окинул приветливым взглядом сильного, загорелого матроса, задал ему два-три вопроса, сказал несколько дружеских слов и пошел дальше. Братья остановились и стали о чем-то переговариваться; у Христиана при этом была самая отчаянная физиономия, но Генрих по-братски дал ему тумака и сказал, подбадривая его:

– Ну-ну, ты у меня не отвертишься! Уж если дело зашло так далеко, то выкладывай все начистоту! Не съест же тебя твой капитан. Скажи ему все сейчас, и дело с концом!

– Если бы только это не было так трудно! – вздохнул Христиан. – Мне кажется, я не решусь! Ты подождешь, чтобы я мог сказать тебе, что он ответит?

– Подожду. У нас еще полчаса до конца увольнения на берег. Я буду ждать около наших лодок.

Он зашагал по направлению к лодкам, а Христиан побежал вслед за своим хозяином и догнал его.

– Господин капитан! – начал он, но тотчас запнулся, встретив его недовольный взгляд.

– Я раз и навсегда запретил тебе звать меня так, – сказал Бернгард. – Неужели из тебя невозможно этого выбить?

Юноша смущенно наклонил голову. Действительно, после разговора с министром ему было строго запрещено называть Бернгарда капитаном, но он никак не мог отвыкнуть от это-

го.

– Я забыл! – извинился он. – Мне хотелось бы... мне надо было бы... поговорить с вами...

– Здесь, на берегу? Разве ты не можешь подождать, пока мы вернемся на «Фрею»?

– Можно и тогда, только Генрих ждет меня вон там, я должен сказать ему о нашем разговоре.

– Ну, говори, – нетерпеливо сказал Бернгард.

Христиан глубоко вздохнул и приготовился говорить, но никак не мог начать и только смотрел на своего хозяина с такой жалобной миной, что тот обратил на нее внимание.

– Что с тобой? Ты смотришь каким-то несчастным грешником. Надеюсь, с тобой не случилось ничего плохого?

– Плохого ничего, но может случиться. То есть, Генрих говорит, что это вовсе еще не очень плохо... но... но...

Он стал заикаться, густо покраснел и опять замолчал. Бернгард внимательно смотрел на него; у него закралось подозрение, что братья чересчур перебрали на радостях, однако сразу же убедился, что юноша совершенно трезв, но сильно взволнован.

– Ну, выкладывай же, наконец, что у тебя там, – подбодрил его. – Ведь не боишься же ты меня!

– Нет, конечно, нет! – стал уверять Христиан. – Вы всегда так добры ко мне! Мне всегда было хорошо на «Фрее» и в Эдсвикене... как нигде на свете! Генрих говорит, что на наших судах другая жизнь, там служба трудная, и ему прихо-

дилось очень плохо, пока он не стал матросом. Корабельных юнг гоняют, кричат на них, а они и пикнуть не смеют. А мне, напротив, так хорошо жилось...

– Но что все это значит? – сердито крикнул Бернгард. – Причем ты без конца твердишь, что доволен своим местом, что тебе хорошо у меня?

– Да, но я не в силах больше выносить это! – вдруг с отчаянием вскрикнул юноша. – Нет, я, право, не вынесу больше этой хорошей жизни! Лучше пусть меня гоняют, пусть кричат на меня, но я должен вернуться!

Бернгард понял, в чем дело.

– Куда вернуться? – отрывисто спросил он. – В Киль?

– На флот! – воскликнул Христиан. – Все равно, где я буду, в Киле или в другом месте; под нашим флагом мы везде у себя дома. Я молчал и все старался привыкнуть, но, право, не могу постоянно находиться среди чужих, где не слышу ни одного родного слова. Прошлую зиму, когда нас занесло снегом в Эдсвикене, я чуть не умер! Я готов был бежать, куда глаза глядят! Во второй раз я этого не выдержу. Когда уедет господин лейтенант Фернштейн и уйдет «Орел» с моими земляками... пусть меня лучше тут же похоронят в Рансдале, мне будет легче! Вот до чего дошло!

Бедный юноша высказал, наконец, все, что было у него на душе. Прошло несколько минут, прежде чем он услышал ответ на свои слова. Бернгард сказал внешне спокойно:

– Ты хочешь уйти? Ну, что ж, с Богом! Ты поехал со мною

по собственному желанию и волен уйти, когда захочешь. Я не держу тебя.

Христиан перевел дух и, наконец, осмелился посмотреть на господина, который стоял совершенно спокойно, но на его лице и в голосе было что-то такое, чего голштинiec не мог себе объяснить. Он начал как-то судорожно приводить всевозможные доводы:

– Его превосходительство господин министр сказал, что на нашем флоте нужны такие, как я. А Генрих говорит, что, так как мне нет еще восемнадцати, то меня возьмут в Киле, а корабельному делу я научился на «Фрее», так что мне будет легче. А тут еще «Фетида» пришла с нашими. Если только вы не сердитесь...

– Нет, я не сержусь. Как только мы вернемся в Рансдаль, можешь уходить, а я позабочусь, чтобы ты не вернулся в Киль без гроша, тебе ведь многое понадобится при поступлении. Ступай... на свой флот!

Он повернулся и пошел дальше. Христиан продолжал стоять на месте и чуть не плача, смотрел ему вслед. Он только теперь понял, что не будет больше видеть своего хозяина, не будет больше видеть «Фрей», и его душа рвалась на части. Он долго еще не двигался с места, а потом нерешительно поплелся к лодке, где с нетерпением его ждал Генрих.

– Ну, как дела? Очень рассердился твой капитан? – встретил его брат.

– Нет, он был такой ласковый... Он отпустит меня, когда

мы вернемся в Рансдаль, и хочет еще позаботиться обо мне, когда я поступлю в юнги.

– Вот видишь! – сказал очень довольный Генрих. – А ты боялся! Я говорил, что господин Гоэнфельс всегда поступает благородно по отношению к тебе. Однако мне пора на судно! Через шесть недель мы тоже будем в Киле, а ты, конечно, будешь раньше. Кланяйся отцу с матерью!

Братья пожали друг другу руки. Генрих сел в лодку, отходившую на «Фетиду», а Христиан остался один на опустевшем берегу.

Он всеми силами старался чувствовать радость, но перед глазами стояло лицо его капитана, и он прочел на этом лице немой упрек. Он горько всхлипнул, вытащил клетчатый платок и провел им по глазам; но это не помогло, ему стало даже еще грустнее. И вдруг этот семнадцатилетний парень залился слезами и заревел, как настоящий мальчишка.

Это продолжалось довольно долго, но когда Христиан успокоился, это был уже будущий корабельный юнга германского флота; он вытянулся во фронт и повернулся в сторону «Фетиды», флаг которой гордо развевался на ветру. Теперь это был уже его флаг, отныне и он принадлежал флоту. И, хотя его глаза еще были мокрыми от слез, он громко кричал в ту сторону ликующее «ура!».

Бернгард стоял со скрещенными руками, прислонившись к мачте своего судна, и смотрел прямо перед собой. Итак, и Христиан хочет бросить его, а ведь как охотно, с какой радо-

стью он поехал с ним тогда! Он не мог больше выносить хорошую жизнь среди чужих, его тянуло домой, хотя его домом в будущем должны были стать лишь военные суда. Правда, под родным флагом всюду была германская земля, а на мачте «Фрей» развевались иностранные цвета. Христиан был всего лишь подчиненным, его положение исключало возможность быть с ним на короткую ногу, но все же свежее, веселое лицо юноши и его трогательная привязанность были для Бернгарда частицей родины; теперь он и с этим расставался навсегда!

Было уже довольно поздно. Нордкап остался позади на расстоянии нескольких дней пути, и солнце в этих широтах опять заходило, хотя и на короткое время. Оно уже опустилось за горизонт, но в городе и его окрестностях было еще светло как днем. Море было спокойным, почти неподвижным, только легкий ветерок, чуть шевеливший вымпелы судов, изредка рябил его тихую поверхность; небо над морем казалось чуть зеленоватым, а воздух был необыкновенно прозрачным и чистым.

«Фетида» стояла довольно далеко за бухтой, но ее флаг, мачты и реи отчетливо вырисовывались на светлом фоне неба. Мимо проплыла лодка, на которой находился Генрих и другие моряки с «Фетиды»; они весело пели немецкую песню, которая часто звучала и на «Винете». В бухте, у самого города, на якоре стоял «Орел». Там виднелась высокая фигура министра; он ходил взад и вперед, беседуя с команди-

ром «Фетиды», а в кругу офицеров белело платье Сильвии. Курт тоже был там. Иногда среди глубокой вечерней тишины оттуда доносились отдельные звуки, смех, говор, тосты. По-видимому, там веселились.

Это были дети одной страны. Они никогда раньше не видели друг друга и через несколько часов должны были снова разойтись в разные стороны, чтобы, может быть, больше никогда в жизни не встретиться; но они были своими друг для друга, их связывала родина, а Бернгард, одиноко стоявший на своем судне, казался сам себе каким-то отверженным. Он не принял приглашения на «Орел», потому что не хотел прочесть на лице своего дяди немой, презрительный вопрос: «Что тебе здесь надо? Мы здесь среди своих!» И нужно же было Христиану именно сегодня явиться со своей просьбой отпустить его, со своим захватывающим описанием последней зимы, когда он чуть не умер и был готов бежать, куда глаза глядят! Как будто его капитан не переживал так же на протяжении тех одиноких зимних ночей! Только он признавался в этом.

Общество на яхте стало расходиться; офицеры возвращались «Фетиду». Скоро приехал и Курт и стал рассказывать об импровизированном празднестве.

– Праздник вышел просто блестящий. Дядя был сама любезность. Правда, офицеры усердно чествовали его и обращались ним как с каким-нибудь монархом. Сильвия, разумеется, воспламенила сердца всех молодых людей. Она в са-

мом деле была восхитительна.

– А Зассенбург?

– Как всегда был любезен и вежлив, но, мне кажется, он порядком заскучал в этой сутолоке. Он скованно чувствует себя в обществе и на празднествах, они ему больше не по вкусу. Будущая супруга опять втянет его в светскую жизнь. А почему тебя не было?

– Зачем же мне было идти туда? – спросил Бернгард. – Я чувствую себя чужим в вашем кругу.

– Но ты был в нем своим как офицер и вышел в отставку с соблюдением всех приличий. По крайней мере, на «Фетиду» ты мог спокойно поехать, тебе нечего было бояться намеков дядюшки.

Бернгард промолчал, он не мог сказать, что боялся воспоминаний. Вместо ответа он спросил:

– Ты, конечно, извинился за меня на «Орле».

– Да, я все свалил на визит к консулу и сказал, что ты явишься завтра утром на четверть часа.

– Конечно, придется явиться, ведь завтра утром мы уходим. Нам остается посмотреть еще два интересных места, я непременно должен показать их тебе. Ты же знаешь нашу программу. Я полагаю, через неделю мы будем в Бергене.

– В самом деле? – произнес Курт как-то странно протяжно. Он обеими руками ухватился за барьер и как будто вглядывался в «Фетиду». Вдруг он проговорил не оборачиваясь:

– Бернгард, я хотел предложить тебе...

– Что именно?

– Что бы ты сказал, если бы мы... ну, если бы мы отправились отсюда прямо в Дронтгейм?

– Ты хочешь?

– Я не хочу, а должен! – вдруг вскрикнул молодой моряк. – Я долго боролся с собой, но, с тех пор как встретил в Нордкапе Филиппа и узнал его планы, я не знаю покоя. Ради Бога, не таскай меня по своим интересным местам! Все равно я ничего не вижу. Одним словом, я должен попасть в Дронтгейм, хотя бы мне пришлось добираться туда вплавь. Ну, смейся же надо мной!

Но друг не стал смеяться, а только проговорил вполголоса:

– Значит, вот до чего дошло!

– Да, вот до чего дошло! – подтвердил Курт с каким-то нервным смешком. – Как подумаю, что этот хвастунишка Филипп может выхватить у меня из-под носа такую милую девушку, а я сижу здесь, на «Фрее», и пальцем не шевелю, хотя бы для того, чтобы отшлепать его по обеим щекам, – то ну их к черту и гордость, и упорство! Все это вздор, когда на карту поставлено счастье. Пойду еще раз на приступ!

– Я это давно знал, только не решался затрагивать этого вопроса; ты только нагрубил бы мне. А теперь ты позволил Филиппу опередить тебя; вероятно, он уже там.

– Не побежит же он прямо с парохода свататься! – в ярости крикнул моряк. – Со своим ужасным норвежским язы-

ком, которого ни одна душа не разберет, он недалеко уйдет, а тем временем приеду я... Так едем в Дронтгейм?

– Едем, и если будет попутный ветер, то через два дня будем там.

Курт глубоко вздохнул. Было видно, как трудно далось ему это признание. Теперь, когда он высказался, к нему вернулась его прежняя самоуверенность, и он твердо сказал:

– Все-таки эта маленькая Инга любит меня немножко, я знаю, что любит, и рассчитываю на это. Итак, вперед! Пойдем вниз?

– Сейчас приду, только отдам распоряжения Олафу, – ответил Бернгард, но его глаза следили за другом, спускавшимся в каюту.

Так и он поддался охватившему его чувству!.. Не устояли его гордость и упорство, он сдался. Впервые в душе Бернгарда шевельнулась мысль об отказе от своего упрямства, но он тотчас отогнал ее от себя; для него не было возврата. Курту было легче: он уступал любимой девушке, которую к тому же обидел; попросить прощения было не трудно. Но признаться, что поступил как упрямый, капризный мальчишка, что он только хотел отомстить гнет строгого воспитания, покориться, унизиться!.. Перед Бернгардом вдруг встало строгое лицо его старого командира, а в ушах раздался его приговор: «Ты ушел от нас, оставайся же там, где ты есть, у нас для тебя больше нет места!» Что, если ему действительно скажут это? Он порывисто выпрямился и топнул ногой.

– Никогда!

В течение ночи погода переменилась. Ясный, теплый вечер сменился пасмурным, холодным утром; небо затянулось облаками, море покрылось туманом; дул резкий северо-западный ветер. Было еще довольно рано, когда Бернгард поднялся на палубу «Орла». Он выбрал такой ранний час нарочно, чтобы выполнить только формальность, то есть нанести визит и никого не застать. Ему посчастливилось: никто из хозяев еще не показывался; его встретил только капитан, который сообщил ему, что получил приказание плыть в Дронтгейм и что принц с гостями намерен проехать эту часть пути, славившуюся своей живописностью, в экипаже. Поездка должна была занять два дня, и они хотели выехать сразу же после завтрака. Бернгард выразил сожаление, что у него нет времени ждать – «Фрея» уже готова к отплытию, и намерена воспользоваться попутным ветром. Он попросил передать от него поклон, а, прощаясь, сказал:

– Мне нужно сказать несколько слов Гаральду Торвику. Или, может быть, он на берегу?

– Нет, он на яхте, – ответил капитан. – Но у нас случилась неприятность, даже очень большая неприятность, вчера, когда ушли офицеры с «Фетиды»...

– Что же именно? Неужели что-нибудь серьезное?

– Довольно-таки серьезное. Дошло до того, что штурман

схватился за нож; тогда остальные окончательно рассвирепели и все разом накинулись на него; хорошо, что я пришел вовремя и помешал разыграть драму; опоздай я на несколько минут – и произошло бы несчастье.

– Из-за чего же? По какому поводу?

– Повод, наверно, был пустячный. Это был взрыв давно затаенной вражды.

– Вражды между Торвиком и экипажем?

– Именно. Я знаю, вы дружны с ним, и все-таки должен вам сказать, что вся вина ложится на него. С норвежцами у нас прекраснейшие отношения; мы ежегодно проводим здесь несколько месяцев и всегда встречаем дружелюбный прием. Но с того дня, как на яхту попал Торвик, началась война. Он с оскорблениями отклонял всякую предупредительность с нашей стороны и таким тоном разговаривал с экипажем, будто он на «Орле» хозяин. Это, разумеется, раздражало людей и, наконец, перешло в настоящую ненависть. Такие истории обычно заканчиваются стихийными взрывами; это и случилось вчера.

Бернгард слушал с возрастающей тревогой; он хорошо знал своего товарища юности и его грубость.

– Что же говорит Гаральд? – быстро спросил он. – Конечно, вы поговорили с ним?

– Да, но он не отвечает на вопросы. В чем было дело – я сам толком не знаю. Наша команда устроила себе вчера праздник; вероятно, матросы были уже не совсем трезвы, а

штурман, по-видимому, язви́л по этому поводу. Когда я пришел, он уже лежал на полу, а все навалились на него; нож у него отняли, но он все еще защищался кулаками. Понадобился весь мой авторитет, чтобы навести порядок.

– Господи Боже!.. Они били его?

– Конечно, били: у него на лице остались следы побоев; впрочем, и у других тоже; он отбивался яростно, как затравленный медведь, пока они не одолели его.

– И он все-таки остался на яхте?

– Разумеется! Как же он мог покинуть свой пост? Но его отношения с экипажем будут теперь более чем натянуты.

Бернгард молчал; он знал, что эти отношения должны стать совершенно невозможными: Гаральд Торвик не тот человек, что забудет такой позор.

– К счастью, господа находились уже в своих каютах, продолжал капитан. – Они или ничего не слышали, или приняли шум за веселье разгулявшейся команды. Потасовка длилась всего несколько минут, но я не могу скрыть ее от принца. К сожалению, он принимает подобные происшествия слишком близко к сердцу, и я испорчу ему всю поездку.

– Я поговорю с Торвиком, – сказал Бернгард помолчав. – Должно быть, он ответит мне... Где он?

– В своей каюте. Я буду очень рад, если вы вмешаетесь. Признаться, этот человек мне антипатичен.

Молодой человек минуту спустя уже входил к Гаральду. Тот стоял у окна своей каюты и неподвижно смотрел на во-

ду. На лбу у него была повязка, а на лице – ссадины и синяки. Услышав, что дверь открылась, он медленно обернулся, но не удивился, увидев Бернгарда; тот торопливо спросил, подходя к нему:

– Гаральд, что случилось?

– Ты, конечно, уже знаешь, – холодно ответил Торвик, – иначе бы не пришел.

– Нет, пришел бы; я сказал капитану, что хочу пройти к тебе, и тогда только узнал от него, что произошло. Ты схватился за нож? Ты с ума сошел?

– И ты с тем же! – сердито крикнул Гаральд. – Тебе-то что до этого? Это мое дело!

– Но тебе придется отвечать за это! Ты знаешь морские законы; если капитан донесет о случившемся...

– Побойтся донести! – перебил его Торвик. – Он безбожно боится сказать что-нибудь неприятное своему принцу. Пусть на яхте хоть убивают человека, лишь бы этим не побеспокоили его светлости.

– Кажется, до этого уже почти и дошло, – с резким упреком сказал Бернгард. – Ты довел людей до предела, они набросились на тебя.

– Именно так! – Гаральд коротко и горько усмехнулся. – Как спущенная свора собак! Но и им от меня досталось! Впрочем, к чему говорить об этом? История закончена.

– Для тебя не закончена; ведь я знаю тебя. Тебе нельзя оставаться на «Орле» после того, что случилось.

– Почему же нельзя? – спросил Торвик насмешливо, и в то же время его глаза метнули грозную молнию. – Ведь я штурман и должен исполнять свои обязанности, и я буду исполнять их, можешь быть в этом уверен.

– Вы стоите около города, – возразил Бернгард. – Может быть, удалось бы найти тебе замену. Оставь кого-нибудь вместо себя и уходи; капитан не станет тебя удерживать.

– Знаю! Он никогда не был моим другом и всегда оставался на стороне своих людей. Он вызволил меня вчера только потому, что боялся ответственности; но того, что он сказал мне вчера перед всем экипажем, я ему никогда не забуду.

Гаральд говорил совершенно спокойно, но в этом спокойствии было что-то зловещее. Его загорелое лицо было покрыто сероватой бледностью, а глаза под повязкой, закрывающий лоб, горели.

– Что ты собираешься делать?

– Я? Конечно, вести «Орел» обратно в Рансдаль; вот что я собираюсь делать.

– Хорошо; дай мне свою руку! – Бернгард протянул штурману руку, но ответного движения не последовало.

– Глупости! К чему это? Ты думаешь, я не знаю дороги, что ли? Впрочем, твои родственники будут эти дни на берегу.

– Я знаю. Почему ты не хочешь дать мне руку?

– Потому что терпеть не могу эти глупости, – пробормотал Торвик, но вдруг отошел к окну.

– Так ты остаешься на яхте?

– Разумеется, остаюсь. Когда ты едешь?

– Через час.

– Вот как? Счастливого пути!

– И вам того же. Еще одно слово, Гаральд! Берегись меня и... себя самого.

Последние слова Бернгард проговорил медленно и многозначительно; в них слышалась несомненная угроза; но Гаральд резко ответил:

– Отстань! Я не понимаю тебя.

Бернгард посмотрел на штурмана; тот повернулся к нему спиной, очевидно, твердо решив не продолжать разговора; тогда Гоэнфельс понял, что ничего больше не добьется, и, сказав «Прощай!», пошел к выходу.

Курт уже с нетерпением ожидал его на «Фрее»; теперь он только и думал, что о Дронтгейме.

– Ну, наконец-то ты! Не будем терять времени. Более благоприятного ветра нам не дожидаться. В путь!

– Мы должны подождать еще час или два, – решительно заявил Бернгард. – Вообще, Курт, обстоятельства изменились, ты один поедешь на «Фрее» в Дронтгейм, я остаюсь.

– Остаешься? Здесь?

– Нет, на «Орле».

Курт посмотрел на него в крайнем недоумении.

– Бернгард, ты шутишь или...

– Я говорю как нельзя более серьезно; но здесь, на палубе,

я не могу объяснить тебе это; пойдём вниз.

Действительно, палуба «Фрей» была теперь неподходящим местом для личных разговоров, потому что матросы бежали взад и вперед, готовясь к отплытию.

Почти полчаса сидели молодые люди в каюте, и по их лицам было видно, что они обсуждали очень серьезный вопрос; Бернгард подробно рассказал, что случилось; Курт выслушал внимательно, но недоверчиво покачал головой.

– Тебе померещилось! Дело, может быть, и плохо, но, в конце концов, поддерживать порядок на судне – обязанность капитана. Кроме того, ведь все уже прошло. Чего, собственно, ты боишься?

– Сам не знаю! – взволнованно ответил Бернгард. – Знаю только, что Гаральд не вынесет такого позора; обычно он не спускает даже оскорбительного слова, а тут матросы повалили и побили его; пусть он десять раз сам виноват во всем, но он отомстит им.

– Ты думаешь, он опять станет драться? В таком случае ему покажут, что такое дисциплина; капитан не станет церемониться, тем более что принц Зассенбург с твоими родными на берегу.

– Именно это и пугает меня. Гаральд останется один с людьми, которые так обидели его, и с капитаном, по-видимому, наговорившим ему неприятных вещей... а ведь судно полностью в руках Гаральда.

– Судно? – воскликнул Курт. – Неужели ты считаешь его

способным на какую-нибудь подлость?

– Когда он в здравом рассудке – нет! Но в настоящее время он не в полном разуме. Помнишь, что я говорил тебе, когда ты увидел его впервые? У него под ледяной оболочкой пылает огонь, а когда лед взламывается, наружу с дикой силой вырывается огонь и уничтожает все, что попадет на его пути – и друга, и недруга, не разбирая. Боюсь, что до этого уже дошло; я знаю это выражение лица и этот взгляд.

– В таком случае надо было предупредить капитана. Ты ничего не сказал ему?

– Нет. Как я могу на основании одного лишь подозрения обвинять своего товарища детства? Да и о чем предупреждать? Они станут следить за каждым его шагом или подвергнут оскорбительному допросу и окончательно приведут в бешенство; тогда несчастье будет неминуемо. Помочь может только одно: если я сам перейду на «Орел» и буду наблюдать за происходящим.

– Но под каким предлогом? – возразил Курт. – Ведь не можешь же ты просто пожелать прокатиться на «Орле».

– Предлог я уже придумал: сошлюсь на телеграмму, которую будто бы получил в последнюю минуту и которая спешно вызывает меня в Дронтгейм. На «Фрее» я смогу добраться туда не раньше чем через двое суток, а яхта будет там через двадцать часов. Если я скажу капитану, что дело спешное и для меня ж весьма важно приехать пораньше, он не откажет мне в гостеприимстве.

– Конечно, не откажет и, конечно, поверит тебе, но не рассчитывай на то же от Зассенбурга и своего дяди. До сих пор ты избегал «Орла», а теперь вдруг воспользуешься им в их отсутствие...

– Они узнают об этом только в Дронтгейме, – перебил приятеля Бернгард. – Конечно, дождусь, пока они уедут, а в Дронтгейме посмотрю, что делать: или Гаральд опомнится, и я усмирю его, или по секрету расскажу Зассенбургу, в чем дело, и уговорю его поменять штурмана. Лишь бы перетерпеть сегодня и завтра; пока я буду на яхте, ничего не случится. Гаральд знает, что я вижу его насквозь; в моем присутствии он не решится ни на какую штуку, вот и экипажи подадут; ждать осталось недолго.

Бернгард встал и подошел к окну каюты, откуда был виден берег. Там только что подъехали экипажи – один побольше, очевидно, для господ, и два меньших – для прислуги. С «Орла» уже переносили в них легкий багаж.

– Значит, я один должен ехать на «Фрее» в Дронтгейм? – спросил Курт, идя следом за другом.

– Да, я настаиваю на этом. Ты можешь преспокойно доверить руль Олафу, он знает свое дело, и хорошо изучил фарватер. Итак, счастливого пути и... желаю тебе удачи!

– Дай-то Бог! – воскликнул Курт. – Я еще посостязаюсь с этим балбесом Филиппом! Собственно говоря, я никогда его не боялся – он не стоит этой чести, но боюсь упрямства моей колючки, которая пригрозила мне такой мезью. Может

быть, она говорила даже не серьезно, но это заставило меня страшно мучиться все последние недели. Теперь я узнаю, наконец, правду. Я спрошу Ингу, неужели у нее хватит духу опять прогнать меня? Если не хватит – на свете будет одним счастливым человеком больше.

«Орел» отошел около полудня и через несколько часов уже обогнал «Фрею», вышедшую раньше его. На суше погода была прохладная, но довольно ясная, на море же туман все сгущался.

Капитан «Орла» был несколько удивлен, когда сразу по отъезде принца Бернгард вторично явился на яхту и пожелал ехать с ним; но он не усомнился в истине изложенной ему причины и с удовольствием согласился оказать Бернгарду услугу. Матросы тоже не удивились появлению неожиданного гостя, потому что им была объяснена причина его присутствия, и нашли вполне естественным, что племянник министра воспользовался яхтой; только Торвик, увидев Бернгарда, в сильнейшем изумлении отступил на шаг назад; последний коротко и решительно заявил ему, что едет с ними в Дронтгейм. Но в следующую минуту к штурману вернулось его ледяное, непроницаемое спокойствие.

– Хорошо; завтра рано утром мы будем в Дронтгейме! – Это было все, что он сказал. И он ушел на свое место, не задав ни одного вопроса.

Наступил вечер, вернее, глубокие сумерки, обычные в этих широтах, которые служат переходом к ночи. На море

лежал густой туман, и стройный белый «Орел», похожий на волшебное судно, как тень скользил в этой серой мгле.

На палубе стояла глубокая тишина. Капитан ушел в свою каюту; беспокоиться было не о чем, все было спокойно, и руль находился в надежных руках. Лишь вахтенный матрос да штурман стояли на своих местах; слышались только работа машины и шум невидимого глазу моря. Судно плыло вперед среди ночи и волн.

Но вот с другого конца палубы показалась высокая, темная фигура и подошла к штурману; это был Бернгард в дождевике. Он сделал два-три замечания относительно погоды, но каждый раз получал лишь короткий, односложный ответ. Наступило продолжительное молчание. Наконец Гаральд сказал:

– Я думал, ты уже давно спишь.

– Мне не спится. Лучше я посижу с тобой.

– Как хочешь. Не собираешься ли ты всю ночь провести на палубе?

– Может быть! А тебе это не нравится?

– Мне? Я только хочу сказать, что в этом мало удовольствия, тем более что ты не обязан быть на палубе.

– Я моряк, – возразил Бернгард, тревожно вглядываясь в клубящийся туман, будто желая пронизать его глазами. – Для меня погода так же мало значит, как и для тебя. Какой курс ты держишь?

– Какой следует! – резко ответил Гаральд.

– Ты уверен в этом?

– Кто из нас штурман – ты или я?

Они стояли, в упор глядя друг другу в глаза. Фонарь над их головами тускло светил желтым пламенем; туман точно всасывал свет в себя, но все-таки было настолько светло, что можно было разглядеть лица этих двух людей. Они мерили друг друга взглядами, как два смертельных врага. Вдруг Бернгард повернул голову и стал прислушиваться.

– Что это за звук? Ты не слышишь?

– Нет! – невозмутимо сказал Гаральд.

– А я слышу! Это похоже на звон! Не может быть, чтобы мы были так близко от берега, и притом в полночь не звонят в церквах.

Действительно, какой-то звук донесся как будто очень издалека; вот он смолк, вот опять послышался, полузаглушенный ветром и шумом волн; это был звон отдаленного колокола, тихо и таинственно доносившийся сквозь туман.

– Гаральд, куда ты направляешь судно? – резко и с угрозой спросил Бернгард.

– В Дронтгейм! – грубо ответил тот.

Бернгард вытянул шею вперед и стал слушать, затаив дыхание. Опять раздался тот же звук, уже ближе и явственнее. Несомненно, это был звон колокола, но вовсе не похожий на звон церковных колоколов; с неравными промежутками он то звучал, то вдруг умолкал, глухой, предостерегающий. Вдруг Гоэнфельс вздрогнул, он узнал этот звук.

Это был сигнальный звон с Чертовых подводных скал, с буя, на котором был установлен колокол; приводимый в движение волнами, колокол предупреждал о близости подводных камней. Море само предостерегало суда, не подозревавшие об опасности ночью или во время тумана. В следующую секунду Бернгард как клещами стиснул руку штурмана и воскликнул:

– Это звон буя с Чертовых скал! Мы около них! Измени направление! сию минуту! Слышишь, Гаральд?

Торвик действительно как будто не слышал и не видел ничего, кроме штурвала, за которым стоял. Его широко открытые глаза уставились в туман, в лице не было ни кровинки, но рука твердо сжимала руль. Очевидно, он решил не уступить его.

– Прочь от штурвала! – повелительно проговорил Бернгард. – Ты сошел с ума, а сумасшедшим судна не доверяют! Прочь! Не то я вызову капитана и всю команду и велю связать тебя.

Он оторвал Гаральда от руля, оттолкнул в сторону и сам повернул штурвал в противоположном направлении. Яхта медленно повернулась и поплыла по своему курсу. Предостерегающие сигналы стали звучать все тише, все дальше, потом начали долетать лишь отдельные звуки, наконец, и они стихли – опасность миновала!

Гаральда всего передернуло, когда Бернгард схватил руль, он хотел, было броситься на товарища, но тот обернулся и

посмотрел на него таким твердым, угрожающим взглядом, будто и в самом деле перед ним был безумный, которого он должен был сдержать. Под действием этого взгляда штурман инстинктивно отступил назад.

В эту минуту на палубе раздались шаги капитана, вышедшего взглянуть на погоду и проверить курс; он очень удивился, увидев гостя на палубе, так как думал, что тот давно уже спит.

– Вы все еще здесь, наверху? – спросил он.

– Я вышел посмотреть какая погода, – ответил Бернгард с кажущимся спокойствием. – Мы тут спорим с Гаральдом Торвиком; он ни за что не хочет признаться, что ему серьезно нездоровится. Рана на его голове, очевидно, совсем не такая пустячная, как ему кажется; он все время борется с приступами головокружения и, того и гляди, упадет в обморок, а между тем не хочет оставлять свой пост.

– Отчего же вы не сказали мне об этом, Торвик? – воскликнул капитан. – Вы утверждали, что это простая царапина, и упорно отказывались от помощи.

– Он рассчитывал на свое железное здоровье, – вмешался Бернгард, – но у всего есть предел. Прикажете сменить его, прошу вас. Он должен побережться.

– Разумеется, сейчас же! – ответил капитан, видевший, до какой степени бледно и искажено лицо штурмана, и, позвав вахтенного, отдал распоряжение.

Торвик сначала хотел возражать, но на его руку тяжело и

многозначительно легла рука Бернгарда и заставила его по-виноваться. Когда пришла смена, он покорился и спустился вниз.

К утру туман начал рассеиваться, погода с каждым часом становилась яснее, и в восемь часов показался Дронтгейм. На яхте все уже готовились к остановке. Когда Гоэнфельс вошел к штурману, он одетый лежал на постели.

– Ты спал, Гаральд?

Гаральд повернулся и взглянул на него.

– Может быть, ты спал? Ты думаешь, я не знаю, что ты всю ночь продежурил у моей двери?

– Ты болен, а больному может понадобиться помощь, мы уже в Дронтгейме; после сегодняшней ночи ты не можешь, конечно, и не захочешь оставаться на «Орле»...

– Нет, – глухо проговорил Торвик.

– Я это предвидел. Значит, ты скажешь, что не в состоянии исполнять свои обязанности, и сойдешь на берег. Яхта будет стоять здесь, пока не приедет принц, а всего через сутки будет уже в Рансдале; без тебя вполне обойдутся. Ты приедешь через несколько дней и потребуешь расчет. Пусть предлогом будет твоя рана; никому нет надобности знать, что она не опасна.

– Ты усердно вдалбливаешь мне урок, – с горькой насмешкой сказал Гаральд. – Мне остается только выучить его наизусть. Как бы только не забыть чего-нибудь! Ты обращаешься со мной, как с невменяемым.

– А разве ты был сегодня ночью в своем уме?

Торвик ничего не ответил, а затем после минутной паузы заявил:

– Я поговорю с капитаном.

– Я уже говорил. Он тоже думает, что после того, что произошло третьего дня между тобой и экипажем, на прочный мир рассчитывать нельзя, и обещает все уладить с принцем, если ты уйдешь раньше условленного срока. В этом случае он умолчит о том, что было. Я тоже сойду на берег, и буду ждать Курта, который приедет завтра на «Фрее».

Гаральд встал; во взгляде, которым он смерил своего друга юности, сверкнула ненависть.

– Ты и тут победил? Правда, ты всегда и везде побеждаешь! Даже там, где не следовало бы!

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего. Итак, мы увидимся в Рансдале.

– И ты, очевидно, поблагодаришь меня за то, что я в такой час был около тебя. Прощай!

Бернгард ушел, чтобы проститься с капитаном, который даже и не подозревал, что у «Орла» был в эту ночь хранитель и что без него он бы, без сомнения, погиб.

Дом судовладельца Лундгрена находился в самой аристократической части Дронтгейма; это было красивое здание, свидетельствовавшее о солидном богатстве своего хозяина; на нижнем этаже располагалась контора фирмы, на верхнем – его квартира. Прямо напротив находилась большая комфортабельная гостиница, в которой Филипп Редер и остановился.

Он был здесь уже три дня и страшно скучал, потому что Инга с матерью еще не вернулась в город. Достопримечательности Дронтгейма не интересовали Редера; он уже осмотрел их по пути на север перед тем как предпринял свое знаменитое путешествие через рансдальские горы. Он с большим удовольствием отправился бы в Леркхолм, имение Лундгренов, находящееся всего в нескольких милях от города, но, во-первых, его туда не приглашали – приглашая его, Инга говорила только о городе, – а во-вторых, он сделал печальное открытие, что его норвежского языка не понимает ни одна живая душа. К счастью, среди служащих конторы Лундгрена, где он наводил справки, он нашел корреспондента, говорившего по-немецки; иначе и там вышло бы недоразумение. Оставалось одно: вооружиться терпением, что Редер и сделал. Большую часть дня, лежа на подоконнике, он смотрел на противоположный дом, в котором жила «она» – то есть

скоро должна была жить, потому что пока он видел только запертые ставни, – и усердно повторял объяснение в любви на норвежском языке. Увы! дойдя до середины своей речи, Филипп забывал конец, а когда ему удавалось вспомнить конец, то он уже не знал начала; но он полагался на вдохновение минуты; оно должно было преодолеть все.

Наконец на четвертый день Филипп был вознагражден за ожидание: корреспондент фирмы сообщил ему, что Лундгрэн с женой и дочерью придет завтра в полдень. В самом приподнятом настроении Редер отправился прогуляться по улице, ведущей к гавани, как вдруг на первом же углу столкнулся с Куртом Фернштейном, мчавшимся к дому Лундгренов, который молодому офицеру указали тотчас, как только он спросил о нем.

– Курт! Вы уже приплыли на своей «Фрее»? – вскрикнул удивленный Филипп. – Как это вам удалось за такое короткое время?

Курт хотел, было уклониться от разговора, но вдруг сообразил, что это лучший источник, из которого он может узнать интересующие его сведения, а потому остановился и ответил:

– Да, «Фрея» уже не меньше часа стоит в гавани. Так ты добрался благополучно и, кажется, уже чувствуешь себя в Дронтгейме совсем как дома?

– Да, я живу здесь, в гостинице, а напротив дом Лундгренов, – вон то большое здание на углу. Из своего окна я смотрю

рю прямо в их окна...

– И каждый день изображаешь из себя рыцаря Тоггенбурга? – насмешливо спросил Курт. – Тоже ждешь, «чтобы звякнуло окно, и появилась милая»? И что же, она появляется?

– Да ведь Лундгренов еще нет в городе. Инга только завтра приезжает с родителями из Леркхолма.

– Леркхолм? Это, очевидно, их дача? Далеко отсюда?

– Всего три часа езды в экипаже. Я отказался от поездки туда; не хочется показаться навязчивым, хотя мой приезд не был бы неприятен. Но я могу и подождать.

Эти слова дышали хвастливым самомнением, всегда приводящим молодого моряка в ярость. И теперь он крикнул вне себя от гнева:

– Ну, и с Богом! Жди! Ты вообще обладаешь всеми добродетелями Тоггенбурга, но если бы я был девушкой и ко мне явился поклонник, который смотрел бы так точно и вздыхал, я послал бы его к черту со всеми его вздохами!

Филипп пожал плечами и понимающе улыбнулся.

– Не волнуйся, дорогой Курт! Впрочем, я нисколько не сержусь на тебя; для меня не тайна, что у тебя также были кое-какие намерения, а может быть, даже и надежды, только вот я некстати приехал. Мне искренне жаль, что так вышло; ведь мы друзья детства, но в таких случаях... право решать принадлежит единственно девушке, а я пользуюсь у нее предпочтением... Боже мой, ведь я в этом не виноват!

Каждое его слово было полно злорадства, но на этот раз

Курт остался спокоен. Он смотрел на Филиппа, с таким невероятным самомнением, с фатовской улыбкой и сладкой, томной миной заявившего: «Только я некстати приехал!», и ему вдруг стало ясно, что его страх был лишен всякого основания. За этого человека Инга Лундгрэн не могла выйти. Поэтому Курт громко расхохотался.

– Нет, конечно, ты в этом не виноват! Однако мне надо идти; у меня спешное дело... Прощай, Филипп!

Он ушел, а Редер продолжал путь; у него тоже было спешное дело: во-первых, он отыскал садовника и заказал на завтра великолепный букет, во-вторых, дополнил свой визитный костюм, купив новый галстук и светлые перчатки, и, наконец, вернулся в гостиницу. Снова высунувшись из окна, он стал смотреть, как открывали ставни и убирали комнаты в доме Лундгренов.

Так прошло несколько часов, а тем временем легкая повозка быстро катилась по направлению из города, и в ней сидел лейтенант Фернштейн.

Леркхолм не был большим имением, это была скорее маленькая, но чрезвычайно уютная дача, где Лундгрэн отдыхал от своей довольно напряженной работы и где его жена и дочь проводили большую часть лета. Красивый деревенский дом стоял посреди огромного сада, прилегающие луг и поле тоже принадлежали даче, а небольшая мыза доставляла все нужное для хозяйства. С веранды открывался красивый вид на великолепные луга, по которым извивалась речка, а за домом

начинался лес, тянувшийся до соседнего местечка.

Был ясный, жаркий августовский день. Какой-то незнакомец постучался в дверь Леркхолма; ему сказали, что дома никого нет хозяин и хозяйка поехали к соседям с прощальным визитом, а фрейлейн Инга пошла гулять, но если он придет через час, то, вероятно, застанет господ. Курт поблагодарил и ушел. Собственно говоря, обстоятельства складывались в его пользу; если бы Инга была дома, она, вероятно, велела бы отказать ему; теперь же все дело было в том, чтобы разыскать ее и по возможности застигнуть врасплох. По дорогам, извивавшимся по полям и лугам, не видно было ни души, да и кто пойдет в полдень в такую жару гулять в поле? Оставался только соседний лес, и молодой человек, недолго думая, направился туда.

Это был светлый, прозрачный березовый лес, насквозь пронизанный золотым солнцем. Курт пошел наугад по первой попавшейся дороге, и безошибочное чутье влюбленного помогло ему. Не прошло и четверти часа, как в отдалении среди деревьев он увидел светлое платье и узнал Ингу; она сидела на мшистом камне к нему спиной.

Фернштейн стал подходить осторожно, как охотник, не желающий спугнуть дичь; в лесу стояла глубокая тишина; солнечный свет, пробиваясь сквозь прозрачную зеленую завесу березовых ветвей, ложился золотыми пятнами на мшистую почву и кусты папоротника. Не слышно было ничего, кроме жужжания и стрекотанья насекомых; оно казалось ти-

хой, таинственной песней уединения.

Курту посчастливилось подойти к девушке совсем близко, не выдав себя ни звуком; вдруг он быстро спрятался за ствол березы, потому что Инга слегка повернулась, и это позволило ему увидеть ее профиль. Она была в том самом восхитительно украшавшем ее платье, которое было на ней в воскресный день, когда они расстались. Она сидела, прислонившись к березе, сложив руки на коленях, точно прислушивалась к тихому жужжанию и шелесту вокруг. Курт отчетливо видел ее изящную фигурку, хорошенькую головку, но в ее лице уже не было прежнего капризного, шаловливого выражения; маленький розовый ротик приобрел странно печальную черточку, а карие глаза серьезно и грустно смотрели на пронизанный солнцем лес. Вдруг из этих глаз показались две слезинки и покатались по щекам. Девушка обеими руками закрыла лицо и начала всхлипывать. Увидев это, Курт бросился вперед так стремительно, что через мгновение был уже возле вскочившей от неожиданности девушки и воскликнул:

– Инга!

Она стояла дрожащая и растерянная; тот, о ком она только что думала, вдруг очутился перед ней. Когда же она опомнилась и собралась убежать, как робкая лань, было уже поздно – Курт схватил ее за руки.

– Инга, почему вы сейчас плакали?

– Лейтенант Фернштейн, что вам... как вы сюда попали? – девушка попыталась высвободить свои руки, но он крепко

держал их.

– Сначала ответьте на мой вопрос!

– Я не плакала! Что значит это нападение? – Резким движением Инга вырвалась и стояла перед Куртом такая же суровая и полная вражды, как во время их последнего свидания, но моряк больше не позволил себя обмануть; теперь он оказался прозорливее и понял причину этих слез.

– Я не мог дольше выдержать! – страстно заговорил он. – Я неделями плавал с Бернгардом на его «Фрее», но почти ничего не видел вокруг. Зачем мне все красоты севера, когда моя северная роза показывает мне только шипы и так сурово гонит меня от себя! Инга, неужели я должен буду заплатить счастьем целой жизни за глупую шутку?

Эти слова выражали такую горячую, искреннюю мольбу, что на этот раз не остались не услышанными. Маленькая капризная Инга тоже одумалась; и она в последние недели глубоко раскаивалась и тосковала так же, как и этот «преступник», стоявший теперь перед ней и моливший о прощении. Она не оттолкнула его, а только тихо сказала:

– Вы причинили мне страшную боль!

– В самом деле? Значит, вы были не совсем равнодушны ко мне? Значит, ты уже немножко любила меня, Инга? К кому относились сейчас твои слезы? Ты плакала по мне?

Девушка подняла опущенную головку, в которой уже проснулась ее задорная шаловливость, и полугневно, полунежно ответила:

– По тебе, злодей!

С криком восторга Курт обнял ее; теперь он видел и чувствовал, что у его «северной розы» были не только шипы; она источала свой аромат, раскрываясь во всей своей красоте навстречу его ласкам.

Они забыли время и все на свете, пока, наконец, Инга не напомнила:

– Пора домой, а то весь Леркхолм поднимется на ноги и бросится искать меня. Но что скажут папа и мама, когда я вдруг приведу им из лесу совсем чужого человека и представлю его как их зятя? Я ведь не больше двух раз упоминала твое имя в письмах из Рансдаля.

– Рано или поздно должны же они заполучить какого-нибудь зятя! А их собственный выбор оказался не особенно удачным – Аксель Ганзен далеко незавидная личность. Как ты думаешь, неужели я проиграю в их глазах по сравнению с этим долговязым чудом с соломенными волосами?

Инга посмотрела на него, сморщила носик и возразила с самой прелестной язвительностью:

– Это еще вопрос. Пусти, Курт! Не смей так непочтительно целовать меня, я еще не твоя невеста и не допущу никаких вольностей, ты это знаешь.

– О, я буду к тебе невероятно почтителен! – заверил Курт, продолжая «непочтительно» целовать ее. – Я буду безгранично уважать свою будущую супругу, вот так, например!

Он схватил девушку на руки, с криком восторга поднял

высоко в воздух, как будто хотел показать ее пронизанному солнцем лесу и синему небу, и довольно долго нес ее, пока, наконец, ее энергичные маленькие ручки не растрепали его кудрявых волос и не заставили выпустить свою ношу. После этого Инга пустилась бежать, а Курт бросился ловить ее.

Отец и мать Лундгрены, действительно, были чрезвычайно удивлены, когда дочь представила им совершенно чужого человека и заявила, что они должны сейчас же дать им свое благословение. Лундгрены не подозревали о романе, завязавшемся в Рансдале, и нисколько не были расположены так неожиданно давать согласие. Правда, они отказались от милого их сердцу плана выдать дочь за Аксея Ганзена, но продолжали смотреть на будущего зятя все с той же торговой точки зрения и, конечно, не могли так быстро освоиться с морской. А моряк оказался, кроме того, еще и чужестранцем, немецким флотским офицером.

Но молодые люди действовали, как настоящие стратеги. Курт взял на себя отца и двинул в бой тяжелую артиллерию доводов и объяснений. Он сообщил подробные сведения о своей семье, об отце, его состоянии и Оттендорфе и, наконец, «пустил в ход» даже дядю Гоэнфельса, приезд которого в Дронтгейме ожидали завтра. Этот аргумент оказал решающее воздействие, потому что норвежский купец питал безграничное уважение к прославленному германскому министру. Он слушал с постепенно возрастающим благоволением и обещал подумать. Инга же, оставшись наедине с матерью,

закончила дело гораздо скорее.

– Мама, – сказала она, – ты знаешь, что Аксель Ганзен мне не нравится, и я ни за что не вышла бы за него, а мой Курт мне нравится, и я непременно за него выйду. Так уж лучше скажите «да»! Ведь даже если вы откажете, мы все равно обвенчаемся.

Впечатление, произведенное молодым офицером, подкрепило это энергичное заявление. Госпожа Лундгрэн в душе призналась себе, что этот претендент выигрывает по сравнению с Акселем. Таким образом, и женская половина армии начала колебаться, и в тот же вечер в Леркхолме весело отпраздновали помолвку.

* * *

Наступило утро следующего дня. Филипп Редер находился у себя в номере. Он пребывал в том торжественном настроении, которое обычно предшествует великим событиям. На столе стоял букет, рядом лежали перчатки и норвежская грамматика, без которой он не мог обойтись. Сам же молодой человек расхаживал взад и вперед в безупречном фраке и, проходя мимо большого зеркала, каждый раз посматривал на себя. Он находил себя неотразимым. Иногда он подходил к окну и смотрел, не едет ли экипаж, которого ожидали к двенадцати часам. В доме Лундгренов были открыты все ставни и подняты шторы, а в большом зале окна стояли

настежь, так что можно было видеть все, что там происходило. Пока видна была только прислуга, заканчивавшая последние приготовления. Наконец в дверях подъезда появился старик-лакей. Филипп поспешно занял свой пост у окна.

Он решил, что сразу же по приезде Лундгренов отправится туда с букетом и первый поздравит «розу Дронтгейма» с возвращением домой. За этим, разумеется, должно последовать приглашение, а остальное уже устроится само собой. Филипп еще раз повторил приветственную речь, а затем и объяснение в любви. Разумеется, он опять забыл конец своей речи, но ее должны были заменить падение на колени и восторженный взгляд.

Наконец вдали показалось открытое ландо, запряженное парой. На заднем сидении были видны только два раскрытых зонтика, над передним же верх был поднят, вероятно, для защиты дам от пыли. Через минуту экипаж остановился перед домом; подбежавший слуга открыл дверцу. Вот вышел Лундгрэн, статный, добродушный на вид мужчина, за ним следовала жена, наконец, «она»! Нет, еще не она; из экипажа одним прыжком выскочил стройный молодой человек; он высадил девушку, предложил ей руку и вслед за родителями повел в дом.

У бедного Редера потемнело в глазах; он отпрянул от окна, но все-таки быстро захлопнул обе его половинки; потом опять подошел к окну и, уставившись на противоположный дом, всеми силами старался уяснить, действительно ли это

Курт Фернштейн или же наваждение ада?!

Филипп недолго оставался в сомнении; в противоположном доме приезжие вошли в зал, и Лундгрэн-отец торжественнейшим образом приветствовал молодого офицера в своем доме. Он без конца тряс его руку, а его супруга растроганно прижимала к глазам платок; Курт же вдруг обнял Ингу и поцеловал ее, а она обняла его обеими руками за шею.

Итак, это была действительность! Какая черная измена! Опять вечная судьба Филиппа Редера, преследовавшая его с самого рожденья!..

Вслед за этим в номере гостиницы разыгралась весьма драматичная сцена, потому что отвергнутый поклонник стал вести себя как сумасшедший. Он сбросил со стола уже ненужный теперь букет вместе с вазой и растоптал его ногами, потом швырнул одну перчатку направо, на гардину, а другую – налево, на печку. Несчастную норвежскую грамматiku он отколотил кулаками, а затем она тоже полетела в угол. Потом Филипп бросился к звонку и затрезвонил, как на пожар.

Прибежавший лакей остановился в ужасе; он думал, что тихий, вежливый гость сошел с ума, но тот крикнул, чтобы ему сию же минуту подали счет – он ни одного дня, ни одного часа не останется в этом проклятом городе, в этой чертовой стране, где иностранцев оскорбляют, где над ними смеются, им изменяют! Он уезжает первым же пароходом. После этого Филипп рванул свой чемодан из угла и принялся укла-

дываться с такой слепой яростью, что бросал туда все, что ни попадалось под руку. Он подобрал с пола растоптанный, мокрый букет и засунул его между бельем, сверху положил сапоги и не принадлежавший ему рожок для их снятия и уже собирался завладеть чернильницей, но вернувшийся со счетом лакей скромно обратил его внимание на то обстоятельство, что она является собственностью гостиницы.

Час спустя Филипп Редер уже ехал на пристань, проклиная весь женский род. Отныне женщины для него не существовали. Останется ли он верен своей клятве, могло показать лишь будущее.

Тем временем в Рансдале все шло по-старому. Бернгард вернулся несколько дней тому назад и привез известие о помолвке Курта. Оно, правда, очень удивило рансдальских родственников, но было принято с радостью.

Пастор Эриксен любил свою племянницу, несмотря на то, что пастору доставалось от ее проделок; веселый молодой моряк также снискал его благоволение. Пастор находил, что молодые люди прекрасно подходят друг другу, и послал им самое теплое поздравление, к которому присоединилась и Гильдур. Курт остался в Дронтгейме с невестой до окончания отпуска.

«Орел» опять стоял в фиорде; принц Зассенбург со своими гостями вернулся в Альфгейм. Христиан Кунц тоже пока еще был в Эдсвикене; он должен был ехать в Гамбург на княжеской яхте и очень гордился такой милостью. «Орел» прибыл с новым штурманом; Гаральд Торвик, как говорили, упал и довольно серьезно ранил себе голову, из-за чего некоторое время не мог нести службу, а потому он остался в Дронтгейме.

В начале сентября выдалось подряд несколько теплых солнечных дней, нечто вроде бабьего лета, и перед наступлением осенних бурь северный ландшафт еще раз показался во всей своей красе. В саду пастората цвели астры и георги-

ны; Гильдур, уже срезавшая пучок цветов, медленно переходила от одной грядки к другой, дополняя букет, но делала это почти машинально, так как была занята беспокоившими ее мыслями. Сегодня утром пришло письмо от Инги, и каждая его строка дышала бьющим через край счастьем молодой невесты. Курт сделал приписку, кланяясь новым родственникам, и его слова тоже говорили о светлой радости. Гильдур невольно подумала о собственной помолвке – у нее все было иначе. Предложение Бернгарда, ее согласие, благословение отца – все это совершилось тихо, серьезно, и все-таки какое глубокое, захватывающее чувство счастья переполняло тогда ее душу! Обладая любимым человеком, она казалась себе сказочно богатой. Теперь этот человек должен был стать ее мужем, через шесть недель она собиралась идти с ним к алтарю, но куда же делась та гордая, радостная уверенность? Почему теперь ее уже не радовала мысль о тихом, спокойном счастье, которое ждало ее в Эдсвикене? Почему где-то там, в глубине души, у нее жило предчувствие чего-то темного страшного и неприятного.

Бернгард вернулся из поездки очень серьезный и молчаливый, он охотно рассказывал только о Курте и Инге. Гильдур и ее отец узнали только, что «Фрея» два раза встречалась с «Орлом», что Бернгард виделся и говорил с родными; конечно, это достаточно объясняло его плохое настроение; молодого человека расстраивала каждая встреча с дядей, но ведь скоро это должно было кончиться; через неделю гости

Альфгейма собирались уезжать в Германию, но исчезнет ли вместе с ними атмосфера, которую они привезли с собой?

Послышались шаги; через кладбище, отделенное от сада только низенькой оградой, шел Гаральд Торвик; очевидно, он не хотел заходить в пасторат, потому что вздрогнул при виде девушки, которую его неожиданное появление заставило очнуться от раздумья.

– Гаральд, ты в Рансдале?

– Только вчера вечером вернулся, – ответил он.

– Мы слышали, что с тобой случилось несчастье. Тебе пришлось остаться в Дронтгейме из-за ушиба? Где ты упал? На судне?

– Нет, на берегу! Не стоит говорить об этом. Все уже прошло.

Гильдур увидела на его лбу свежий красный рубец, но совсем небольшой; собственно, это была обыкновенная ссадина.

– Ты не зайдешь к нам? – спросила она.

– Нет, мне некогда. Вообще я рад, что опять дома, у матери.

– Всего на неделю? Говорят, «Орел» уходит через неделю.

– Да, но я остаюсь здесь; я еще в Дронтгейме взял расчет.

– В Дронтгейме? Разве ты не поведешь яхту назад, в Гамбург?

– Нет, я был нанят, в сущности, только для рейса в Норвегию. Я больше не нужен принцу, у него уже есть другой

штурман; он проведет их через Северное море.

Гильдур слушала с возрастающим удивлением. Чтобы Торвик позволил другому отвести в гавань судно, которым он взялся управлять?! Он прежде очень щепетильно относился к своим правам и обязанностям и никогда не позволил бы другому занять его место.

Гаральд заметил ее удивление и, чтобы изменить разговор, спросил:

– У тебя, верно, много хлопот с приданым? Когда свадьба?

– Через шесть недель, в день рождения отца.

– Так еще не скоро? Жаль!.. вы лишаетесь чести видеть своих знатных родственников у себя на свадьбе. Ведь они были у вас тогда, после церковной службы, и теперь между вами мир и любовь.

– Бернгард видится со своими родственниками только тогда, когда это необходимо. За все это время он видел их всего раза три-четыре.

– Пожалуй, и этого слишком много! – пробормотал Гаральд.

– Оставь это, Гаральд! Это семейное дело, касающееся только Бернгарда и меня. Правда, вы друзья...

– Были друзьями! – перебил он ее жестким тоном. – Теперь с дружбой покончено; в сущности, мы уже давно не друзья, потому-то мне и тяжело говорить. Вообще доносить на другого подло, а тут еще ты подумаешь, что я делаю это с

корыстной целью; будь спокойна, я слишком хорошо знаю, что ты этого не подумаешь. Зная, что этим ничего не выиграю, я все-таки скажу: смотри в оба!

– Почему? Что ты хочешь сказать? – спросила пораженная, но далекая от подозрений Гильдур.

Торвик не ответил; казалось, он боролся с собой, не зная, говорить ему или молчать; наконец он сказал:

– У нас на судне тоже были жених с невестой. Принц обручился.

– С Сильвией Гоэнфельс, я знаю. Они обручились еще в Альфгейме перед отъездом, и мы давно ждали этого. Сильвия будет гордой, красивой невестой, я знаю ее.

– Ты не знаешь ее! – сказал Гаральд с ударением. – Что ты видела? Воздушное создание в белом платье, явившееся к вам церкви и околдовавшее всех своими любезностями; даже твой отец тает, когда говорит о ней. Я же видел ее другой в Северном море, когда нас застигла буря, и она пришла на палубу одна, завернувшись с ног до головы в плащ; только и видно было, что белое лицо и большие глаза; она смотрела на бурю, не моргнув глазом, и радовалась, когда волны поднимались особенно высоко. Нимфой бури назвал ее поэтически настроенный принц! Но не ему его сонными глазами покорить эту нимфу бури! Для этого нужен другой, и, пожалуй, его недалеко искать. Еще раз говорю тебе: смотри в оба!

Гильдур слушала, все еще не понимая, но в ее душе начало шевелиться смутное подозрение.

– Что значат твои намеки, Гаральд? Я не понимаю. Говори яснее, если хочешь, чтобы я поняла.

Гаральд угрюмо посмотрел на нее. Было видно, что этим человеком руководила не жажда мести и что ему до глубины души противно доносить. Он все-таки заставил себя заговорить, но говорил с той грубой, жесткой откровенностью, которая не останавливается ни перед чужими, ни перед собственными страданиями.

– Может быть, мне следовало бы молчать и не нарушать твоего покоя и, если бы ты была такая, как другие, я так и сделал. Он не негодяй и сделает то, что велит ему долг, а она уедет со своим принцем, но ты все-таки должна это знать. Я тогда в церкви, заметил, как он вздрогнул, когда она вошла, совершенно так же вздрогнула и она на «Орле», услышав, что «Фрея» близко. Яблоко от яблони недалеко падает! Он не станет сидеть с тобой спокойно и мирно в Эдсвикене и не забудет особенно теперь, жизни, которой попробовал там. Его невольно будет тянуть из дому, прочь от тебя и от всех нас. Он не наш, и если будет крепко сидеть на цепи, то тебе дорого придется расплачиваться за то, что он приковал себя. Попомни мое слово!

Гильдур побледнела; постепенно она начинала понимать, о чем ей говорят, хотя ни одного имени не было произнесено, и, наконец, поняла все. У нее вырвалось полуподавленное восклицание:

– Бернгард! Сильвия! Нет, это неправда, этого не может

быть! Гаральд, ты только хочешь отомстить; ты сам признался, что ненавидишь Бернгарда. Скажи, что это неправда! Не мучь меня так ужасно! Гаральд, прошу тебя!

– Ты не веришь мне, так посмотри сама! Спроси его! Он никогда не лгал, не солжет и теперь; но, вероятно, он скажет тебе, что это пройдет, ведь он должен оставить ее принцу, и ты нужна ему для того, чтобы он мог забыть ее. Если ты сможешь примириться с этим – хорошо, но не думаю, чтобы ты примирилась.

Гильдур не ответила ни слова, только ее рука машинально разжалась, и сорванные цветы посыпались на землю. Девушка стояла, точно окаменелая.

– Ну, теперь ты все знаешь, – сказал Гаральд, не дождавшись ответа. – Мне нелегко это было, так как знаю, что теперь я навсегда потерял уважение в твоих глазах; но ты, по моему, слишком хороша для того, чтобы человек женился на тебе как на первой встречной лишь потому, что он дал тебе слово и не может взять его назад. Все равно, со временем у тебя открылись бы глаза, и потому лучше, чтобы ты теперь же... Гильдур, ты не слушаешь меня?

Девушка в самом деле не слушала и как будто даже не замечала, что Торвик еще тут. Не сказав ни слова, не прощаясь, она медленно повернулась и пошла к дому. Только оказавшись одна в гостиной, она вышла из оцепенения, и к ней вернулась способность думать и соображать.

Вот, наконец, то, что в виде смутного страха закралось ей

в душу в тот день, когда эти чужие люди ступили на берег Рансдаля. Теперь «оно» стояло перед ней, и она поняла, что Бернгард не такой, как она думала. Она боялась прошлого, воспоминаний о той чудесной кипучей жизни вне Рансдаля, которую Бернгард должен был забыть в тихом Эдсвикене в ее обществе; но она храбро решила вступить в борьбу с этим прошлым. Ведь он любил ее, ради нее отказался от богатого родового поместья, а жена все может сделать с мужем, если тот любит ее. Вера в любовь Бернгарда была незыблема в ее душе, и ни его холодное спокойствие, ни его часто неровный, деспотический характер не могли поколебать ее. Теперь она была разбита и уничтожена.

Гильдур уже не сомневалась в словах Гаральда. Правда с неумолимой силой проникла в ее сознание. «Яблоко от яблони недалеко падает». Бернгард никогда не принадлежал ей; другая же была одного с ним сословия, она подходила ему. И вдруг Гильдур, эта тихая, серьезная девушка, руки которой просил Бернгард и которая должна была стать его женой, упала на колени в неудержимом порыве отчаяния; она хоронила свое счастье.

Между тем Гаральд пошел в Рансдаль. Он знал, как тяжело поразит девушку этот удар, и все-таки нанес его; но он сказал только правду; им не руководили ни эгоистическое желание, ни надежда; в сердце, в котором так глубоко запечатлелся образ другого, уже нет места для него. Ни одна девушка не простит человеку, так безжалостно открывшему

ей глаза и разбившему ее счастье; но все равно, он сделал то, что, по его убеждению, было необходимо; Гильдур была слишком хороша в его глазах для того, чтобы встретить лишь холодное, вынужденное чувство долга в человеке, которому сама отдавала все. Она должна была, по крайней мере, знать, что у него нет для нее ничего иного. Если же она изойдет кровью от этой раны – что ж делать!

На берегу Гаральд увидел оживленную толпу – только что пришел пароход, совершавший рейс по фиорду. Здесь, на последней станции, высаживались в основном только рансдальцы, но в городке сегодня была большая ярмарка, и крестьяне и рыбаки со своими женами возвращались по домам с покупками.

Только один пассажир, не принадлежавший к местным жителям, сошел с пароходного трапа; это был пожилой господин с совершенно седыми волосами и бородой, но со свежим, загорелым лицом и по-юношески быстрыми движениями. С минуту он стоял, оглядываясь вокруг, как бы ища кого-то. К нему тотчас подошел слуга в ливрее Зассенбургов и, сняв шляпу, спросил:

– Не вы ли господин Фернштейн? Когда была получена телеграмма, его светлость находились на охоте, а потому за вами, господин Фернштейн, выслан только экипаж.

Фернштейн кивнул и направился к ожидавшему в стороне экипажу; лакей вспрыгнул на козлы рядом с кучером, и они тотчас тронулись в путь.

Солнце зашло, но на дороге в Альфгейм, поднимавшейся в гору, было еще светло. Фернштейн осматривал окрестности. Он был не особенно чувствителен к красотам природы, и живописные картины фиорда так же, как и панорама гор, оставили его довольно равнодушным; но вдруг он быстро выпрямился и, внимательно глядя на опушку леса, громко крикнул:

– Эй!

Охотник, которому был адресован его оклик, остановился озадаченный; очевидно, он узнал ливрею и экипаж, но не мог понять, кто в нем сидит; Фернштейн велел кучеру остановиться, быстро выскочил и пошел навстречу охотнику.

– Бернгард! Не успел я приехать, как тут же увидел тебя! Ну да, смотри на меня, это я собственной персоной в вашей медвежьей стране!

– Дядя Фернштейн! Откуда ты? – воскликнул молодой человек в безграничном изумлении.

– Из Дронтгейма, куда меня своей телеграммой заставил скакать во весь опор мой сорванец. А, раз попав туда, я решил заодно навестить и старого друга Гоэнфельса. В Берлине его никогда не поймашь; он так занят своими правительственными делами, а здесь у него есть, по крайней мере, свободное время. Но не разговаривать же нам на шоссе! Садись, едем вместе, я еду в Альфгейм.

– В Альфгейм? – Бернгард сдвинул брови. – Не лучше ли будет, дядя, если ты на днях приедешь в Эдсвикен? Мне

некогда!

– Ты думаешь, я застряну там на несколько недель? Я по-гощу денек, а послезавтра уже и назад. Ты не хочешь ехать со мной в Альфгейм, потому что вы с дядей, разумеется, все в таких же «милых отношениях», как раньше, но если я выпущу тебя теперь из рук, то вообще никогда не увижу. А потому едем – и все!

Бернгард еще колебался; ему очень хотелось узнать, как там дела, потому что, когда неделю тому назад он расставался с Куртом, тот и не подозревал, что отец может приехать.

– Ну, пожалуй, прокачусь с полчаса! – сказал он. – Пока не покажется Альфгейм, тогда я сойду. Право же, у меня нет сегодня времени.

Фернштейн завладел молодым человеком и втащил его в экипаж. Он, как и прежде был грубоватым, фамильярным человеком, готовым вспылить при каждом удобном случае, и при этом оставался воплощенной добродетелью. Он всегда был в хороших отношениях с Бернгардом, потому что предоставлял «бесноватому» полную волю во всем совершенно так же, как тогда, когда впервые принял его у себя. Дикий характер необузданного мальчика импонировал ему так же, как его невероятная ловкость в стрельбе и верховой езде. Он часто становился на его сторону и был в качестве арбитра, когда Гоэнфельс чересчур резко нападал на непокорного племянника. Правда, это ничего не меняло, потому что министр не поддавался ничьему влиянию, но Бернгард

знал это и чувствовал. Когда он приезжал из Гунтерсберга, что во время каникул случалось почти ежедневно, то вместе с Куртом переворачивал весь Оттендорф вверх дном; правда, Фернштейн ругался, но в их отсутствие хохотал и находил, что они оба чертовски славные ребята. Он тоже не видел Бернгарда уже три года, с тех пор, как молодые офицеры вместе отправились в плавание на «Винете», но сохранил с ним старые добрые отношения.

– Наконец-то удалось увидеть тебя, беглец! – сказал Фернштейн, когда они поехали дальше. – Хорошо же ты поступил с нами, нечего сказать, со своими сумасшедшими норвежскими фантазиями! Твой дядя совсем вышел из себя! Счастье, что ты был в это время в Вест-Индии, иначе плохо бы тебе пришлось.

Бернгард только пожал плечами и спокойно ответил:

– Все равно, я завел бы об этом речь и в Берлине; что касается моего бегства, то тебе нечего попрекать меня этим, потому что то же самое проделал твой собственный сын.

– Вот как? А кто придумал с ним весь этот план в Ротенбахе? Вы! Вы цеплялись друг за друга, как два репейника. Если бы только вы были у меня в Оттендорфе, я бы вас...

– Но мы были в Киле! – хладнокровно перебил его молодой человек. – Не сердись за прошлое, дядя, лучше позволь поздравить тебя с двойной помолвкой: Кети и Курта.

– Да, моя Кети всегда была милой девочкой! – растроганно заявил Фернштейн. – Не сделай она такого разумного вы-

бора, Оттендорф попал бы со временем в чужие руки. Но этот мальчишка Курт!.. Сначала надул меня, записавшись на флот, потом отправился шляться по Норвегии, обручился, не спросив меня, так то я даже не знал, кого он собирается ввести в мой дом – лапландку или какое-нибудь иное чудовище. Ты думал, я это стерплю? Я сию же минуту собрался и поехал.

– Так вот почему ты приехал? Но разве Курт не написал тебе?

– Из Дронтгейма он прислал совершенно сумасшедшую телеграмму: «Милый папа! Я обручился, нашел среди полярных медведей невесту и счастье всей жизни. Письмо послано. Просим отцовского благословения. Курт и Инга». Какая-то Инга, которую он нашел среди полярных медведей! Я думал, что меня удар хватит, не стал ожидать письма, а отправился скорым поездом в Гамбург и оттуда первым же пароходом в Дронтгейм.

– Во всяком случае, ты приехал слишком поздно, – заметил Бернгард. – Что, собственно, ты хотел делать?

– Устроить скандал! Хотел нагрязнуть на мальчишку, как гроза, и сделал бы это, если бы не убедился, что он поступил разумно...

– Да, разумно во всех отношениях! Курт, конечно, думал только о любви, но партия получилась блестящая: Лундгрэн – первый судовладелец и коммерсант в Дронтгейме, у него торговые связи по всему северу, а Инга – его единствен-

ная дочь и наследница очень солидного состояния. Кроме того, она как будто создана для Курта.

– Я не мог знать этого, ведь адресованное мне письмо лежит в Оттендорфе, – проворчал Фернштейн, но ворчанье было в высшей степени добродушным. – Итак, приезжаю я в Дронтгейм и первое, что вижу, мой сынок прогуливается в гавани под руку с какой-то маленькой особой. Я зову его и думаю, что он, по крайней мере, испугается, а вместо этого он во всю глотку орет «ура!», бросается мне на шею, душит, целует и кричит: «Инга, это мой папа, твой папа!» Не успел я опомниться, как уже в моих объятиях очутилась эта маленькая особа. Что она не лапландка, это я понял сразу же, но оказалось, что по-немецки она не понимает ни слова, потому что сейчас же защебетала по-норвежски. Разумеется, я расвирепел и хотел объяснить ей, что приехал вовсе не в качестве благословляющего отца, как она, кажется, вообразила.

– Неужели ты сделал это? – спросил молодой человек, губы которого подозрительно подергивались.

– Нет! Во-первых, она ничего не поняла бы, а во-вторых, она, в самом деле, слишком хорошенькая для того, чтобы я мог с первой же минуты обойтись с ней грубо. Они не дали мне и дух перевести, сейчас же потащили к родителям. Ну, как увидел я дом, это множество народа в конторе на нижнем этаже, обстановку и самих Лундгренов, все такое приличное, богатое, солидное, так и сообразил, что не так уж глупо поступил мой мальчик. А потом Курт уже окончательно-

но объяснил мне все. Мы еще раз отпраздновали помолвку. Только пресмешно же мы разговаривали друг с другом: ведь они говорят только по-норвежски, да разве по-английски, а мое знание английского языка ограничивается двумя словами: «yes» и «no»⁶. Курт все время должен был переводить, но дело шло превосходно; мы, собственно говоря, только пожимали друг другу руки и чокались за здоровье жениха и невесты, за наше обоюдное здоровье, за Кети и ее жениха, а потом кивали друг другу и снова чокались за кого и за что попало. Впрочем, Инга учит немецкий язык, ей помогает Курт, а когда он уедет, она будет брать уроки. Послушал бы ты, как она прочирикала мне на прощанье: «Я учиться, милый папа! И уж много знать по-немецки от мой Курт!» И при этом смотрела на меня такими плутовскими карими глазками, что я взял ее за головку и расцеловал эту хорошенькую маленькую колдунью.

Фернштейн был просто влюблен в свою будущую невестку. Бернгард слегка усмехнулся, а затем сказал:

– Почему же ты не захватил с собой Курта? Его отпуск заканчивается, осталось каких-нибудь два дня, и вы могли бы вернуться вместе.

– Я убеждал его, но он ни за что не согласился; ему надо до последней минуты сидеть со своей Ингой. Он влюблен по уши, а все-таки послезавтра, хочешь не хочешь, надо ехать. Мы встретимся в Бергене, а оттуда вместе поедem в Киль.

---

⁶ «Да» и «Нет».

Ну, а теперь мне бы хотелось услышать о тебе, Бернгард! Мы еще совсем не говорили о тебе.

– Что обо мне говорить? – У молодого человека был странно усталый вид.

– Не о чем? А вот Курт говорил мне, что через шесть недель твоя свадьба. Разве об этом нечего сказать?

– По крайней мере, не тебе, дядя; ты всегда был против моей помолвки, да и все вы вообще, даже Курт.

– Неужели мы должны были радоваться, что ты сделал глупость? Ну, разве это не глупость – отказаться от Гунтерсберга? Слыхано ли что-нибудь подобное? Майорат, древнее родовое гнездо, ты бросаешь как какую-нибудь игрушку, ты, последний из Гоэнфельсов, и только из-за того, что влюбился в смазливую девушку! Впрочем, это на тебя похоже! Вечно стараешься пробить стену головой, а стена все-таки стоит, и только у тебя череп трещит... Есть чему радоваться! Говорю тебе, ты еще будешь каяться, и не раз!

– Это мое дело! – Бернгард внезапно вспыхнул гневом. – Я прекрасно знаю, что делаю; наш родовой устав достаточно ясен и понятен, тут нужно выбирать одно из двух: или Гильдур, или майорат. Я выбрал Гильдур.

Фернштейн вдруг взял молодого человека за руку и серьезно сказал:

– Бернгард, будь откровенен! Скажи мне, ты в самом деле думаешь, что в состоянии долго выдержать жизнь здесь, в Рансдале? Живописное гнездышко, это правда, но одного

этого мало. Ты молод, твое место в обществе, среди людей, а ты хочешь заживо похоронить себя. Говорю тебе, ты не выдержишь.

В этих словах было столько сердечности и искренней заботливости, что упрямый Бернгард, всегда восстававший против подобного вмешательства, не выдержал; он только высвободил руку и отвернулся.

– Оставь это, дядя! Не будем ссориться на прощанье, на том повороте я сойду, мне нужно в Эдсвикен.

Они уже поднялись на горный склон, на котором стоял Альфгейм, и на повороте дороги перед ними уже виднелся маленький замок. В то же время они заметили принца; он стоял неподалеку, разговаривая с егерями, но, увидев экипаж, оставил их и быстро пошел навстречу. Фернштейн телеграфировал ему из Дронтгейма, спрашивая, не помешает ли его проезд, и в ответ получил приглашение от принца, с которым познакомился еще в Гунтерсберге. Бернгард прикусил губу; он уже не мог исчезнуть незаметно; надо было хоть поздороваться. Правда, он сделал попытку распрощаться перед входом в замок, но Фернштейн и тут помешал ему.

– Не отпускайте его, ваша светлость! Он преспокойно ехал со мной целый час, значит, у него есть время. Авось Эдсвикен от него не убежит.

– Неужели у вас не найдется и одного вечера для нас, Бернгард? – с упреком спросил Зассенбург. – Вот и папа с Сильвией стоят на балконе; вас уже увидели; хотите не хотите, вы

должны войти.

Разумеется, не оставалось ничего другого, как покориться; отказ мог быть расценен как неуважение к хозяину. Какой-то рок толкал молодого человека именно в то место, от которого он хотел, во что бы то ни стало держаться подальше.

Уже давно наступила ночь, когда Бернгард простился и пошел домой. Длинные солнечные дни миновали, и уже несколько недель в Рансдале властвовала ночь с луной и звездами. На этот раз свидание обошлось без неприятных столкновений. Сразу же после обеда, под предлогом головной боли, Сильвия ушла к себе, а мужчины остались, и Фернштейн приложил максимум усилий, чтобы не произошло ничего неприятного. Он так увлек министра, что тот позволил разгореться обычным спорам между дядей и племянником. Бернгард, в основном, общался с принцем, поездка на север и охота послужили для них неисчерпаемой темой для разговора. И все-таки молодой человек облегченно вздохнул лишь тогда, когда вышел из дому. Он отказался от экипажа, и пошел в Эдсвикен пешком. Ближайшие окрестности Альфгейма уже остались позади, и Бернгард свернул на боковую тропинку, сокращавшую путь. Он должен был проходить мимо небольшого открытого павильона, поставленного для того, чтобы любоваться из него видом на рансдалские горы, так как отсюда они казались еще живописнее и величественнее, чем с главного балкона замка. В павильоне кто-то стоял, облокотившись на перила; ясно был виден светлый силуэт. Бернгард остановился, точно прирос к земле.

– Сильвия, ты? – спросил он неуверенным голосом.

– Бернгард, ты идешь домой? – послышалось в ответ.

– Да!

– В таком случае спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

Он знал, что головная боль послужила Сильвии лишь предлогом, чтобы избежать его общества, и был благодарен ей за это. Они оба знали, как опасно им быть вместе. Но бывают минуты, когда вопреки здравому смыслу человек повинуется невольному, бессознательному влечению. Вместо того чтобы уйти, Бернгард поднялся по ступенькам. Сильвия как будто хотела отступить назад, но, одумавшись, осталась на месте. Ее голову и плечи покрывал легкий платок, но молодой человек при свете луны видел каждую черточку ее лица.

– Только один вопрос! – проговорил он вполголоса. – Ты была сегодня в Исдале?

– Я? Почему ты спрашиваешь?

– У рунного камня лежит венок из сосновых веток и лесных цветов, совершенно свежий; это ты положила? Ты была там?

– Да, сегодня утром. Альфред был на охоте, и я пошла туда.

– И тебе не было страшно одной в этом месте? Ты ведь знаешь, что там было. Берегись, Сильвия, там ходят привидения.

Сильвия содрогнулась. Да, ей было жутко в этом мрачном,

безлюдном месте, в котором все молчало, и которое в то же время было полно какими-то таинственными голосами; ее пугал этот камень с рунами, такой темный, мрачный при ярком свете утра, как будто и теперь еще окутанный дыханием смерти, но она тихо ответила:

– Ты с такой горечью упрекаешь нас в том, что Иоахим Гоэнфельс был отверженным, проклятым семьей, толкнувшей его на беспокойную бродяжническую жизнь. Поэтому я захотела отнести ему прощальный привет от меня. Он был моим дядей и твоим отцом.

«Твоим отцом»! Эти слова выдавали больше, чем желала Сильвия, и Бернгард понял это; он проговорил с глубоким вздохом:

– Благодарю тебя!

Они говорили совсем тихо, хотя вблизи никого не было; вокруг царило ночное безмолвие; на небе мерцали только самые яркие звезды, а те, что были поменьше, потухли в лунном свете, заливавшем и небо, и землю. Каждая вершина рансдальских гор выступала ясно и отчетливо, и, тем не менее, все казалось бесплотным, призрачным, как бы оторванным от действительности, вступающей в свои права днем. Расщелины обнаженных, зазубренных скал пропадали в черной тени, темная стена леса точно расплывалась, а глубоко в долине пенящийся Ран прокладывал себе дорогу к фиорду. Среди глубокого молчания ночи издали чуть слышался шум реки, то усиливаясь, когда его доносило дыханием вет-

ра, то снова затихая. На севере поднимались обледенелые зубцы Исдаля, возвышаясь над другими вершинами, а далеко на горизонте светлело обширное поле глетчера, колыбель дикого горного потока, бушевавшего внизу.

– Ты часто ходишь в Исдаль, – снова заговорила Сильвия. – Почему именно туда? Зачем постоянно беречь страшные воспоминания? Дай им, наконец, уснуть.

– Не могу! Ты думаешь, часы, которые я переживаю в Исдаде, приятны? И все-таки меня тянет туда. Говорят, будто дух человека, собственной рукой пролившего свою кровь, прикован к месту, где это случилось. Мы смеемся над этим суеверием, но покойники действительно возвращаются с того света, мы чувствуем их дыхание около себя, только уж не называем это приведениями, а наследственностью крови. Я получил плохое наследство, и иной раз дорого расплачиваюсь за него. Меня упрекают в том, что я порвал с родиной и с вами. Ну, хорошо, допустим, что это результат влечения к свободе, упрямства, мстительности, чего угодно; но тут есть еще и что-то другое: отцовская кровь. Ведь и у меня, как у него, не было дома, ничего, без чего бы я не мог жить, что влекло бы меня; я не видел ничего, кроме принуждения и наказания; и я поступил так же, как он, то есть пошел туда, где он искал свободу. Дядя Бернгард сказал мне тогда на кладбище: «Ты пошел его дорогой; берегись, чтобы не кончил так же, как он!». Ведь дядя всегда и во всем прав, и я действительно не раз уже думал о таком конце.

Сильвия вздрогнула.

– Бернгард, неужели ты дошел до этого?

– Да, – сказал он мрачно и глухо. Гордый, упрямый человек, который в разговорах с дядей отрицал мучивший его душевный разлад и скрывал от невесты все, что в нем происходило, здесь, перед этими глазами, смотревшими на него с выражением ужаса, признался во всем. Но его голос смягчился до неузнаваемости, когда он спросил:

– Это огорчило бы тебя, Сильвия? Ты стала бы плакать обо мне?

Из ее груди вырвалось что-то похожее на рыдание, и она обеими руками крепко схватила его за руку, точно хотела удержать, уберечь.

– Ты должен уйти отсюда, Бернгард, уйти из этой обстановки, из этой страны! Освободись, чего бы тебе это ни стоило!

– От кого? От девушки, которой я дал слово и поклялся в верности, которая верит мне всей душой? Вот ты можешь освободиться, если захочешь, потому что жертву понесешь ты, если откажешься от княжеской короны. У Гильдур же все счастье, все будущее зависит от меня одного. Ты думаешь, я дойду до такой низости, что смогу бросить все это ей под ноги и убегу? Никогда!

Руки Сильвии тихо соскользнули с его руки.

– Ты любишь Гильдур Эриксен?

– Нет, – сознался он с суровой откровенностью. – Но я

не в силах выносить дольше эту жизнь в одиночестве; мне нужен был человек, который помог бы мне в этом, и я связал себя обещанием. Как бы там ни было, она будет моей женой и хозяйкой в Эдсвикене. Этим я заплачу, по крайней мере, свой долг.

– А ты? – в голосе девушки послышался тот же тревожный страх, который выражался на ее лице.

Бернгард не ответил, но его взгляд с каким-то странным выражением остановился на белевшей вдали вершине Исдаля. Луна поднялась выше, ее лучи осветили долину, где шумел Ран. Можно было ясно различить черные ели и нагромождение камней на его пути. Река извивалась, как сверкающая змея, то пропадая в тени гор, то снова сверкая в лучах луны. Громче прежнего доносился ее шум, слышались полузаглушенные звуки жуткой песни, которая была знакома Бернгарду и Сильвии с тех пор, как они встретились около рунного камня. Там эта дикая и грозная мелодия звучала громко, как песня о гибели и уничтожении. Бернгард часто слышал ее, и теперь она, казалось, отвечала на робкий вопрос Сильвии. Ответ был недобрый, зловещий.

Сильвия тоже угадала его и сказала со страстной мольбой в голосе:

– Бернгард, выбрось из головы воспоминания, не думай о близости покойника! Это может привести тебя к гибели! Подумай обо мне!

– О тебе? – повторил он с глубокой горечью. – Ты будешь

принцессой Зассенбург, а я – мужем Гильдур. Мы оба выбрали себе дорогу и должны идти по ней, все равно, куда бы она ни привела.

– Так вспомни о Вердеке, о твоём старом капитане, о том, что он пророчил тебе. Неужели ты захочешь погибнуть здесь в праздности, когда тебя, может быть, ждёт высокое предназначение?

– Ты знаешь, что написал Вердек твоему отцу?

– Папа показал мне письмо. Ты все видишь в папе врага, а если бы посмотрел на него в ту минуту, когда он обнял меня и сказал: «Ну, наконец, мы отвоевали этого беглеца, теперь он наш!». Ах, если бы ты приехал тогда...

– То я увидел бы тебя, и все сложилось бы иначе. Все безвозвратно пропало!

– Отчего? Оттого, что ты сделал ошибку? Потерян только один год из твоей жизни, а ты ещё так молод!

– Но я связан! Оставь меня, Сильвия! Я не могу, не хочу... слышишь? Не хочу! Неужели я должен нарушить своё слово, стать изменником?

– Нет, этого не надо. Посели свою жену в Эдсвикене, как ты и обещал ей, но сам снова поступай на службу, вернись к жизни. Гильдур только разделит участь всех жен моряков, которые видят своих мужей лишь несколько месяцев в году. Такая участь ожидает и невесту Курта. Этого ты можешь и должен требовать. После каждого плавания ты будешь возвращаться к ней.

Бернгард стоял, как оглушенный, и смотрел на Сильвию. Такой выход из создавшегося положения никогда не приходил ему в голову. Ему всегда казалось, что жениться на Гильдур значило обречь себя на жизнь изгнанника в Рансдале; теперь ему подсказали путь, ведущий обратно к жизни, к обществу, по которому он тосковал, к которому стремился каждой мыслью. Но первым условием этого было подчинение, а против подчинения восставала вся его гордость, все его упорство.

– Знаешь ли ты, чего требуешь от меня? – гневно спросил он. – Я должен буду признать, что был неправ, тогда как я воспользовался только своим правом. Я должен буду подчиниться, унизиться... отступить! Я всегда так ненавидел это слово... а теперь...

– Нет, ты должен только вернуться, – перебила его Сильвия. – Неужели так трудно примириться с человеком, который старше и опытнее тебя? Он снова может открыть тебе доступ к карьере, от которой ты отказался; ты ведь вышел в отставку по собственному желанию.

– А если он оттолкнет меня?

– Тебя? Неужели ты так плохо знаешь его? Попробуй, ты ничем не рискуешь.

Бернгард колебался, однако было видно, что ее слова достигли цели.

– Я... я подумаю!

– Нет, не надо думать, не надо колебаться, иначе тебя

удержат упрямство или просьбы твоей невесты; она не захочет отпустить тебя; ты ведь не признаешься ей, что речь идет о жизни и смерти. Она имеет право требовать твоей руки, но не твоей жизни, не твоего будущего. Она получит дом и права на все, а ты завоюешь себе будущее, будешь стремиться к такой же великой цели, какой достиг мой отец. Тогда ты освободишься от несчастного наследства отцовской крови, будешь в состоянии спокойно жить, если даже не будешь счастлив у себя дома.

Сильвия говорила горячо, с полной уверенностью в своих словах. Глаза Бернгарда неотрывно смотрели на нее. Точно так же она защищала когда-то своего отца, теперь с таким же жаром отстаивала его будущее. Теперь он знал, что таилось в этом привлекательном, очаровательном существе, сначала показавшемся ему таким загадочным, таким коварным. В детстве Бернгард ненавидел «маленькое, жалкое создание»; может быть, уже тогда он предчувствовал, что Сильвия станет со временем его роком; теперь этот рок стоял перед ним; но он слишком поздно понял, что именно в нем его счастье. Это была женщина, которая могла бы обуздать его порывистое стремление к свободе и удержать при себе; это могла быть опора, с помощью которой он смог бы укрыться от темной силы в собственной душе. И было время, когда ему стоило только протянуть руку, и Сильвия Гоэнфельс была бы его.

– Бернгард, я требую, чтобы ты дал мне слово, – настаивает

вала она. – Решайся, поговори с моим отцом, пока он еще здесь. Ты придешь?

Казалось, он все еще боролся с собой; еще раз взглянув на скалистые вершины Исдаля, он решительно и энергично выпрямился.

– Хорошо. Я приду!

– Слава Богу!

Сильвия хотела протянуть ему руку, но вдруг почувствовала себя в его объятиях, и его губы пылко прижались к ее губам. Это было его первое и единственное признание. Они оба знали, что любят друг друга и что должны расстаться; в словах не было надобности. Правда, это была лишь минутная слабость; Бернгард выпустил любимую девушку из объятий и отступил.

– Прощай, Сильвия!

– Прощай!

Их глаза встретились – это было тяжелое, безмолвное расставание – и Бернгард ушел. Он вышел на яркий лунный свет, повернул в сторону и скрылся в лесу. Тропинка в Эдсвикен шла круто вниз; чем ниже в долину спускался одинокий путник, тем громче становился несущийся ему навстречу шум реки. На время он потерял ее из виду, теперь же она мчалась у его ног, как быстро извивающаяся, шипящая змея, и ее брызги долетали до него.

Но зловещий голос, шептавший и шипевший там, внизу, уже утратил для него свою силу; другой голос говорил гром-

че и повелительнее. Впервые Бернгард вздохнул глубоко и свободно, но это не был вздох радости; он заплатил слишком дорогой ценой – счастьем всей своей жизни.

Фернштейн пробыл в Альфгейме всего сутки, хотя его упрашивали остаться подольше; он уехал утром на второй день. Гоэнфельс поехал проводить его до Рансдаля, и его ждали обратно, но вместо него явился только слуга с запиской, написанной рукой министра, в которой сообщалось, что он в Эдсвикене, у своего племянника, и чтобы его не ждали; вероятно, он вернется только к вечеру.

Зассенбург не мог ничего понять. Ему было хорошо известно, в каких отношениях были министр и Бернгард, как старательно они избегали друг друга, и вдруг теперь такой продолжительный визит! Слуга не мог сообщить на этот счет никаких сведений. Господин Гоэнфельс был на берегу; он пришел, чтобы еще раз повидаться с господином Фернштейном до его отъезда, потом у него состоялся короткий разговор с дядей, затем его превосходительство сел с ним в экипаж и приказал ехать в Эдсвикен, а оттуда прислал записку. Все это придавало случившемуся еще более загадочный вид, оставалось только ждать объяснения.

В самом деле, министр вернулся в Альфгейм только к вечеру; будущий зять встретил его, и они вместе поднялись наверх.

– Как чувствует себя Сильвия? – спросил министр. – Утром она казалась очень нездоровой. Головная боль все

еще не прошла?

– Нет, к сожалению, эта боль, кажется, пройдет не скоро. Я заходил к ней только на четверть часа, чтобы сказать, что ты вернешься позже, папа. Но она обещала выйти к обеду, и, я думаю, лучше будет оставить ее до тех пор в покое.

По тону ответа можно было догадаться, что этот короткий визит к невесте опять расстроил принца, но Гоэнфельс не заметил этого; он только рассеянно кивнул, входя с принцем в свой рабочий кабинет. На письменном столе лежало множество пакетов (почта, полученная в его отсутствие), но сегодня министр едва взглянул на них. На его лице не было обычного холодного спокойствия.

– Альфред, ты, наверно, очень удивился, получив мою записку из Эдсвикена? – спросил он, опускаясь в кресло.

– Еще бы! Я не думал, что ты когда-нибудь переступишь порог Эдсвикена, и в первую минуту испугался, не заставило ли тебя ехать туда какое-нибудь несчастье.

– Нет, ничего похожего на несчастье не произошло; мне надо было поговорить с Бернгардом кое о чем, касающемся нас двоих. Дело требовало продолжительного разговора, поэтому я уступил просьбе Бернгарда и поехал с ним в Эдсвикен. Он хочет вернуться на службу на наш флот.

Альфред удивленно выпрямился.

– Хочет вернуться? Он хочет поступиться свободой, которую так энергично, ни перед чем не останавливаясь, отстаивал?

– И которой, в конце концов, не вынес, – прибавил министр. – Я давно догадывался об этом, но все-таки никак не ожидал, чтобы он вернулся. Такой человек как Бернгард скорее погибнет, чем признает, что был неправ и сделал глупость. Вероятно, он долго боролся с самим собой, прежде чем пришел к этому, но он победил себя как мужчина. «Я был неправ, дядя, – сказал он, – неправ по отношению к тебе, к своей родине, а больше всего к самому себе. Я признаюсь в этом откровенно; тебе этого достаточно?» Мне этого было достаточно; я видел, чего стоило ему это признание? Мы с ним помирились.

– А что будет с его невестой, с Гильдур Эриксен?

– Она станет его женой и пока поселится с ним в Эдсвикене. Он сразу сказал мне об этом; я совершенно согласен с ним. Боюсь, что он поторопился; но так как владелец Эдсвикена – блестящая партия для дочери рансдальского пастора, и раз уж он сделал предложение, то, как честный человек не может взять свое слово назад. Свадьба состоится в назначенный срок. Конечно, Гунтерсберг будет для него потерян и со временем перейдет в чужие руки но, по крайней мере, он, Бернгард, опять наш.

Принц слушал с возрастающим удивлением. Эта новость, очевидно, в высшей степени поразила его; однако он, покачивая головой, спросил:

– И он без дальнейших рассуждений хочет вернуться на службу? Конечно, это возможно, если ты похлопочешь за

него, но затруднения все-таки будут.

– Формальных препятствий нет никаких, потому что он вышел в отставку по всем правилам, но лично ему придется преодолеть многое. Во всяком случае, возвращение будет тягостно, так как это будет равносильно признанию своей неправоты. Но я постараюсь облегчить его положение; пусть думают, что это дело моих рук; ведь все знают, что я был в Рансдале. Пусть он свалит ответственность на меня, это избавит его от унижения.

– Ты просто строишь ему золотой мост, – слегка насмешливо заметил Альфред. – Это совершенно не похоже на тебя. Итак, вот к чему пришел этот ярый поборник свободы: он терпеливо подставляет шею под старое ярмо.

– То есть берет на себя прежние обязанности! – Эта поправка была сделана довольно резко. – Да, Бернгард еще вовремя опомнился, и я ставлю ему в большую заслугу то, что у него хватило мужества побороть в себе ложный стыд. Мы условились относительно всего, что нужно. На зиму он, конечно, останется в Эдсвикене с молодой женой, а весной приедет в Германию. К этому времени я выхлопочу ему разрешение поступить на флот; завтра же напишу его бывшему командиру.

– Капитану Вердеку? Ты уж лучше не впутывай его в это дело; он очень строго относится ко всему, что касается службы и едва ли примет с распростертыми объятиями дезертира, как он назвал Бернгарда.

– В данном случае он сделает исключение; ведь он слишком высоко ценит этого дезертира. Я заранее знаю, что Вердек ответит мне со своей обычной грубостью: «Ну что, обломал себе, наконец, рога проклятый мальчишка? Подавай его сюда! А мы поблагодарим Бога за то, что опять получим его».

Зассенбург раздраженно произнес:

– Кажется, и ты того же мнения? Неужели вы оба так много ждете от этого Бернгарда?

– Да! У нас есть основание ждать от него многого; лишь бы ему попасть на настоящую дорогу, уж он себя покажет. И теперь он уже больше не уйдет с нее; урок был достаточно суров. Если бы Бернгард оказался в состоянии выдержать эту жизнь, которая не заслуживает названия жизни, это праздное шатание без всякой цели на охоту да по морю, между нами было бы все кончено. Это не пристало мужчине, разве какому-нибудь мечтателю.

Альфред прикусил губу.

– Не относится ли это ко мне, папа?

– Нет, нет, Альфред, я говорил не о тебе. Я думал о брате; он ведь тоже ушел в Рансдаль, чтобы быть свободным.

– И остался свободным до конца. Иоахим никогда не покорился бы.

– Еще бы! Он предпочел решить дело с помощью пули. Может быть, ты находишь это мужеством, я же называю это трусостью.

– Так это, значит, правда? – воскликнул принц. – Я так и знал!

Гоэнфельс нахмурил брови; сегодня он утратил всегдашнее спокойствие и самообладание и проговорился.

– Правда! – неохотно произнес он. – Он наложил на себя руки.

– Отчего же ты столько времени скрывал это от меня? Я давно подозревал, что это был за несчастный случай на охоте, и... не ставлю Иоахиму в упрек того, что он искал смерти.

– А я ставлю! – непреклонно объявил министр. – Я столько раз вынужден был бороться с отцовской кровью в его сыне; но теперь я знаю, что в нем течет также и моя кровь. Он носит мое имя; Бернгард Гоэнфельс стремится занять место в обществе и ищет пристанища не в смерти, а в жизни!

На лице принца опять появилось прежнее усталое выражение, его глаза мрачно устремились в открытое окно.

– Совершенно верно, но для этого надо любить жизнь.

– А разве ты не любишь ее? Я думаю, ты любишь свою невесту.

– Я – да! – в голосе принца послышалась тяжелая грусть.

– Что случилось? – тревожно спросил Гоэнфельс. – У вас опять вышла размолвка?

– Нет, нисколько. Сильвия чувствует себя нездоровой; я увидел, что мое присутствие ей неприятно, и ушел. Сейчас я и тебя избавлю от своего присутствия, папа; ты, конечно, захочешь просмотреть сегодняшнюю почту до обеда.

С этими словами принц простился и ушел, а министр направился к письменному столу; но сегодня он лишь наскоро просмотрел бумаги, хотя в них было много важного. Последние часы в Эдсвикене оттеснили все остальные заботы на задний план, кроме тяжелой, смутной тревоги, томившей его душу уже несколько недель. Он ни одним словом не коснулся ее в разговоре с племянником; точно так же не говорил он о ней и с дочерью; о том, что не должно было существовать, не следовало и говорить. Ведь Бернгард скоро введет в свой дом жену, а когда вернется в Германию, то Сильвия будет уже замужем; между ними встанет двойной долг. Он уйдет в море, куда-нибудь далеко, они не будут видеться, может быть, несколько лет, потому что приезжать в отпуск он будет, разумеется, всегда к жене. Обоим придется волей-неволей побороть свое чувство; для человека долга, каким был Гоэнфельс, это было само собой разумеющимся. Сам он никогда не любил и не знал, что значит бороться с охватившей душу страстью.

Между тем Зассенбург отправился к невесте. Он намеревался до вечера оставить ее в покое, но выдержал недолго, несмотря на то, что утром ушел от нее крайне раздраженным. Правда, Сильвия уже не мучила его капризами как прежде, но во всем ее существовании теперь постоянно чувствовалось какое-то холодное молчаливое отчуждение, еще сильнее оскорблявшее его. И сегодня утром она так же оттолкнула его, но все-таки он снова пошел к ней, чтобы сообщить

новость о ее двоюродном брате; это был предлог, чтобы увидеть ее еще раз.

Когда он вошел к невесте, то застал ее у открытого балкона. Она, в самом деле, казалась нездоровой, но на ее лице не было ни усталости, ни слабости; напротив, оно было каким-то лихорадочно возбужденным и полным ожидания. Узнав, что отец в Эдсвикене, она поняла, о чем там идет речь. После того прощанья Бернгард хотел избавить ее и себя от нового свидания. Он знал, конечно, что Гоэнфельс будет провожать своего друга в Рансдаль, и воспользовался этим, чтобы встретиться с ним там; и, действительно, так было лучше.

– Извини, если я помешал, – начал Альфред. – Я только хотел сказать тебе, что папа только что вернулся.

– Я знаю; я видела, как он подъехал.

– Но едва ли ты подозреваешь, какие новости он привез. Нас удивил уже его визит в Эдсвикен, результат же еще удивительнее. Твой кузен любит делать сюрпризы своими решениями. Он сделал это, уехав в Рансдаль, а теперь хочет возвратиться в Германию и опять поступить на флот. Кажется, ему стала невыносима когда-то столь желанная свобода.

Принца очень удивило то, что его новость была принята так равнодушно. Сильвия совершенно спокойно отошла от балкона и села, опустив голову на руку.

– Я думаю, он не смог вынести праздности, – сказала она. – Его тянет назад, к жизни.

– Ну, конечно! В этом он похож на твоего отца, который тоже считает пребывание здесь чем-то вроде изгнания, хотя Альфгейм вернул ему здоровье. Но что ты скажешь на это?

– Я? Важно только то, что скажет папа.

– О, он принимает блудного сына с распростертыми объятиями. Я никогда не поверил бы, что он простит так легко и так быстро; ведь они не ладили с первой же минуты знакомства, но сегодняшний день, кажется, сгладил все. Папа даже хочет привлечь к делу этого старого, хмурого морского волка, капитана Вердека, чтобы проложить своему племяннику дорогу для возвращения службу, и убежден, что Вердек сделает это с радостью. Для них Бернгард – человек будущего; они ждут от него подвигов во славу нашего флота.

В его словах опять послышалась горечь, проскальзывавшая и раньше в его разговоре с министром. Он всегда был на стороне Бернгарда и отстаивал его право на свободу и независимость; такого поворота он не понимал, а замечание о «мечтателе» больно уязвило его. Принц чувствовал, что его будущий тесть ценил только его княжеское происхождение и высокое положение, что этот энергичный человек с некоторым презрением относится к бесцельной жизни, которую ведет его зять.

– Еще посмотрим, оправдает ли Бернгард их доверие, – продолжал он, видя, что Сильвия молчит. – Пока он не сдержал слова, данного самому себе.

– Потому что нашел в себе силы сознаться, что был

неправ? Мне кажется, это в десять раз труднее, чем продолжать упрямяться во вред самому себе. Что говорит о его намерении его невеста?

– Не знаю. Приятно оно ей не будет, потому что она, безусловно, рассчитывала жить с мужем в Эдсвикене. Боюсь только, что он не сидел бы дома; беспокойная кровь моряка постоянно тянула бы его в море. Во всяком случае, свадьба состоится в назначенный срок в следующем месяце. В этом он имеет преимущество перед нами.

Последняя фраза прозвучала несколько шутливо, но Сильвия не поддержала шутки; она ничего не ответила.

Ее молчание, очевидно, обидело жениха, и он продолжал с некоторым ударением:

– Наша помолвка будет объявлена, только когда мы вернемся, и папа до сих пор ничего определенного не ответил на мою просьбу отпраздновать свадьбу через три месяца, впрочем, точно так же, как и ты.

Сильвия упорно продолжала молчать; она сидела, стиснув руки и не поднимая глаз; ее грудь поднималась тяжело и неровно; наконец она тихо проговорила:

– Мне надо поговорить с тобой, Альфред.

– Только не о том, чтобы отложить свадьбу. Я уже как-нибудь выдержу эти три месяца в Берлине, все эти бесконечные визиты, балы и разные формальности, которым мы должны подчиниться. Я знаю, ты любишь это, тебе это нужно, и я покоряюсь твоему желанию; но не требуй, чтобы я выносил

это дольше. Мы уедем на юг, будем плавать на «Орле» по Средиземному морю, отправимся в Индию или куда ты захочешь. Перед нами открыт весь мир, и ты еще совершенно не знаешь экзотического Востока, волшебного очарования тропиков...

Принц замолчал, потому что Сильвия встала в каком-то странном волнении и подошла к нему.

– Перестань, прошу тебя! Я должна сказать тебе нечто серьезное, неприятное... Я... – Она замолчала, как будто у нее перехватило дыхание, и вдруг порывисто воскликнула: – Я не могу быть твоей женой, Альфред! Возврати мне свободу!

Принц вздрогнул от неожиданности; несколько минут он сидел молча, не шелохнувшись, и смотрел на свою невесту, на лице которой выражалась мука.

– Что... что это значит? – спросил он, наконец.

Сильвия хотела ответить, но, увидев, как поразило его это признание, промолчала – у нее не хватало мужества.

Альфред тоже встал; казалось, он только теперь понял ее слова, но все еще продолжал машинально повторять:

– Ты не можешь? Почему?

– Я не могу любить тебя так, как ты этого требуешь.

– Разве ты любила меня когда-нибудь? – жестко спросил он. – Ты никогда даже не старалась сделать вид, что любишь меня.

Сильвия опустила голову как человек, сознающий свою вину.

– Прости, я знаю, какое страдание причиняю тебе своим признанием, я очень долго боролась с собой. Еще сегодня утром, когда ты приходил ко мне, я хотела сказать тебе это, однако у меня не повернулся язык. Но надо же когда-нибудь это сказать. Я не хочу идти к алтарю с ложью на устах, не хочу лицемерить всю жизнь. Ради меня и ради самого себя не удерживай меня! Верни мне свободу!

Зассенбург не двигался и смотрел на бледную как смерть девушку, которая дрожала перед ним всем телом, однако в ее лице было выражение отчаянной решительности. Неужели это действительно была его капризная, своенравная и, в сущности, холодная как лед, невеста, так часто игравшая им и его страстью и так спокойно и сознательно повиновавшаяся воле отца и собственному честолюбию, когда ей показали княжескую корону? Он никогда не обманывал себя иллюзиями относительно этого, но ведь она вообще не умела чувствовать и любить; он не имел права требовать от ее русалочьей натуры того, что было для нее невозможным. Теперь же он видел перед собой молодую девушку, вся душа которой, пылкая и страстная, открылась в этом признании, которая со страхом просила, умоляла освободить ее от нелюбимого человека. Значит, «немилостивая богиня» ожила, она проснулась, наконец, для жизни. Чудо, о котором он столько раз мечтал, свершилось на его глазах, но он был тут ни при чем!

– Кто научил тебя этому? – спросил принц глухо и с угрозой, судорожно сжимая ее руку. – Кто? Я хочу знать!

– Пусти, не мучь меня! – Сильвия попыталась вырвать руку, но он держал ее крепко, как в тисках.

– Нет, я не пушу тебя! Ты должна ответить мне! Когда мы приехали в Альфгейм, и ты дала мне слово, ты была другая, а с тех пор ты никого не видела, кроме... Ах!

Последнее восклицание вырвалось у принца как крик. Точно молния пронизала его душу и осветила мрак. Это не было подозрением, это было уверенностью – Альфред Зассенбург знал теперь, кто отнял у него невесту.

Он немедленно выпустил ее руку и отступил. Она видела, что он догадался, и все-таки не смела сказать ни слова; ее пугало выражение его лица.

Наступило томительное, неприятное молчание. Альфред заговорил первый.

– Итак, и над тобой этот Бернгард одержал победу! Впрочем, ведь он – не праздный мечтатель. Вердек не побоялся в будущем поставить его рядом с твоим отцом, и потому он может вести себя в отношении вас вызывающе, оскорблять вас, и вы все-таки будете только восхищаться его необузданной, гордой силой. Значит, все это случилось по его милости!

– Бернгард связан словом и сдержит его, – сказала Сильвия тихо, но твердо. – Мы разлучены.

– А твое слово? – резко спросил Зассенбург.

– Я требую его назад, я прошу тебя вернуть его мне. Это выше моих сил! Да ведь и ты уступишь меня только отцу, а не кому-нибудь другому. Гильдур не подозревает, какую

жертву приносят ей; она будет счастлива и довольна со своим мужем. Теперь ты знаешь правду и вернешь мне свободу!

– Ты думаешь? А если я не сделаю этого? Ты воображаешь, что я позволю так долго играть собой, а потом оттолкнуть? Я не верю в то, что вы разлучились, не играйте комедию. Он не женится на Гильдур Эриксен. Уж он найдет средство освободиться, и тогда только я буду стоять между вами. Но я не так-то легко уступлю. Берегись, Сильвия! До сих пор ты знала только человека, боготворившего тебя и подчинявшегося каждому твоему капризу, но ты можешь познакомиться когда-нибудь со мной другим. Советую тебе остерегаться!

Принцем опять овладело лихорадочное возбуждение, часто внезапно сменявшее его усталое, мечтательное равнодушие, подобно тому, как из полу угасшего костра вырывается и снова гаснет высокий язык пламени. Сегодня это пламя сильной, всепожирающей страсти, может быть, знакомой ему в годы юности, вспыхнуло ярко и грозно. Он пробудился, это было очевидно, его глаза сверкали; казалось, в эту минуту он был готов на все.

И Сильвия поняла это. Она так ужасно боялась этого часа, потому что чувствовала себя виноватой в страданиях Альфреда; если бы он стал упрекать ее, то это угнетающе подействовало бы на нее, но его угрозы вернули ей утраченное мужество. Она подняла голову, готовая к бою.

– Неужели ты думаешь страхом удержать меня возле себя?

Я не такая трусиха! Бернгард помолвлен со своей невестой и не может бросить ее, но женщина в таких случаях ведет себя иначе: она не выйдет замуж, если знает, что ее брак будет сплошной ложью. Ты тоже теперь знаешь это, и если все-таки хочешь удержать меня, то я освобожусь сама, против твоей воли.

– Попробуй! – крикнул Зассенбург вне себя. – Ты останешься моей, это я говорю тебе! Прежде чем уступить тебя другому...

Сильвия невольно отшатнулась, испуганная страшным выражением лица принца, но в эту минуту дверь внезапно распахнулась, и на пороге появился Гоэнфельс. Его привлекло сюда беспокойство о здоровье дочери. Он думал, что она одна, как вдруг услышал из соседней комнаты взволнованные голоса, а, войдя, увидел, что они стоят друг против друга с видом людей, готовых драться не на жизнь, а на смерть.

– Сильвия... Альфред... что случилось? – воскликнул он.

Он не получил ответа, но Сильвия бросилась к нему и обняла его за шею обеими руками. Теперь, когда она почувствовала себя под защитой отца, силы оставили ее, и она разрыдалась.

Альфред, казалось, не слышал вопроса; он не сводил взгляда с невесты, которую впервые видел в слезах.

– Так ты и этому научилась? – сказал он с горькой насмешкой. – Твой Бернгард – хороший учитель, но мы с ним еще поговорим!

С этими словами он вышел из комнаты, изо всей силы хлопнув дверью. Гоэнфельс, может быть, впервые в жизни растерялся.

– Что случилось? – обратился он к дочери. – Альфред ведет себя как сумасшедший! Что ты ему сказала?

Сильвия подняла голову и, с усилием сдержав слезы, с той отчаянной решимостью, которая не покидала ее в продолжение всей этой бурной сцены, ответила:

– Я сказала ему правду: я не могу быть его женой.

На следующий день после посещения министром Эдсвикена Бернгард Гоэнфельс пришел в пасторат. Самого Эрик-сена не было дома, а Гильдур сидела в гостиной с матерью Гаральда – тихой, простой женщиной. Очевидно, она не знала о том, что ее сын поссорился с товарищем; по крайней мере, она держала себя с Бернгардом по-прежнему доверчиво и стала подробно рассказывать о возвращении сына и о несчастном случае с ним в Дронтгейме. Рана была совсем легкая и уже зарубцевалась; доктор высказал предположение, что, вероятно, у него было сильное сотрясение мозга, если он в первые дни не смог нести службу. Теперь его место на «Орле» занято другим, и новый штурман должен вести судно обратно в Гамбург, но Гаральд доволен этим – он раньше освободился. На днях он собирается ехать в Берген, чтобы держать последний экзамен. Тогда он будет капитаном и весной уже может получить какое-нибудь из местных судов. Старушка говорила этом с явной гордостью.

Наконец она ушла, и жених с невестой остались одни. Гильдур заняла свое место у окна, но не взялась за работу, как обычно, а сидела молча, сложив руки. Бернгард подошел к ней; он был недоволен, что может переговорить с ней с глазу на глаз о том, что привело его сюда, хотя, в сущности, говорить было не о чем, так как его решение было беспово-

ротным. Но ведь Гильдур еще ничего не подозревала; она не могла знать, что пережил он прежде, чем принял такое решение, да Бернгард и не допустил бы ее вмешательства. Он понимал, что ей трудно будет перенести этот полный переворот в их планах на будущее, с этим уже ничего нельзя было поделать.

– В последние дни я не мог прийти к тебе, – начал он. – Надо было покончить с кое-какими важными делами, отчасти касающимися и тебя. Вероятно, ты знаешь, что у меня был дядя?

– Знаю, – односложно ответила Гильдур.

Действительно, весь Рансдаль уже знал, что министр с пристани поехал с племянником в Эдсвикен и провел там несколько часов. Но молодой человек напрасно ждал от невесты расспросов по поводу этого действительно поразительного события, и ему волей-неволей пришлось продолжать:

– Мы помирились. Разумеется, первый шаг сделал я, но его отношение к этому шагу окончательно примирило нас. Я был неправ, видя в нем только чопорного, строгого опекуна. Вчера, когда мы с ним, наконец, покончили с нашей давнишней враждой, он обнял меня как отец.

– Могу я, наконец, узнать, о чем вы говорили? – спросила девушка.

– Конечно! Для этого я и пришел, – поспешно ответил Бернгард. – Дело касается прежде всего меня, но ведь мы

с тобой скоро станем мужем и женой. Наша свадьба будет в день рождения твоего отца, и мы поселимся в Эдсвикене. Зиму я проведу с тобой, но потом тебе придется остаться одной на довольно продолжительное время, потому что я решил... опять поступить на службу в германский флот.

Бернгарду нелегко было произносить эти слова, ведь они означали отречение от всего, за что он так упорно держался здесь, в Рансдале.

Если бы Гильдур стала упрекать его, даже противоречить, ему выло бы легче; но упорное молчание, с которым она встретила его признание, смутило его, и он не совсем уверенным голосом спросил:

– Ты не ожидала такой новости?

– Такой – нет!

– Все равно, я должен сказать тебе это. Я ошибался, когда думал, что то, что я выбрал, могло наполнить всю мою жизнь. Я вырос здесь, среди неограниченной свободы, и, когда мне пришлось подчиниться строгому воспитанию, Рансдаль стал казаться мне олицетворением этой свободы; я забыл, что у взрослого мужчины ощущения не такие, как у пылкого, необузданного мальчика. Кто пожил в том мире, того он держит тысячам невидимых нитей и тянет к себе, назад, если попытаться уйти из него. Я знаю это из опыта!

Глубокий вздох Бернгарда и его внезапно загоревшиеся глаза говорили о том, как сильно тянуло его в тот мир. Гильдур только взглянула на него; ее взгляд показался жениху та-

ким же загадочным, как перед этим и ее тон; но в нем был упрек, и Бернгард принялся успокаивать ее.

– Конечно, я не собираюсь отрывать тебя от твоей родины, ведь я знаю, как ты к ней привязана. Когда я буду уезжать, ты будешь чувствовать себя в Германии чужой и бесконечно одинокой. Ты будешь жить в Эдсвикене, как моя милая, верная хозяйюшка, возле отца, в привычной обстановке и ждать меня домой после каждого плавания. Ведь здесь живет много семей, из которых мужья и братья надолго уходят в море, а домой возвращаются только погостить. И маленькой избалованной Инге придется примириться с этим, раз она выбрала себе в мужа моряка, а моя умная, рассудительная Гильдур и подавно примирится, не правда ли?

– Нет! – жестко и холодно произнесла Гильдур.

– Ты говоришь весьма решительно, – раздраженно сказал Бернгард. – Такого ответа я никак не ожидал, когда шел сюда, чтобы обсудить с тобой дело...

– Которое давно уже решено, – перебила его девушка. – Ты все обсудил с дядей, может быть, еще с... одним человеком, а я, кого это касается больше всех, узнаю об этом последняя. Ты ставишь меня в известность, и ничего больше.

Упрек был справедлив, но молодой человек только пожал плечами.

– Тебе так обидно то, что не ты была моей первой поверенной? Дядя был глубоко оскорблен мной, а потому имел право раньше всех узнать о моем решении.

– И он один узнал о нем? Больше никто?

Бернгард молчал; он вспомнил ту лунную ночь в Альфгейме. Голос, заставивший его отбросить сомнения и принять решение, не был голосом его невесты. Он не умел лгать и потому молчал.

Губы Гильдур задрожали; она поняла его молчание и по-прежнему жестко спросила:

– Кто внушил тебе это решение? Министр?

– Какой странный вопрос! И что вообще означает вся эта сцена? Я не узнаю тебя сегодня!

Он действительно не узнавал своей тихой, серьезной невесты, которая теперь поднялась с места и остановилась перед ним. Он только сейчас заметил, до какой степени она бледна, как энергично, почти сурово сжаты ее губы, и только сейчас понял, что речь идет о чем-то гораздо более серьезном, чем обида.

– Когда мы обручились, ты сказал мне, что любишь меня, – продолжала она. – Можешь ли ты повторить это теперь, при той, которая приходила тогда сюда... при невесте принца Зассенбурга?

Бернгард вздрогнул, пораженный неожиданностью.

– Ты знаешь? Кто тебе сказал?

Безумное отчаяние и горе наполнили душу девушки. Несмотря ни на что, она все еще надеялась, что Гаральд ошибся, что ревность заставила ее увидеть то, чего не было на самом деле; теперь у нее была отнята и эта последняя

надежда. Однако она продолжала стоять прямо; ее большие, ясные глаза были устремлены на жениха, будто хотели прочитать то, что скрывалось на самом дне его души.

– Я требую правды, Бернгард! Ты любишь Сильвию Гоэнфельс?

Молодой человек опустил глаза. Вопрос не допускал ни отговорок, ни смягчения истины; он требовал только прямого ответа, и Бернгард ответил:

– Да!

Наступило тягостное молчание. Гильдур наклонила белокурую голову, как будто на нее навалилась непосильная ноша. Но в Бернгарде опять зашевелилось его упрямство. Разве легко достались ему отречение и борьба с собой? Он пришел, принося жертву долгу, а между тем теперь стоял перед ней, как обвиняемый, которого надо было судить. Он был не в силах вынести этого.

– Ты называешь это изменой, – заговорил он, – ты не знаешь страсти и потому не можешь простить ее, но, поверь, тут больше виновата судьба, чем я сам. Когда я просил твоей руки, я еще не испытал другого чувства, не подозревал стихийной силы такой страсти. Но я поборю ее. Кроме того, ведь Сильвия выйдет замуж; ты обручена со мной, и твои права для меня священны.

– Мои права? – сверкая глазами, воскликнула Гильдур. – У меня нет прав! С этой минуты я не хочу иметь никаких прав! Ты свободен... уходи!

При таком взрыве гнева Бернгард невольно отступил назад.

– Гильдур! Ты говоришь так под влиянием гнева.

– Неужели ты думаешь, что я стану удерживать тебя после такого признания? Твою любовь я приняла как дар, но твоего сострадания и твоего долга я не хочу. Я не принимаю милостыни!

Бернгард стоял ошеломленный, растерянный; этого он не ожидал и не верил, чтобы девушка говорила серьезно. Он видел только, что она глубоко оскорблена, и заговорил с ней почти просительно:

– Одумайся, Гильдур! Не произноси так поспешно приговора нашему будущему! Дай мне время побороть то, что я должен побороть. Тебе нечего бояться; ничто и никогда не напомнит тебе об этом, даю тебе слово. Я думал, ты любишь меня!

Девушка слегка вздрогнула и отвернулась. Любила ли она его? Но она боялась расчувствоваться и заставила замолчать непокорное сердце.

– Любил ли ты меня когда-нибудь? – спросила она тоном сурового упрека. – Тебе нужна была только хозяйка для Эдсвикена. Твой друг, твоя «Фрея», море – все было тебе дороже меня; в том, что затрагивало тебя глубже, ближе, я не принимала участия; я всегда стояла в стороне от твоей жизни. До сих пор я была слепа в своей доверчивости. Неужели ты ценишь меня так низко, что воображаешь, будто я могу

терпеть это теперь, когда прозрела? Ведь я была бы для тебя только целью, и ты с отвращением вспоминал бы о том, что в Эдсвикене тебя ждет жена, которая ничего не смыслит в вашем честолюбии, во всем, что вы делаете, и к которой ты все-таки обязан вернуться. Ты хочешь уйти от нас и из нашей страны, так уходи совсем. Я возвращаю тебе твое слово, ты свободен!

«Свободен»! Прежде это слово означало бы для Бернгарда избавление. Он уже не раз чувствовал, что сам себе сковал цепь, сделав такой выбор, но в эту минуту не почувствовал ничего, кроме жгучего стыда. Да, он слишком низко ценил свою невесту, из которой хотел сделать себе смиренную, покорную хозяйку дома. Она с полным самоотречением покорялась любимому человеку, пока верила в его любовь; теперь же, когда у нее отняли эту веру, она отнеслась к нему как гордая, энергичная женщина, которая не проронила ни слезинки, ни жалобы по поводу разбитого счастья и которая с негодованием отвергла жалкие крохи, предложенные ей взамен любви. Бернгард только теперь понял, чем он обладал в ее лице, и он проговорил очень серьезно и взволнованно:

– Ты не знаешь, каким тяжелым укором будет для меня твое решение. Прося тебя быть моей женой, я собирался дать тебе домашний очаг и счастье; теперь же я не могу дать тебе ни того, ни другого и должен уйти, оставив тебя одну, с сознанием, что заставил тебя так глубоко страдать... Это тяжело!

– Я не упрекаю тебя. Не заботься обо мне! Я дочь своего народа, а мы не из слабаков. Мы не жалуемся и не плачем о том, что теряем. У меня есть отец и мои обязанности, с меня этого довольно. Теперь расстанемся.

Она сняла кольцо и отдала Бернгарду; он медленно, нерешительно начал снимать свое. Несмотря на ее кажущееся спокойствие, он подозревал, какое мужество проявляет эта девушка, обеими руками зажимавшая рану, чтобы не дать ему увидеть текущей из нее крови; он низко поклонился и впервые поцеловал руку, столько времени носившую его кольцо.

– Прости, Гильдур! Прощай!

Бернгард вышел, но не отправился в Эдсвикен, где уже почти все было готово к приему молодой хозяйки. Он не выдержал бы там теперь; его потянуло в горы. План будущей жизни, который он совсем недавно составил, потерял всякий смысл; ему приходилось считаться лишь с самим собой. Расторжение его помолвки, разумеется, не могло остаться тайной, и для обитателей Рансдаля оно было бы настоящим скандалом. Необходимо было избавить Гильдур и самого себя от бесполезной муки, а это было бы невозможно, если бы он все-таки остался здесь – тут немислимо было бы избежать встреч, всюду приходилось бы отвечать на неприятные вопросы.

Молодой человек хотел наскоро уладить самые необходимые дела, известить дядю и уехать как можно скорее. Конеч-

но, уехать теперь – значило уехать навсегда, но зато теперь он был свободным человеком. Гильдур была совершенно права: брак с ней был бы для него цепью, которая вечно бряцала бы у него на ногах, и жена с каждым годом становилась бы все более и более чужой ему. Но он все еще не мог опомниться и не мог радоваться своей свободе: прощальная сцена в пасторате камнем легла на его душу.

Бернгард сам не знал, сколько времени он блуждал; он не обращал внимания на то, куда идет, пока неожиданно не очутился при входе в Исдаль; сюда его бессознательно привела старая привычка. С минуту он колебался, потом пошел дальше; он хотел проститься с этим местом.

Он шел по знакомой тропинке вдоль потока, к рунному камню. Вот он показался вдали, и Бернгард увидел около него человеческую фигуру; он узнал ее издали. Это был принц Зассенбург. Очевидно, ему было неприятно, что его одиночество нарушили, потому что, увидев приближающегося Бернгарда, он вздрогнул, но быстро овладел собой и остался стоять неподвижно, скрестив руки на груди и не подавая и вида, что узнал Гоэнфельса.

Они молча поклонились друг другу. Бернгард был не в таком настроении, чтобы обращать внимание на то, как это было сделано, иначе заметил бы, что поклон принца был странно холоден и натянут; ему было только неприятно, что именно сегодня, придя сюда, по всей вероятности, в последний раз, он встретил здесь постороннего.

– Вы тоже охотитесь, господин фон Гоэнфельс? – спросил Зассенбург после некоторого молчания.

– Нет, как видите, ружье я оставил сегодня дома.

– Значит, вы просто гуляете. Не близкий свет гулять из Эдвикена в Исдаль. Вас привлекает эта дикая пустыня или, может быть, вы пришли посоветоваться с этими таинственными рунами? Вы знаете эту сагу?

– Конечно; в Рансдале ее знает каждый ребенок.

– И народ еще верит ей. Видите, вот там лежит доказательство существования этого суеверия, – и принц указал на камень, у подножья которого лежал венок.

Еловые ветви, из которых был сплетен венок, на сыром мху сохранили еще всю свою свежесть, но цветы завяли. Бернгард молча посмотрел на венок; он не впервые видел этот знак памяти и знал, чья рука положила его.

– Неужели вы здесь охотитесь? – спросил он, пропустив мимо ушей последнее замечание. – В Исдале нет дичи. Вы не найдете здесь добычи.

– А может быть, и найду! – сказал принц со странной усмешкой. – Иной раз добыча – какая-нибудь крупная дичь – сама становится под дуло, и остается только спустить курок. С вами этого не случилось?

– Конечно, с каждым охотником это случается; но вы, в самом деле, напали на след? В таком случае мне очень жаль, что я помешал.

– Вы не помешали мне, господин фон Гоэнфельс! Хотите,

пойдем вместе по следу. Правда, у вас нет с собой ружья, но у меня есть; пожалуй, достаточно с нас и одного.

Бернгард взглянул на принца вопросительно и удивленно, его поразили тон принца, а также дважды повторенное «господин фон Гознфельс». После встречи на севере они звали друг друга по имени, теперь же принц вдруг отказался от такой фамильярности. Вообще в нем было что-то загадочное. Его бледное лицо было расстроено, в глазах тлел злой огонек, полускрытый под усталым взглядом. Он снял с плеча охотничье ружье и стал осматривать курок, продолжая говорить:

– Я слышал, вы приняли удивительное решение. Вы хотите покинуть Рансдаль и вернуться к прежней профессии?

– Совершенно верно, ваша светлость! Я собираюсь уехать по возможности скорее, может быть, на днях.

– До свадьбы? Ваша невеста согласна на это и вообще с вашим планом?

Бернгард молчал. Эти слова вырвались у него нечаянно, но все равно! Сегодняшний день все изменил; он хотел письменно сообщить об этом дяде, тогда и принц должен был все узнать. Зачем же было лгать и скрывать?

– Гильдур не согласна, – наконец решительно ответил он. – Она хочет или полностью обладать мужем, или совсем отказаться от него. Нам не удалось прийти к какому-либо соглашению, а потому она расторгла нашу помолвку.

Принц ничуть не удивился, он так и знал, что Бернгард

непременно найдет средство получить свободу, только не думал, чтобы это случилось так скоро. Они торопились – и он, и Сильвия!

– В самом деле? – холодно заметил он. – Что мне сказать вам? Выразить свое соболезнование или же поздравить?

– Ваша светлость!.. – с негодованием вскрикнул молодой человек.

– Прошу вас, не волнуйтесь! Я взглянул на дело с точки зрения ваших родственников; они, без сомнения, сделают последнее. Они не могли помешать вашему выбору, но никогда не признавали его; теперь же расторжение помолвки исключает необходимость отречения от Гунтерсберга, и он останется за Гоэнфельсами.

– Я не думал при этом ни о дяде, ни о Гунтерсберге, – резко возразил Бернгард, – они не имеют никакого отношения к этой развязке, которой я искал меньше всех. Прошу вас верить мне на слово!

Он с трудом сдерживался; при других обстоятельствах замечания Зассенбурга, вероятно, привели бы к весьма неприятным объяснениям; молодой Гоэнфельс был не из таких, чтобы позволить так обращаться с собой, но перед этим человеком он чувствовал себя виноватым; он похитил у него любовь его невесты, хотя принц, как он думал, не подозревал об этом. Альфред Зассенбург был для него неприкосновенен. Поэтому Бернгард отвернулся, крепко стиснув зубы, и стал смотреть в глубину долины.

Сегодня туман не заполнял ее. Вершины с их обледенелыми зубцами, обширное поле глетчера на заднем плане, нагроможденные кругом камни – все было видно отчетливо, но казалось застывшим, холодным под свинцовым небом однообразного серого цвета. В тот раз порывы ветра, движение облаков и проблески отдельных случайно прорывавшихся солнечных лучей создавали видимость жизни в этой пустыне; сегодня же среди царившего здесь покоя единственными проявлениями жизни были шум потока и грохот водопада у самого глетчера.

Принц и Бернгард замолчали; они испытывали гнетущее чувство, которое навевала эта пустыня. Бернгард подошел к рунному камню и стал смотреть на его выветрившуюся мшистую поверхность. Поведение Зассенбурга казалось ему необъяснимым; он не знал о признании Сильвии и чувствовал, что если разговор и дальше пойдет в том же тоне, то он будет не в силах сохранить самообладание. Он не видел, что злой огонек, тлевший в глазах Альфреда, вдруг разгорелся в яркое пламя и что его пальцы, все еще не отрывавшиеся от курка, зашевелились, в то время как он опять заговорил:

– Вы, кажется, изучаете эти руны, таинственные знаки, которые не могут прочесть глаза смертного? Но, может быть, вы из числа тех посвященных, для которых надпись ясна и понятна и которые читают в ней свою судьбу? Так, по крайней мере, говорит древняя сага.

– Да, так говорит сага, – угрюмо подтвердил Бернгард.

– В таком случае берегитесь! Завещание Тора не приносит счастья. Древний бог грома был суровым мстителем. Он сбросил вниз вершину горы и уничтожил тех, кто изменил ему и покинул его. Он имел право так поступить, и закон мести действует и в наши дни.

– Здесь, на севере, может быть! – Бернгард вспомнил ту минуту, когда вырвал руль из рук Гаральда Торвика. – Здесь есть дикие, необузданные натуры, которые, не задумавшись, поставят на карту даже собственную жизнь и счастье, когда речь идет о том, чтобы погубить врага. Я знаю такие примеры.

Он все еще не оборачивался, иначе заметил бы, что в душе человека, стоявшего в нескольких шагах от него с ружьем в руках и готового спустить курок, происходило что-то ужасное. Этот человек, родившийся в высших кругах общества и всю жизнь связанный с ним образованием и воспитанием, был весь охвачен стихийным порывом, демонической силой, перед которой умолкал рассудок. Его глаза метали молнии; песня гибели и уничтожения звучавшая здесь в шуме бешеного потока, нашла дорогу к его ушам.

– Да, мы, цивилизованные люди, не знаем этого, – сказал он, причем его губы дрогнули как будто злой насмешкой. – Но некоторые из нас тоже поднимаются сюда, в Исдаль, и ищут ответа на свои вопросы в рунах судьбы. Одному они предскажут жизнь, другому – смерть. Никто ведь не знает, насколько он близок к смерти, не правда ли?

– Довольно нам играть комедию друг перед другом! – раздраженно произнес Бернгард. – Почему вы не говорите прямо? Вы знаете, что здесь случилось, иначе я не могу объяснить себе ваши слова. Вам известно место, где умер мой отец.

– Место, где умер Иоахим? – повторил Зассенбург, явно озадаченный. – Я знаю, как он умер, но где?.. Неужели это было здесь, в Исдале?

– Здесь, возле рунного камня; я нашел его в луже крови. Альфред вздрогнул; рука, державшая ружье, медленно опустилась, и дуло направилось в землю.

– Я сказал вам тогда, что не знаю, где это было, – продолжал Бернгард. – Для меня было мучением говорить об этом, но здесь я не в силах лгать. Да, мой отец прочел смерть в этих рунах и собственной рукой привел в исполнение приговор судьбы.

Зассенбург не отвечал; он отступил на несколько шагов назад, и злое выражение на его лице сменилось ужасом. Он не отрывал взгляда от подножия камня, будто видел там друга своей юности с пулей в сердце; потом ружье выскользнуло из его руки и упало на землю.

Оба молчали; наконец Зассенбург спросил сдавленным голосом:

– Почему вы не сказали мне об этом сразу?

– Я думал, что вы знаете. Как видите, это место имеет для меня особое значение. Я часто бывал здесь и сегодня

пришел, чтобы проститься. Теперь я уйду навстречу жизни, следовательно, надо расстаться с этими местами, напоминающими о смерти. Мой отец был вашим другом, самым любимым, как вы мне говорили, значит, и вы прольете по нему здесь слезу. Прощайте, принц Зассенбург!

Бернгард бросил еще один тяжелый и мрачный взгляд на камень и венок у его подножия, потом наклонил голову, прощаясь, и ушел.

Зассенбург остался один; он все еще стоял на том же месте, и на его лице отражался ужас, когда он тихо произнес:

– Не твой ли голос удержал меня, Иоахим? Отец и сын оба умерли бы на одном месте – это было бы слишком! Так вот где ты нашел желанный покой!

Он медленно подошел к скале, и его взгляд словно впился в выветрившийся камень с таинственными знаками. Кругом по-прежнему бушевала и шумела вода; может быть, это был тоже один из тех роковых часов, когда загадочная надпись вдруг становилась понятной для «посвященных».

Долго, очень долго стоял так принц; наконец он отвернулся, и не то горькая, не то презрительная улыбка появилась на его губах.

– Второй несчастный случай на охоте в Исдале, – пробормотал он, как бы отвечая говорившему в его душе голосу. – Никто не поверит. Я не хочу, чтобы вы считали меня трусом, не хочу, чтобы вы судили и рядили обо мне; найдется и другой путь.

Он поднял ружье с земли и порывистым движением швырнул его далеко от себя в пенящийся Ран. Несколько секунд ружье было еще видно, а потом оно погрузилось в пучину водоворота.

Тем временем Бернгард дошел до выхода из Исдаля и углубился в лес. Скалистая долина с ее воспоминаниями о смерти сомкнулась за ним. Сколько раз эти воспоминания мучили его, сколько раз вставала перед ним грозная, манящая к себе тень, но сегодня мертвый отец спас своего сына!

На следующий день в Рансдале ходили две новости, являвшиеся настоящими событиями в этом местечке.

Первый повод к удивлению преподнес Альфгейм. Внезапно уехал барон Гоэнфельс со своей дочерью – его вызвали по важным политическим делам. Это было совершенно понятно ввиду положения министра, но тем страннее показалось то, что принц Зассенбург остался в Альфгейме, а не уехал вместе с гостями, как это было решено ранее. Матросы «Орла» утверждали совершенно определенно, что принц помолвлен с баронессой фон Гоэнфельс, почему же теперь он отпустил одних невесту и будущего тестя? Они даже не воспользовались яхтой принца, а поехали в экипаже через горы на береговую пристань и там сели на пассажирский пароход. Эта новость заставила всех делать разные предположения.

Вторая новость поразила рансдальцев гораздо сильнее, потому что касалась их пастора и его дочери, помолвка которой была расторгнута. Это было неслыханным делом в здешних местах, где за торжественным обручением неизменно следовала свадьба. Бернгард возвращался на родину и опять поступил на флот, а Гильдур Эриксен отказалась следовать за ним. Она не пожелала покинуть свою родину, а намеревалась жить в Эдсвикене, как ей было обещано, и так как жених настаивал на своем решении, то она вернула ему свое

слово. Так пастор сам рассказывал матери Гаральда Торвика, и никто не сомневался в правдивости этого объяснения, но все были на стороне Гильдур.

Все рансдальцы считали оскорблением, что человек, которого они приняли здесь как своего, опять покидает их, а его возвращение на службу не могли понять вообще. В Эдсвикене он был сам себе хозяином и мог, сколько душе угодно, кататься по морю на собственной яхте. Сразу видно чужую кровь, которая не годится для здешних мест! Гильдур совершенно права, что не хочет уезжать с ним в чужие края, к его высокомерной родне, которая лишь один раз снизошла до посещения пастората. А министр вообще не пришел; для него невеста его племянника не существовала. Дочь рансдальского пастора была не слишком хороша для того, чтобы на нее смотрели знатные родственники ее мужа; но у нее голова была на месте, и она показала всей этой компании, что богатство и знатность ничего не значат в глазах гордой норвежской девушки; она швырнула все это им под ноги.

Всеобщее негодование обратилось на Бернгарда Гоэнфельса; впрочем, он не видел и не слышал этого, так как не выходил из Эдсвикена. Все его время занимала подготовка к предстоящему отъезду и распоряжения по имуществу, оставшемуся здесь. Он хотел сначала ехать в Киль, где надеялся застать Курта, потому что «Винета» стояла в гавани в ожидании следующего приказания.

Христиану Кунцу было сказано, что он со своим хозяи-

ном поедет домой не на «Орле», а на «Фрее». Во время этого переезда оба матроса-норвежца еще оставались на службе, а затем они должны были вернуться на родину с первым паромом. Услышав такое известие, Христиану хотелось громко крикнуть от восторга, но серьезное лицо его капитана показало ему, что такое поведение будет здесь неуместно; поэтому ему пришлось довольствоваться счастливой улыбкой. Но когда он вышел из дома, то не мог больше сдерживать свою радость; увидев «Фрею», он перекувыркнулся через голову, чем поверг в ужас и оцепенение Олафа и Нильса, к которым его послали с приказанием подготовить судно к отплытию.

Было пасмурное, холодное утро. На пристани стоял Гаральд Торвик со штурманом, занявшим его место на «Орле». Яхта принца уже стояла под парами, команда находилась на палубе, и от берега только что отошла лодка с прислугой принца; две другие лодки стояли в ожидании.

– Вы уходите непременно сегодня? – спросил Торвик. – Будет буря, вероятно, вскоре после полудня, а к вечеру – точно.

– Да, с пристани уже подаются сигналы, – ответил штурман, – капитан еще утром сообщил об этом в Альфгейм, но получил ответ: «Отъезд в десять, как было назначено».

– Вот как? А куда, собственно, вы направляетесь?

– Просто в море. Когда капитан был вчера в Альфгейме, принц сказал, что несколько дней хочет провести в море, а потом вернется назад в Альфгейм.

Гаральд собирался что-то сказать, но в этот момент появился капитан, также находившийся на берегу, и, отвечая на поклон своего бывшего штурмана, на ходу сказал:

– Здравствуйте, Торвик. Мы собираемся плыть, а между тем надвигается буря.

– Совершенно верно, господин капитан! – Гаральд внимательно посмотрел на небо, покрытое тяжелыми тучами. – В море будет плоховато.

– И я так считаю, но принц вбил себе в голову уйти непременно сегодня и не хочет слушать никаких возражений. Остается только повиноваться. Прощайте, Торвик!

Капитан знаком подозвал штурмана и вместе с ним сел в лодку, которая и доставила их на борт.

Торвик направился в пасторат, чтобы проститься перед отъездом. Он тоже уезжал сегодня на пароходе местного сообщения, отплывавшем в полдень, но доходившем только до береговой станции; тут Гаральд предполагал переночевать, потому что пароход на Берген прибывал только утром следующего дня. Он застал дома одного пастора; Гильдур ушла в Лангнес навестить семью, в которой был болен муж-рыбак. Она привыкла ходить к прихожанам своего отца, нуждавшимся в помощи и утешении. Пастор принял уезжающего ласково, но был очень молчалив и невесел. Он очень радовался предстоявшему браку дочери с Бернгардом, соответствовавшему всем его желаниям и крушение его надежд подействовало на него угнетающе. Гаральд попросил передать

Гильдур его поклон и вскоре распрощался.

Когда он выходил за дверь, «Орел» отплывал. Зоркий глаз Торвика узнал принца, в одиночестве стоявшего на верхней палубе и смотревшего на рансдальские горы, где находился его Альфгейм; он смотрел так долго, так пристально, точно прощался с этими местами; а между тем ведь через несколько дней он собирался вернуться туда. Стройное белое судно быстро разрезало волны и его прежнему штурману, вероятно, вспомнилось, почему он занял тогда это место; из его груди вырвался тяжелый вздох. После своего богатого последствиями разговора Гаральд не виделся с Гильдур и даже не знал, как она переносит разлуку, вызванную, очевидно, исключительно его разоблачениями. Впрочем, он не рассказывался; он сделал то, что считал своим долгом, но все же не в силах был уехать не простившись. Она должна была уже возвращаться домой, он не мог разминуться с ней, и после недолгих раздумий он пошел по дороге вдоль берега.

Лангнес находился на расстоянии получаса езды от Рансдаля. Он состоял всего из четырех-пяти домиков, расположенных у небольшой бухты. Недалеко оттуда на мысе стоял сигнальный шест – указатель для возвращавшихся домой лодок; вокруг него были нагромождены камни для его укрепления. На одном из этих камней сидела Гильдур и смотрела на фиорд. Она так углубилась в свои мысли, что заметила подошедшего Гаральда, лишь, когда он около нее остановился.

– Я только что был у твоего отца, – начал он неуверенным

голосом. – Он сказал мне, что ты пошла сюда, и я подумал... Мне хотелось видеть тебя, потому что я сегодня уезжаю.

Гильдур приветливо протянула ему руку.

– Поезжай с Богом, Гаральд! Счастливого пути!

Торвик, видимо, не ожидавший этого, пытливо посмотрел на нее. Всякий другой человек едва ли заметил бы в ней какую-нибудь перемену, только ее лицо казалось бледным и усталым, как будто после бессонной ночи. Но Гаральд увидел мрачную тень в глазах любимой девушки, всегда веселых и ясных, и заметил горькое выражение ее губ. Его не обмануло ее спокойствие, и он, почти робко взяв протянутую ему руку, произнес:

– Я думал, что ты навсегда лишишь меня своей дружбы. Я ведь причинил тебе столько горя.

– Да, – просто ответила девушка.

– Может быть, мне следовало лучше промолчать, но ты и сама заметила бы, наконец, что сердце Бернгарда где-то совершенно в другом месте, а между тем вы были бы уже мужем и женой. Впрочем, может быть, ты стерпела бы это и примирилась?

– Неужели ты в самом деле так думаешь?

– Нет! Я знал, что ты прогонишь его, и ты хорошо сделала, потому что этот брак был бы для тебя сплошным испытанием. Бернгард совсем не такой, как мы, а мы не такие, как он. Он вернулся, это правда, но жить с нами этот барон Гоэнфельс не в силах. Он годится только для своего флота,

где может бороться и завоевывать себе положение; он хочет завоевать положение в обществе, как его дядя, – да, вероятно, так и будет, – и если для этого придется послать к черту свободу, это не огорчит его. Здесь, в Рансдале, для него все слишком незначительное; ему здесь тесно; он головой и сердцем там, и раньше или позже, а все равно ушел бы туда.

Гильдур не возражала; она давно знала это, еще со времени приезда Курта Фернштейна, но не хотела признаваться даже самой себе и с тайным страхом отгоняла от себя эту мысль. Любовь Бернгарда к Сильвии только довершила то, что началось уже давно – его охлаждение к Рансдалю. Теперь он освободился, чтобы идти навстречу своему будущему.

– Все это уже прошло, поговорим о другом, – сказала Гильдур, желая переменить разговор. – Ты едешь в Берген? Когда ты вернешься?

– Я думаю, весной, и уже капитаном. Правда, я останусь здесь еще недели две; я надеюсь скоро получить судно.

– Это будет большой радостью для твоей матери. Она всегда мечтала увидеть тебя капитаном.

– Да, мать... больше никого это не обрадует, меня лично меньше всех.

– Почему же? Ты столько времени ждал этого, работал ради этого.

– Тогда у меня в голове было кое-что другое, получше; теперь этого больше нет. Не отворачивайся, я не стану опять мучить тебя этим. Забыть этого я не смогу, но покориться,

стиснув зубы, можно. Проживу и так!

Гильдур действительно отвернулась при первых его словах, теперь тихо спросила:

– Разве я в самом деле так нужна тебе для того, чтобы ты был счастлив?

– Нужна ли ты мне? У меня с самой ранней юности не было в мыслях ничего, кроме тебя; я не мог представить себе ни домашний очаг, ни жизнь без тебя! Ты не знаешь, Гильдур, как все это было!

Лед тронулся; Торвик совсем забыл свое намерение, и все, что годами таилось в его душе, вырвалось наружу. Угрюмый, молчаливый Гаральд перед разлукой вдруг стал красноречив.

Он признался, как еще молодым матросом, приезжая домой, неотступно следил за каждым шагом Гильдур, тогда еще девушки-подростка, прячась, потому что она не должна была замечать этого, но он только тогда и бывал счастлив, когда мог быть возле нее; как позднее он начал копить деньги, отказываясь от развлечений и откладывая каждую копейку, иной раз даже терпел нужду, чтобы в будущем устроить домашний очаг, достойный его жены. А потом узнал о ее помолвке; это известие разом уничтожило, опрокинуло все, что до того было целью его жизни. С того времени он возненавидел Бернгарда, и хорошо, что тот уезжал с глаз долой, иначе, чего доброго, случилась бы беда. И если бы не старуха-мать, у которой он был единственным сыном, он никогда

не вернулся бы в Рансдаль, ведь Норвегия велика, и везде ему будет лучше, чем здесь, где он не может жить без воспоминаний. Теперь он равнодушен к званию капитана, к своему будущему, вообще к жизни; лучшее, что есть во всем этом, для него потеряно.

Это звучало сурово и грубо. Гаральд Торвик умел молчать, как умел терпеливо страдать. Гнев, ненависть, угроза – все это неудержимо поднялось со дна его души, но сквозь все ярко светила горячая, страстная любовь к Гильдур, которую он не мог забыть несмотря ни на что, любовь, такая же прочная, непоколебимая, как горы его родины, способная так же стойко, как они, выдерживать бури и непогоды. В такой верности есть что-то великое.

Это почувствовала и Гильдур. Она не прерывала Гаральда ни словом, но, когда он замолчал, сказала, хотя и с дрожью в голосе, с которой не могла справиться:

– Гаральд, я очень-очень любила Бернгарда Гоэнфельса.

Торвик посмотрел на нее удивленно и вопросительно. Но девушка храбро продолжала, и ее голос постепенно становился тверже:

– Я не могу легко и быстро побороть в себе это чувство; дай мне время. Но весной, когда ты вернешься, приходи в пасторат... ко мне.

Гаральд вздрогнул, точно ослепленный лучом счастья, которого уже не ждал и которое вдруг сверкнуло перед ним.

– Гильдур, ты могла бы?.. ты хотела бы?..

– Да, я хочу, значит, и смогу, – ответила она. – Ты не будешь всю жизнь одиноким.

Торвик стремительно схватил обе ее руки, и то, к чему ни горе, ни несчастье не могли принудить этого упрямого человека, сделало счастье: на его глазах показались слезы.

– Ты в самом деле хочешь быть моей женой? – воскликнул он, точно все еще не веря. – Я знаю, я злой, плохой человек; ты и не подозреваешь, до какой степени я плохой, но все это изменится, когда у меня будешь ты! Ты не услышишь грубого слова, у тебя не будет ни одной неприятной минуты. Ведь ничего в целом мире я не люблю так, как тебя! Ты можешь мне верить!

Девушка улыбнулась бледными губами.

– Я верю тебе, Гаральд! Но пусть то, о чем мы сейчас говорили, останется между нами; пусть никто не знает, пока ты не вернешься. Тебе придется работать многие месяцы, прежде чем ты станешь капитаном; так работай же для себя и для меня.

– Для тебя! – повторил Гаральд, и его прежде мрачное лицо просияло, точно освещенное лучом солнца. – О, я буду работать! Теперь я сделаю все.

Гильдур с мягким усилием высвободила свою руку, которую он все еще держал.

– Теперь иди! Не пропусти парохода!

– А ты? – спросил он нерешительно и с мольбой в голосе.

– Мне хочется с часок побыть одной. Прощай, Гаральд.

До свиданья!

Торвику хотелось остаться еще, но он покорно повиновался, и светлая, счастливая улыбка все еще озаряла его лицо, когда он повернулся, чтобы уйти.

Гильдур осталась одна; она знала, зачем осталась здесь, несмотря на такой резкий ветер. Визит к больному, от которого она возвращалась, был лишь предлогом для того, чтобы посидеть на этом месте, откуда была видна вся верхняя часть фиорда. Олаф был вчера в Рансдале и говорил, что «Фрея» выйдет сегодня до полудня; но яхта еще не показывалась.

В начале сентября стояла теплая, почти летняя погода, но она резко переменялась, и все вокруг имело осенний вид. Было пасмурно; ледяной ветер поднимал волны на фиорде, а на юге, по направлению к морю, громоздились тяжелые тучи. Вся красота прежде солнечного ландшафта разом потускнела. Рансдаль и его луга казались холодными, бесцветными, а над морем поднимались темные и грозные скалы; волны, пенясь, разбивались о камни и рассыпались у самых ног одинокой девушки, которая ожидала... последнего прощанья.

Вот, наконец, из бухты Эдсвикена быстро выплыла «Фрея». На ней были подняты все паруса, и она буквально летела по ветру. Судно было слишком далеко, чтобы можно было различить что-либо на его палубе: видно было только, что на нем не было сегодня флага; на мачте не развевались, как обычно, норвежские цвета.

Гильдур встала и, схватившись левой рукой за шест, пра-

вую крепко прижала к груди; она стояла, подавшись вперед и смотрела вслед навсегда уходившему от нее счастью. Она не плакала и была совершенно неподвижна, но в ее глазах выражалось бесконечное горе. Все дальше и дальше уплывало судно, вот оно поравнялось с выступающими в фиорд скалами и скрылось за ними.

«Фрея» оставила позади верхний фиорд, и Рансдаль скрылся из вида. Горы с обеих сторон отступили назад, фиорд все расширялся, волны стали подниматься выше: уже чувствовалось близкое дыхание моря. Вдруг на мачте «Фрейи» появился германский флаг, а над ним взвилась узкая, развевающаяся по ветру полоска; это был вымпел родины!

На береговой станции также предвидели надвигающуюся бурю, и опытные моряки были уверены, что непогода разыграется не на шутку. Около полудня из фиорда вышел «Орел» и на всех парах направился в открытое море. На станции говорили, что чистое безумие при таких явных признаках непогоды отправляться в путь, если это не вызвано крайней необходимостью; здесь же речь шла о капризе знатного барина. Гораздо позднее сюда пришла хорошо знакомая всем «Фрея»; ее хозяин оказался благоразумнее; хотя он и не боялся бури, но если бы она застигла его между островами и подводными камнями, он рисковал бы судном и жизнью. Поэтому «Фрея» бросила якорь в маленькой, но безопасной гавани, намереваясь дожидаться здесь утра. Вечером пришел и рансдальский пароход и высадил своих пассажиров, которые и без того должны были ночевать здесь.

Это была тревожная ночь. С наступлением темноты буря разразилась со страшной силой. В открытом море бушевал настоящий ураган; прибой у берега достигал угрожающей высоты; суда в гавани метались и бились на своих якорных цепях, грозя каждую минуту сорваться. Это продолжалось всю ночь до рассвета и только днем стало ясно, до какой степени ужасна погода. Насколько видел глаз, и небо, и море представляли дикий хаос; вверху мчались грозные тучи,

внизу бушевали волны, заливая соседние скалистые острова, а ветер дул все с той же свирепой силой.

На самой высокой точке берега стояла толпа мужчин, среди которых находился Гаральд Торвик и лоцманы; слышался громкий взволнованный говор, который смолкал только тогда, когда все прислушивались к глухим звукам, доносившимся с моря через определенные промежутки времени. К ним подошел Бернгард с Христианом; он провел ночь на «Фрее», чтобы быть на месте в случае, если бы ее сорвало с якоря, и только теперь сошел на берег.

– Что там такое? – спросил он. – Какое-нибудь судно в опасности? Это выстрелы, призывающие на помощь!

– Да, с «Орла», – ответил Торвик. – Должно быть, он хотел вернуться, когда на море разыгрался шторм, но попал на Свендхольм. Теперь плотно сидит на камнях, и к нему невозможно подойти.

Лицо Бернгарда выражало испуг и удивление. Он знал, что его дядя и Сильвия уже уехали и Зассенбург на яхте один. Ему было также известно, что значит сесть на рифы в такую погоду. Свендхольм находился на значительном расстоянии от всех островов и прибрежных камней, в открытом море.

– Откуда же вы знаете, что это «Орел»? – торопливо спросил он. – Разве туда выслали шлюпку?

– Да, когда рассвело, – ответил один из лоцманов. – Это яхта принца; ее узнаешь среди сотни других судов. Мы ви-

дели ее издали, однако подойти не смогли; три раза пробо-
вали, но не удалось. Пришлось вернуться на берег.

– Это выше человеческих сил, – подтвердил другой. – Вы видите, что творится здесь, а там, у Свендхольма, настоящий ад. Надо обождать.

Все лоцманы были того же мнения. Совершенно бесполезно было даже пробовать выйти в море; волны все равно отбросили бы лодку назад. Оставалось только ждать, пока буря хоть немножко стихнет.

Бернгард напрасно всматривался в туман. Он знал стоявших рядом с ним закаленных, неустрашимых моряков, которых не пугала никакая опасность; они привыкли рисковать жизнью, как на собственном судне, так и помогая другим; если они не решались отправиться в море, значит, это, в самом деле, было бесполезно. Он подошел к Торвику, не принимавшему участия в последнем разговоре, а молча, со скрещенными на груди руками смотревшему на море, и, отведя его в сторону, тихо сказал:

– Кажется, на «Орле» больше ждать не могут. Они, не переставая, зовут на помощь сигнальными выстрелами; дела, очевидно, плохи.

– Раз они попали на Свендхольм, то он будет держать их. Лодка не может подойти. Правда, туда слишком далеко, но твоя «Фрея»... пожалуй, справится.

Глаза Бернгарда заблестели.

– Я тоже так думаю! «Фрея» пробьется даже при таком

шторме.

– Можно, по крайней мере, попытаться. Я как раз соби-
рался спросить тебя... – Гаральд запнулся и потупился, но
затем решительно договорил: – Не дашь ли ты мне свое суд-
но для этого?

– Ты хочешь плыть на помощь? – спросил Бернгард, делая
резкое ударение на «ты».

– Именно я! Меня это касается больше всех!

Глаза двух мужчин встретились. Когда-то была минута,
когда «Орел» был близок к гибели, и только энергичная ру-
ка, ухватившая руль, спасла его.

– А ты не хочешь? – спросил Торвик, не дождавшись от-
вета. – Значит, ты мне не доверяешь?

– Хочу! – вдруг твердо проговорил Бернгард. – Ты прав,
тебя это касается больше чем других; но мы поплывем вме-
сте. Я велю подготовить «Фрею», а ты пока договорись с
остальными.

Гоэнфельс убежал, а Гаральд подошел к морякам; через
несколько минут они уже договорились. Если «Фрея» до-
берется до Свендхольма, можно будет попытаться плыть на
шлюпке, чтобы, по крайней мере, выйти ей навстречу. Хри-
стиан, который не мог понять предыдущий разговор, кото-
рый велся вполголоса, только теперь узнал в чем дело. Он
пробрался вперед и крикнул:

– И я поеду с вами!

– Ты останешься здесь! – грубо осадил его Гаральд. – По-

береги свою жизнь, мальчик! Таких птенцов нам не нужно.

Но голштинец рассердился; он потряс перед самым носом Торвика своими сильными молодыми кулаками и вызывающе крикнул:

– Я свое дело знаю не хуже вас! Я служу на «Фрее», а на «Орле» в опасности мои земляки; я не брошу их в беде!

И он поспешно, словно боясь, что его задержат, побежал вдогонку за своим капитаном.

Гаральд обменялся еще несколькими словами с лоцманами и поспешил туда же. Они посмотрели ему вслед, и самый старший выразительно проговорил:

– Если бы у руля был он – этого не случилось бы. Теперь судно, пожалуй, уже тонет.

Как бы в ответ на эти слова с моря снова донесся глухой, зловещий звук. Сигнальные выстрелы следовали один за другим все с более и более короткими промежутками, призывая на помощь.

В море на камнях Свендхольма сидел «Орел». Красивая, гордая яхта, еще только вчера выплывшая из фиорда на всех парах словно для того, чтобы сразаться с бурей, теперь представляла собой беспомощный обломок. Острые подводные камни глубоко вонзились в его корпус, задняя палуба уже погрузилась в воду, передняя еще держалась на скалах, но волны, заливавшие весь остров, без устали штурмовали ее. Попытка спустить шлюпки, оставшиеся целыми после катастрофы, потерпела неудачу; одну из них сейчас же втянуло в

водоворот прибоя, другую волны швырнули на скалы и разбили в щепки, прежде чем в нее успели сесть. С этим пропала последняя надежда потерпевших крушение, они могли погибнуть, если помощь не подоспеет вовремя.

Но помощь пришла. «Фрея» действительно пробилась сквозь бурю и волны, так что появилась возможность поближе подойти к «Орлу». Было очень трудно управлять судном и удерживать его при таком шторме. Самой «Фрее» грозила опасность быть выброшенной на рифы и разбиться, но у руля стоял Гаральд Торвик, и этим было все сказано. Не обращая внимания на бешеный грохот и рев вокруг, он стоял, как высеченный из скалы. С выражением ледяной решимости на лице, он следил за каждым движением «Фрей» и удерживал ее от столкновения с опасными рифами. Это был нечеловеческий труд, и никто другой не выполнил бы его. Он повелевал судном и волнами.

Бернгард взял на себя работу не менее трудную и опасную: установить сообщение с «Орлом». Это должна была сделать шлюпка с «Фрей», и она выполнила ее, зайдя со стороны берега, где волны были не так сильны. Бернгард правил, а Христиан энергично работал веслами. До острова было недалеко, но и на таком коротком расстоянии спасателям грозила смерть.

Все люди, находившиеся на «Орле», столпились на передней палубе; судно все еще держалось, но при каждой новой волне, набегавшей на него, его качало из стороны в сторону.

Впереди стоял капитан и совершенно спокойно отдавал распоряжения. О спасении яхты нечего было и думать, речь шла лишь о людях, но его пример и точные распоряжения поддерживали порядок и дисциплину. Когда подошла шлюпка, он, прежде всего, усадил в нее прислугу принца. Эти люди были бледны и дрожали, но поведение команды придавало и им мужества. Они не кричали и не плакали, а покорно выполняли каждое приказание. Все благополучно спустились в лодку.

– Где принц? – крикнул Бернгард, ожидавший увидеть его первого. – Где ваш хозяин? Почему он не идет?

– Он не желает!.. Он хочет оставить свое судно последним.

– Это безумие! – воскликнул молодой человек. – Это дело капитана, а не его! Он не моряк!

Но для пререканий не было времени; каждая последующая волна могла принести с собой гибель. Сели еще несколько матросов; лодка отчалила и перевезла своих пассажиров на «Фрею». Второй раз добрались также благополучно, и тогда Бернгард крикнул капитану:

– Давайте сюда принца! Это проклятое упрямство будет стоить ему жизни! Пусть идет сюда! Где он?

– Его нигде нет! – донесся голос сверху. – Он вдруг исчез. Мы напрасно ищем его!

О дальнейших поисках не могло уже быть и речи. Оставшиеся на палубе с трудом держались на ногах; волны захлестывали их, все кругом качалось и трещало. Капитан видел,

что судно едва продержится несколько минут, и стал торопить людей, находящихся около него. Наконец все спустились, и шлюпка отчалила.

Вдруг на поднятом кверху носу судна, которое при последнем толчке буквально встало на дыбы, появилась фигура Альфреда Зассенбурга. Должно быть, он только сейчас вышел на палубу; он стоял, крепко ухватившись за перила; капюшон дождевика соскользнул с головы и открыл его лицо; бледный, но с выражением мрачного спокойствия, он смотрел на бушующее море и на отплывавшую лодку. Бернгард первый заметил его, и его восклицание привлекло внимание остальных.

– Альфред, прыгайте! – закричал он изо всей силы. – Судно гибнет! Решайтесь, мы подберем вас!

Ответа не последовало. Зассенбург только поднял руку и махнул в знак прощанья. В эту минуту Бернгарду стало ясно, что этот человек не желает, чтобы его спасали, что он совершенно сознательно пошел на смерть, хотя шум бури и заглушил его последние слова:

– Ступай навстречу своему счастью, я же пойду к твоему отцу!

С моря неслась гигантская волна – настоящая водяная гора, зеленая, с белым пенистым гребнем; она обрушилась на судно и сорвала его со скалы; вода запенилась, зашипела, заклокотала в адском водовороте. Лодка рванулась вперед от опасного места. Когда она достигла «Фрей», подводные ска-

лы были уже пусты; «Орел» погрузился в воду, а вместе с ним и его хозяин.

«Кильская неделя» закончилась; великолепное зрелище морских маневров завершилось, и часть судов уже готовилась к отплытию. Но в гавани и в городе еще царило оживление; шлюпки с флотскими офицерами и матросами сновали взад и вперед, а множество приехавших отовсюду людей еще не успели разъехаться; большинство оставалось еще на несколько дней.

Обнявшись и весело беседуя, по гавани прогуливались два молодых моряка; вдруг они вытянулись в струнку и отдали честь лейтенанту флота, только что подъехавшему к берегу на шлюпке.

– Ну что, Христиан? Блаженствуешь в своем новом звании кабельного юнга и члена имперского германского флота? – спросил он подходя. – Э, да это Генрих Кунц! Впрочем, все верно, ведь и вы должны были прийти сюда на «Фетиде»! Правда, здесь веселее, чем в Ледовитом океане, где мы встретились в последний раз? А Христиан-то рад-радешенек, что опять дышит немецким воздухом.

– Так точно, – ответил очень красивый в своей новой форме Христиан. – Но лучше всего то, что я буду вместе со своим капитаном, то есть, я хотел сказать... со своим лейтенантом.

Офицер – это был Курт Фернштейн – громко рассмеялся.

– Вместе... нечего сказать! Он отплывает сегодня в наши африканские колонии, а ты остаешься в Киле на учебном судне. Разумеется, это совсем близко!

– Но все-таки мы под одним флагом! – с восторгом воскликнул Христиан. – Мне кажется, я не мог бы вынести, если бы он остался в Рансдале.

– К счастью, и он этого не вынес. Кстати, я могу сообщить тебе одну новость из Рансдаля: бывший штурман «Орла», а теперь капитан Торвик, скоро получит пароход моего тестя «Эрлинг». Он займет это место в будущем месяце. Ну, до свиданья!

Курт дружески кивнул обоим и пошел своей дорогой. Христиан весь сиял в восторге оттого, что молодой офицер обращается с ним так запросто. Это было вдвойне лестно для него при брате, тем более что последний с некоторым оттенком зависти проговорил:

– У тебя всюду, куда ни погляди, протекция. Лейтенант Фернштейн разговаривает с тобой как со старым знакомым, а лейтенант Гоэнфельс специально ходил к командиру, чтобы попросить его принять тебя под свое покровительство. Тебе хорошо живется!

– А его превосходительство министр обратился ко мне лично, когда осматривал наше судно третьего дня! – прибавил Христиан в приливе необузданной гордости. – Он сказал, что поездкой на Свендхольм я великолепно зарекомендовал себя, и посоветовал мне продолжать так, как я начал,

тогда из меня выйдет что-нибудь путное. При всех сказал!

– Этак ты еще, пожалуй, прославишь наш род! – насмешливо заметил Генрих. – Но кто этот Торвик, ставший капитаном? Ты знаешь пароход «Эрлинг», которым он будет управлять?

– Да, он стоял в Дронтгейме, когда мы были там. Кажется, это самое большое и лучшее из всех судов господина Лундгрена; но я не поздравляю его команду с таким капитаном.

– Отчего? Разве он такой строгий?

– Настоящий медведь! Другого такого во всем мире нет! Как он себя вел, когда привел «Фрею» обратно со Свендхольма! Ведь в такую адскую погоду это был геройский подвиг; команда «Орла» собралась и хотела поблагодарить его. Видишь ли, у них вышла какая-то глупая история: они повздорили, накинулись все на него одного и здорово избили; теперь им стало стыдно, и они хотели попросить у него прощения. Посмотрел бы ты на Гаральда Торвика в то время, когда они заговорили об этом! Другой забыл бы все и пожал бы им руки, а он буквально рассвирепел. Он, дескать, вообще не хочет об этом говорить, и ему не нужно никакой благодарности, пусть они оставят его в покое. И при этом покраснел как рак и уставился в землю, будто ему было стыдно. К счастью, вмешался мой хозяин и сказал: «Я думаю, Гаральд, ты можешь с чистой совестью принять благодарность, так же, как и я». Тогда он замолчал, но все-таки не сказал им ни одного доброго слова.

Начав рассказывать, Христиан уже не мог остановиться. Слава Богу, тут никто не ворчал на него за это, как Олаф и Нильс, когда у их товарища появилась потребность отвести душу; здесь знали, что рот дан человеку для того, чтобы говорить, а не для того, чтобы молчать.

Между тем лейтенант Фернштейн шел дальше; вдруг он замедлил шаги и стал всматриваться в шедшую ему навстречу пару, которая в настоящую минуту остановилась, чтобы посмотреть на суда.

– Право же, это Филипп! – проговорил он вполголоса. – Видно, мне суждено всюду встречать его. И ведет под руку какое-то существо женского пола! Должно быть, опять утешился. Надо будет посмотреть поближе. – И он направился к ним.

– Здравствуй, Филипп! Опять мы встречаемся в Киле! Извините, сударыня, что я так бесцеремонно заговорил с вашим спутником, мы старые школьные товарищи.

Филипп Редер, казалось, был не очень-то обрадован этой встрече, он смутился, но потом кое-как овладел собой.

– Ах, Курт! И ты здесь? Конечно, по делам службы? Я так и думал. Милая Сабина, позволь представить тебе лейтенанта Фернштейна; моя невеста, фрейлейн Ланкен!

«Так и есть!» – подумал Курт, внимательнее присматриваясь к даме.

Она была старше жениха и некрасива, но у нее были весьма волевые черты лица, и она чрезвычайно зорко огляде-

ла неожиданно обретенного «школьного товарища». Стройный, красивый офицер сразу приглянулся Сабине; она улыбнулась и благосклонно приняла его приветствие.

Филипп был такой же бледный и унылый, как и прежде; он по мере сил старался держаться непринужденно и тоже задал вопрос. – Может быть, и ты помолвлен? Помнится, когда я уезжал из Норвегии, на это было очень похоже.

– Прошу выражаться с большим почтением; ты видишь перед собой человека, женатого уже шесть недель!

– А, вот как!.. Разумеется, на фрейлейн Инге Лундгрэн? – Физиономия Редера стала кислой как уксус; вероятно, он вспомнил танец бесноватого, исполненный им в гостинице в Дронтгейме. Непосредственная близость его третьей любви, казалось, не доставляла ему особенного утешения.

Курт весело воскликнул:

– Разумеется! Я вернулся на «Винете» в начале мая и сразу обвенчался со своей Ингой. Папа тоже был на свадьбе с нашими молодыми супругами из Оттендорфа, обвенчавшимися еще зимой. Теперь мы устроились пока в Киле, потому что мой крейсер простоит здесь до осени, а там придется опять отправляться Бог знает куда.

– Ах, уж эти моряки! – сказала фрейлейн Ланкен. – Только и знают, что плавают по всяким морям и чувствуют себя дома во всех частях света, только не в своей семье. Ваша жена мирится с этим?

Курт, улыбаясь, пожал плечами.

– Ей ничего больше не остается, такая уж наша профессия. Служба прежде всего.

– Филипп не служит, – заметила невеста с чувством удовлетворения. – Я никогда не согласилась бы, чтобы он зависел от чего-нибудь; да он в этом и не нуждается. Мы намерены купить имение и жить там летом, а зимой, конечно, будем жить в городе; только мы еще не знаем, где именно: в Берлине или Дрездене. – Она говорила уверенно. Было видно, что при составлении планов будущей жизни она имела решающий голос, а жених играл совершенно пассивную роль. И действительно, он только покорно кивнул, между тем, как она продолжала: – Мы не будем отправляться в дальние путешествия, а станем совершать только небольшие поездки. Филипп в прошлом году ездил на север, но ему там вовсе не понравилось, и он только нажил себе ревматизм. Там очень холодно?

– Только местами; летом иной раз бывает даже очень тепло, – ответил Курт. – Впрочем, Филипп совершенно прав, отказываясь от дальних странствий, он создан не для этого. В Северном море он страдал морской болезнью, на Нордкапе – головокружением, а в рансдальских горах не мог вынести езду в экипаже. В будущем у него будете вы, довольно с него и этого.

Любезный поклон довершил комплимент.

Невеста приняла его с явным удовольствием. Но Редеру стало при этом немного не по себе; он достаточно хоро-

шо знал эту любезность своего школьного товарища и понимал, что под ней кроется. Поэтому он поспешил прекратить разговор, заявив, что им пора возвращаться в гостиницу, так как они уезжают после полудня. Они обменялись еще несколькими фразами и расстались.

Недалеко от города стояла прехорошенькая вилла с видом на бухту и гавань; здесь поселились молодые супруги Фернштейн. Лундгрены, отец и мать, сделали все, что было в их власти, чтобы как можно красивее и уютнее обставить дом своей единственной дочери. Это было прелестное гнездышко, но самым прелестным в нем была молодая хозяйка, выбежавшая навстречу своему возвращавшемуся домой мужу; он принял ее в свои объятия так, будто отсутствовал целый день, а не два часа.

– Наконец-то ты пришел! – сказала она, надув губки. – Конечно, ты прощался со своим любимым Бернгардом; значит, я должна ждать.

– А ты ревнуешь? – шутливо спросил он. – Хотя Бернгард неповинен в моем опоздании; напротив, я сократил свой визит, потому что на «Курфюрсте» были дядя Гоэнфельс с Сильвией, которые тоже приехали проститься, и я не хотел мешать им. Мне кажется, ты права, Инга, тут что-то есть.

– Я всегда права! Я догадалась, в чем дело, еще тогда, когда мы встречали министра на вокзале. Стоило только взглянуть на физиономию Бернгарда в ту минуту, когда Сильвия вышла из вагона, и на ее глаза. Но вы, мужчины, не замеча-

ете таких моментов. Правда, ты говорил, будто она невеста принца Зассенбурга.

– Конечно. Они приняли наши поздравления на Нордкапе; но знали об этом только немногие посвященные лица. Зассенбург умер, прежде чем успели объявить о помолвке, и его внезапная смерть стоила Сильвии княжеской короны.

– И мужа, который был бы чуть ли не на тридцать лет старше нее. Мне это было бы не по душе, и, я думаю, она только покорялась честолюбивым планам отца. Во всяком случае, смерть принца сделала ее свободной, и теперь между ней и Бернгардом нет никаких препятствий.

– Пока между ними только восточная Африка, – сказал Курт. – Пройдет, может быть, целых два года, прежде чем он вернется назад. Кстати сказать, я теперь в высшей степени зол на своего закадычного приятеля, как ты его величаешь, потому что с ним все нянчатся, а на меня ноль внимания! Я не изменял долгу, ни разу не нарушил дисциплины, и никто не ставит мне этого в заслугу, а блудного сына, который раскаялся и вернулся, считают чем-то вроде героя. У дяди Гоэнфельса Бернгард теперь на первом плане, и он обращается с ним как с будущим наследником престола; впрочем, в Гунтерсберге он этим наследником действительно будет. Но главное, что и наш старый, ворчливый морской волк, капитан Вердек, туда же! Когда его назначили командиром «Курфюрста», он натуральным образом выпросил себе Бернгарда. Берегись, Инга, он еще перехватит у меня адмиральство!

– И думать об этом не смей! – маленькая женщина обеими руками вцепилась в кудрявые волосы мужа и принялась его трясти. – Ты обещал мне, что я буду адмиральшей! Я только ради этого и вышла за тебя и разбила сердце бедняги Филиппа Редера!

Молодой супруг, смеясь, вырвался из цепких маленьких ручонок.

– К сожалению, я должен развеять твою иллюзию, моя дорогая женушка! Ты думаешь, твой бывший обожатель забился в какой-нибудь укромный уголок, и умирает медленной смертью от своей сердечной раны? Я только что встретил его, это и стало причиной моего опоздания. Он прогуливался по гавани под руку со своей невестой и представил ей меня.

– Уже утешился? – спросила Инга с некоторым разочарованием.

– Тебя это удивляет? Он уже привык обручаться. В первый раз он совсем обручился, во второй раз – наполовину, ты серьезно напугала меня тогда своей угрозой! Теперь же его проглотят с кожей и волосами. Невеста, кажется, какая-то фрейлейн Ланкен, очень энергичная особа и хорошо знает, какие выгоды принесет ей эта богатая партия; она и теперь уже держит Филиппа под башмаком, и, в сущности, для него это счастье. Этот червяк Филипп нуждается в том, чтобы им руководили и присматривали за ним, а то он будет делать глупость за глупостью. На этот раз он не засидится в женихах, можешь быть уверена.

На лбу молодой женщины появилась морщинка; ей было все-таки немножко обидно, что ее пламенный обожатель так скоро стал искать утешения и нашел его; но она ничего не сказала, а, взяв со стола письмо, проговорила:

– У меня тоже есть для тебя новость. Угадай!

– От Гильдур? – спросил Курт, узнавший почерк. – Ну, что нового в Рансдале?

– Тоже помолвка. Гильдур дала слово капитану Торвику; мы с ним породнимся.

– Гаральду Торвику? Ну, это снимет камень с души Бернгарда. Он все терзается угрызениями совести, и совершенно напрасно, потому что Гильдур сама возвратила ему слово, так как не чувствовала себя в силах расстаться с отцом и родиной; она сама написала тебе это. Вообще, большое счастье, что она так поступила, потому что из этого брака никогда не вышло бы ничего хорошего; ведь эти люди были слишком разные. Гаральд и Гильдур – хорошие люди и подойдут друг к другу; она останется в своей любимой Норвегии, а ему в его будущей карьере не повредит то обстоятельство, что он станет племянником первого судовладельца в Дронтгейме. Он уже получил одно из судов твоего отца.

Инга задумчиво опустила голову. Гильдур всегда казалась ей слишком холодной, но все-таки женское чутье ей подсказывало, что здесь кроется что-то другое, более глубокое.

– Я никогда не могла понять этого; отказать жениху лишь потому, что не хочешь покидать родину и отца! Это не лю-

бовь. Я поступила лучше. Правда, Курт? Я поехала с тобой.

– Но когда я уйду в море, ты, конечно, будешь жить больше в Дронтгейме, чем в Киле. Твои родители выпросили свою дочку на всю зиму, а я был так легкомыслен, что согласился.

– Неужели же мне сидеть здесь одинокой и покинутой, в то время как ты отправишься, пожалуй, еще к Южному полюсу. У нас, несчастных жен моряков, ужасная судьба!

– Особенно ужасна она теперь, в медовый месяц! – сказал Курт, снова собираясь привлечь жену к себе, но она отскочила.

Он бросился за ней, и началась погоня через все комнаты, в последней он, наконец, поймал Ингу и наказал тем, что осыпал поцелуями. Молодые супруги иногда вели себя, как расшалившиеся дети.

Далеко от берега, в бухте, стоял броненосец «Курфюрст», готовый к отплытию. На палубе кипела работа; делались последние приготовления к отплытию, а некоторые офицеры еще принимали прощальные визиты своих родственников.

В сопровождении дочери приехал министр Гоэнфельс, чтобы проститься со своим старым товарищем, командиром судна, и с племянником; в глазах посторонних это был только дружеский прощальный визит, никто не должен был знать, что лейтенант Гоэнфельс прощается со своей невестой; поэтому молодым людям дали всего несколько минут, чтобы они побыли наедине. Для этого они пошли в каюту ка-

питана, который участвовал в «заговоре». Бернгард держал в объятиях только что завоеванное счастье всей своей жизни, с которым ему снова приходилось расставаться.

– Не надо переживать разлуку так тяжело, Сильвия! – Его тон ясно показал, чего стоила ему разлука. – Жена моряка должна быть мужественной. Думай о том времени, когда я вернусь.

Сильвия, всхлипывавшая у него на груди, подняла голову и постаралась улыбнуться.

– Я буду стараться, но как мучительно расставаться после такого короткого счастья! Мы виделись всего неделю, и то лишь по несколько часов в день, ты все время был на службе.

– А тебе хотелось бы иметь мужа, который сидел бы с тобой дома без всякого дела, у которого не было бы никакой цели? Я знаю из опыта пустоту такого существования, потому что жил так почти два года. Только теперь я чувствую, что живу.

– Да, если бы я могла ехать с тобой! Но ты едешь один навстречу бурям и опасностям, а я не могу делить их с тобой!

Сильвия, произнесшая эти слова, полные страха и горячего чувства, была уже не прежняя Сильвия, заслужившая эпитет «немилостивой богини». Она проснулась для полной, кипучей жизни, с тех пор как научилась страдать и любить. Бернгард нагнулся и заглянул в затуманенные слезами глаза, смотревшие на него.

– Глаза нимфы! – сказал он со страстной нежностью. –

Курт был совершенно прав, и, может быть, я потому и люблю их так сильно, что в них есть что-то родственное нашей стихии, нашему прекрасному, гордому, свободному морю. Оно пугает и в то же время манит, непреодолимо влечет к себе. Так и твои глаза, Сильвия!

В эту минуту открылась дверь, и вошел министр.

– Ну, надо расставаться, дети! – напомнил он. – Слышите? Сейчас дадут сигнал, чтобы посторонние уходили. Поезжай Богом, Бернгард, и возвращайся благополучно домой. Ты получишь жену, а вдобавок найдешь и отца, – и он обнял племянника.

Бернгард еще раз страстно прижал к груди невесту, и они пошли наверх.

На палубе они простились как родственники. Пока Бернгард провожал Сильвию к трапу, Гоэнфельс обменялся рукопожатием с капитаном.

– Поручаю его тебе, Вердек! – сказал он вполголоса. – Побереги его для меня!

– Убережешь его! Он делает только то, что взбрет в его упрямую голову. Немало хлопот и горя наделал нам этот бедовый малый своим безумным стремлением к свободе, но, я полагаю, он получил хороший урок и теперь уже не уйдет от нас, хотя его нужно держать в узде. Но зато потом еще порадует тебя!

Через час «Курфюрст» снялся с якоря. Великолепное, гордое судно послало последний прощальный привет роди-

не своими развевающимися флагами и поплыло в открытое море.

Немного в стороне от других офицеров, которые находились на палубе, стоял лейтенант Гоэнфельс и, не отрываясь, смотрел на медленно удаляющийся берег. Там, на балконе большой гостиницы, развевался белый платок; он не переставал мелькать в воздухе, пока судно не скрылось из виду. К Бернгарду подошел капитан Вердек, знавший, кого оставляет здесь молодой офицер.

– Ну, что? Небось, тесновато стало в мундире от того белого платка? – спросил он. – Ничего не поделаешь, вы опять на службе; тут уж не приходится оглядываться назад, теперь только вперед!

Бернгард поднял на него глаза, и в его голосе послышалось глубокое душевное волнение, когда он сказал:

– Господин капитан, до сих пор я не решился поблагодарить вас; вы держались далеко от меня. Могу я сделать это теперь?

– Поблагодарить? За что? – пробурчал Вердек. – Ваш дядя хлопотал, чтобы вас опять приняли на службу.

– Но вы просили, чтобы меня назначили на ваше судно, неужели вы не позволите мне даже поблагодарить вас за это? Ну так я постараюсь доказать вам свою благодарность.

Старый моряк полусердито, полуласково посмотрел на своего бывшего любимца, наконец, опять попавшего в его руки.

– Хорошо, я ловлю вас на слове; вы должны оправдать то, в чем я поручился перед вашим дядей после нашего первого плавания. Когда-нибудь вы это узнаете, и тогда помилуй вас, Бог, если вы сделаете меня лжецом!

– Я знаю.

– Вот как! Это было совершенно лишнее.

– Нет, это было необходимо. Правда, в то время ваши слова прозвучали для меня злой и унижительной насмешкой; я оттолкнул от себя будущее, которое вы мне пророчили. Но только эти слова придали мне мужество вернуться и снова показаться вам на глаза. Ними вы возвратили мне все.

Что-то похожее на улыбку пробежало по серьезному, жесткому лицу командира; он крепко сжал руку молодого офицера и сказал:

– В таком случае, Бернгард, оправдайте же эти слова!

Далеко на севере лежит пустынная, скалистая долина, окруженная обледенелыми вершинами. В зимнее время она занесена снегом, весной и осенью здесь бушуют вьюги. Дикий горный поток бешено мчится по дну, а в верхнем ее конце сверкает широкое ледяное поле мощного глетчера. Там стоит древний рунный камень, окутанный таинственной дымкой саги; странные письмена испещряют его выветрившуюся поверхность. Народ зовет их рунами судьбы. Науке не удалось еще разобрать их, но тот, кто угадает заветный час и скажет нужное слово, тому загадочная надпись станет ясна и понятна, и тот прочтет в ней свою судьбу: смерть или жизнь!